

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 4 (В ДВУХ ЧАСТЯХ)
«ДЛЯ МУДРЫХ»,
ЧАСТЬ 2

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-4

СБОРНИК КИФ-5 «Благотворительный». Том 4 (в двух частях),
«Для мудрых», часть 2. — Новокузнецк: Союз писателей, 2022.
— 332 с.

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

УДК 82-32
ББК84(2=411.2)6-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КИФ-5 означает «пятый конкурс имморт-фантастики». Им-морт означает, что самое ценное — это жизнь.

Мы проводим конкурсы светлых и добрых рассказов. Тексты во всех наших конкурсах не должны эстетизировать смерть и насилие. Мы также против того, что сейчас помечают знаком «18+»: массовых кровавых убийств, лихих киллеров, порнографии, постапокалипсисов, абсурда, депрессии и всего такого прочего. То есть мы против обесмысливания и обесценивания жизни. Зато мы ратуем за человеческое достоинство, нравственность и долгую-долгую, желательно бесконечную и молодую, мирную, осмысленную жизнь. И мы полагаем, что весь свой разум, все свои усилия, все свои ресурсы человечество должно направлять не на то, чтобы воевать между собой, а на то, чтобы жить всем вместе — бороться надо с внешними обстоятельствами.

Вообще говоря, наши сборники бесплатны — их несложно найти в интернете. Но сейчас перед вами особенный сборник рассказов — благотворительный. Это значит, что мы направляем вырученные средства в благотворительный фонд, помогающий детям — фонд Хабенского.

Для этого сборника нам прислали столько рассказов, что сборник получился из четырех томов.

Том 1 — «Детский».

В этом томе рассказы для детей — для тех, кто еще не умеет читать или только научился. Рассказы детям обычно читают мамы и бабушки. Но можно попросить и папу, и даже бабушку — когда они не очень заняты.

Том 2 – «Юношеский».

В этом томе рассказы для молодых людей – для старшеклассников и студентов, для людей, которые еще не отведали взрослых забот, но которые уже кое-что понимают в этом.

Том 3 – «Для взрослых».

В этом томе мы собрали рассказы для взрослых людей. Но мы хотим предупредить: здесь нет откровенных любовных сцен и всего такого прочего – того, что принято называть «рассказами для взрослых». Зато здесь есть истории, которые интересны взрослым, занятым людям – они ходят на работу, зарабатывают деньги для своей семьи и несут ответственность не только за себя но и за своих близких – людям со взрослыми заботами. Рассказы помогут биться сердцу бодрее.

Том 4 – «Для мудрых» (в двух частях).

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

Из-за того, что четвертый том оказался в двух частях, сборник КИФ-5 состоит из пяти книг.

Приятного чтения.

КИФ. Март, 2022.

РАССКАЗЫ

Татьяна Столярова

«ОГНЕУПОРЩИК»

*Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.*

В. Высоцкий

Этот город даже не был Ему родным. Он появился на свет далеко отсюда, в Смоленской губернии. Но семья приехала сюда в голодные годы, и это семью спасло — здесь росла кукуруза. Он менял на станции Майорск мешки с початками на соду, мыло и другие необходимые вещи — помогал матери. Поэтому уважал эту землю и был ей благодарен.

А потом воевал за неё. Горел в танке. На спине до самой смерти сидел шрам от ожога.

— Папа, — спрашивала дочь, — почему ты не рассказываешь о войне?

— А что я буду рассказывать? Как я в окопе с товарищем сижу, а он вдруг на меня валится, и я обнаруживаю, что у него головы нет? Или как я по трассе на танке еду, а на проводах человеческие кишки гроздьями висят? Ничего красивого на войне нет — грязь и кровь!

Позже Он встретил здесь свою судьбу. Лену, похожую на Любовь Орлову и посвятившую всю себя любви к мужу.

Работала она воспитателем в детском садике. Проработывала горы литературы — по детской психологии, развивающим играм... Но всё о ней может сказать эта история. Однаж-

ды Лену вызвала директор сада. Ненадолго. Отсутствовала она не более десяти минут. С детьми оставалась няня. Детей нельзя оставлять одних, ни при каких обстоятельствах. По служебной инструкции и в соответствии со здравым смыслом.

Когда Лена вернулась, няни не было. Куда её унесло – хрен знает, но детки нашли себе занятие. Двое повисли на двери, ведущей в противоположную комнату, и катаются взад-вперёд. А одна девочка держится за косяк двери так, что закрывающаяся дверь вот-вот разможжит её пальцы.

Лена, не раздумывая и не колеблясь ни секунды, летит через всю игровую комнату и единственное, что успевает – вставить в щель собственную руку.

Врачи еле собрали из осколков безымянный палец. От ампутации спасло обручальное кольцо, сплющившееся до очертаний скрепки. И потом палец был искривлён, и Лена носила обручалку на среднем.

Девочка осталась бы без кисти руки.

Он яростно учился, мучительно вспоминая школьную химию. Вообще-то, раньше мечтал быть геологом. Но ведь металлургия и огнеупорная промышленность не так уж далеки от геологии?

Родители Лены помогли выжить.

Родились дети, сын и дочь. Он очень хотел, чтобы дети выучились.

А сам стал инженером-огнеупорщиком. В Донецке имелся филиал Всесоюзного Ленинградского института огнеупоров – тогда ещё был не Санкт-Петербург, а Ленинград. Пришлось ездить по всему Союзу с опытными партиями изделий. Огнеупоры нужны на каждом металлургическом заводе – такова

специфика промышленности. На донецкий адрес приходили неподъёмные посылки с керамикой и силикатами.

— Папа, что тут? — важно спрашивала дочь, указывая пальчиком на очередную посылку, отправленную начальником со смешной фамилией Материкин. — Пробки, трубки или стаканы? Опять Материкин прислал?

Дочка визжала от восторга, когда Он возвращался домой из бесчисленных командировок. Привозил всегда что-то радостное — миниатюрные ёлочные игрушки... Яркие апельсины в сетке... Московские бублики — нигде таких не пекли! Орехи из Молдавии и арахис из Казахстана!

— Папа, папа приехал!

И всегда к Новому году успевал достать ёлку, как бы трудно это ни было! Дочь сидела под ёлкой, жевала иголки — ей это безумно нравилось — и сочиняла сказки, персонажами которых были игрушки, привезённые папой.

А книжки, которые Он тащил через всю страну — отдельная история!

— Так, русские народные сказки... Братья Grimm... Греческие мифы! Французские легенды!

Сын вырос и высшего образования не захотел. Просто работал токарем, хотя много читал, очень любил кино и обладал недюжинной эрудицией. Дочь выросла и училась как проклятая, потому что вбила себе в голову, что сделает большое открытие в генетике. Ну и хорошо. Пусть делает. Он и сам мечтал о мно-

гом в своё время. Хотел построить подводную лодку и плавать, как капитан Немо. Открыть таинственный остров, как капитан Грант. Летать на другие планеты, как капитан Бартон...

Ну, бог с ними, с капитанами. Он делал кирпичи, стаканы и трубки. Для донецкой металлургии.

На пенсию долго не уходил, потому что не знал, как обходиться без работы. Потом, когда всё же вышел, говорил: «Ремонт меня спас. Иначе не смог бы».

А когда умер, шли уже девяностые. Бывало, что и болтушку из муки с Леной ели. Дочка, оказавшаяся по распределению вместо исследовательского института в школе посёлка Зайцево, подбрасывала картошки. Но гордые родители помощь не приветствовали — это мы, дескать, должны детям помогать, а не они нам!

Он сидел за столом в кухне и смотрел в окно. И вдруг сказал:

— Это всё из Космоса...

И повалился набок.

Дочка в этот момент спала, в свой выходной отсыпалась. И снилось ей, что на пороге папа, приехал, как когда-то из Ленинграда, с полной сеткой оранжевых апельсинов!

— Папа, папа приехал!

Под Его гроб жена постелила лучшее покрывало. То, которое на диване лежало лишь по большим праздникам. Она бы и сама в этот гроб легла, если бы могла. И ушла в себя на долгих одиннадцать лет — столько ей суждено было прожить без Него...

А Он не ушёл, оказывается. Чувствовал — что-то не так, что-то назревает, уходить нельзя! Придётся помочь детям, они здесь остались, и не только они!

На Щегловке скучно и пусто. Не лучшее кладбище, но на тот момент выбора не было. Участок со свежими могилами, ещё не обсаженный деревьями. Со склона церковь Makeевскую видно.

Ждал Он Лену и дождался. Лежали они рядом, как и хотели. Дети выполнили её просьбу – положить в гроб Его письма. Которые Он ещё со сверхсрочной службы ей писал.

А вот и началось. Со Щегловки было слышно сразу же. Аэропорт недалеко... Дочь ехала с работы и увидела столб дыма над аэропортом.

Через два месяца она шла по бульвару Пушкина. Когда-то отец Лены, главный инженер службы зданий и сооружений Донецкой железной дороги, проектировал этот участок бульвара и зданий. Когда-то мамыны родители там и жили. А сейчас бульвар пуст, хоть криком кричи. Витрины магазинов закрыты щитами. Она шла оплатить интернет – в компании «Матрикс», едва ли не единственной, которая не сбежала из Донецка.

– Тюк-тюк...тюк-тюк...– стучали её каблуки по пустому бульвару. Эхо било в голову. Отзывались лишь далёкие разрывы – что там происходит? – А кто ж его знает...

«Как же ей страшно», – подумал Он. Помочь им, во что бы то ни стало!

Ей и было страшно. Всё валилось из рук. Не хотелось ни готовить, ни убирать. Она часами сидела на полу в спальне и смотрела на библиотеку, которую начал собирать отец, а она подхватила. Когда книги стали доступны, покупала с жадностью, не жалея денег. Сейчас здесь было около четырёх тысяч томов.

Дом могут разбомбить. Книги сгорят.

Её вводили в ступор два факта. Во-первых, значит, государство может вот так просто решить убить часть своих гражд-

дан, пригнать войска и начать стрелять по городам? И никому за это ничего не будет? Так можно?

А во-вторых, те кумиры, которых эти люди любили, на концерты которых стремились попасть, фильмы с участием которых обожали, тоже почему-то решили, что их надо убивать. Макаревич давал концерт перед украинскими солдатами, а в подвале соседнего здания сидели избитые, измученные ополченцы. Наверное, им было слышно.

А когда-то они всем классом писали в «Комсомолку» письмо. В защиту «Машины времени». После разгромной статьи «Рагу из синей птицы».

Донбасс должен выстоять в огне. Здесь огнеупорные люди, как живые, так и уже умершие!

Поднять всех. Всех, кто может помочь.

Вначале – к тем, кто работал на Донецком металлургическом заводе. Лежат они не так уж далеко. Тут же, Щегловка. Или Мушкетово.

– Папа, пойдём бабочек ловить?

В посадке, по дороге на кладбище, где похоронены бабушка с дедом, летали самые красивые бабочки. А ещё там падали жёлуди с дубков, гладкие, как полированные! И вдоль железнодорожной насыпи почему-то были насыпаны ракушки – откуда их привозили, почему именно морские ракушки? Так весело было их собирать!

Ещё запомнилось, как после весенней прогулки несли с мамой букет цветов абрикоса. Абрикосов сажали много, летом многие даже варили из них повидло, хотя чаще всего плодики были жилистыми – дички! Но сколько радости доставили тогда эти цветы!

– Привет, Андреич, сто лет не виделись! Ты когда... того... тоись?

– Давно, Михалыч, давно... Что думаешь?

Этот старик был похоронен на «Красной звезде». Хороший старичок, бывший партизан. После войны проработал на заводе до самой пенсии.

Дочь Он как-то привёл – показать цех. Внутрь, конечно, не пустил. В невыносимой жаре более пятидесяти градусов могли находиться лишь привычные ко всему, огнестойкие плавильщики. Но слябинг был открыт, и хорошо было видно, как поток, сияющий огненной радугой, медленно застывает и превращается в аккуратный брусок.

Михалыч однажды спас весь цех. От взрыва. Однажды туда приволокли вагон металлолома.

А у старого партизана глаз-алмаз!

– Стойте, ребята! Стойте, нельзя это в печь! – заголосил он, бросаясь наперерез вагону.

Оказалось, среди металлолома лежит мина. Врежён Великой Отечественной. Неразорвавшаяся.

Разворотило бы всю печь. Как бы не весь цех.

Как только старичок её углядел?

– Что делать будем, Михалыч?

– Как – что? Стоять! Насмерть!

И удалился. В сторону мемориала павшим воинам «Живые – бессмертным». Где ж ещё витать духам защитников завода?

А теперь доломиты. Без них огнеупорщикам никак.

Да, Никитовский завод давно не работал. Мало того – сейчас там стояли «воины света».

Сюда Он когда-то приезжал за опытными партиями изделий. А потом дочь какое-то время работала в школе, где учились дети рабочих.

Посёлок Зайцево... Скоро его практически сровняют с землёй. Интернет обойдут многочисленные фото разрушенной школы. На одной такой фотографии виден учебный плакатик из кабинета химии и биологии – «Эвглена зелёная»... Эвглена – на полуразрушенной стене... Ученики дочери рисовали. Памятник воинам-освободителям во дворе школы покрывается шрамами от многочисленных осколков, но выстоит.

Пострадает и мемориал за речкой Бахмутом, где каждый год ко Дню освобождения Донбасса проходили торжественные линейки...

Вышла старушка Вера Терентьевна.

– Всю жизнь тут отпахала, – проворчала она. – Вот уж не думала, что снова воевать придётся!

Бабушка обожала свой огород и внуков, тоже когда-то учившихся в школе, от которой теперь осталась бетонная коробка.

– Что делать будем?

– Стоять! Насмерть! Нам-то уж всё равно! Не волнуйся, Андреич, я всех соберу!

А впереди было очень значимое... Едва ли не главное.

Саур-Могила.

Как мало холмов в Донецкой степи! Она, конечно, не ровная, как столешница. Скорее, волнообразная. Курганы ещё иногда попадаются. Возможно, под ними спят скифские воины. Иногда археологи находят рядом с останками – не золото, нет. Мечи, наконечники стрел. Посуду. Бусы. Под Макеевкой даже обнаружили могилу жрицы – или ведуньи? У неё было

бронзовое полированное зеркало. Огромная по тем временам редкость. Наверное, хозяйка предсказывала будущее. Что видела она в том зеркале, что могла предугадать?

Вряд ли это были наши предки. Племена кочевые, прошли и ушли. Но, может быть, они всё же считали своими земли, по которым кочевали?

А Саур-Могилы гордо возвышается над равниной. Она здесь – царица. Ключ от Донбасса.

И хоть основной обелиск мемориального комплекса отличали в Киеве, по проекту киевских же архитекторов, пилоны и горельефы, изображающие реальных героев – артиллеристов, пехотинцев, танкистов, изготовили всё же здесь, на родине. На Макеевском трубно-механическом заводе. Из железобетона и гранита. То есть – тоже огнеупорные!

И лежат под мемориалом две сотни неизвестных воинов. Прорвавшие оборону Миус-фронта и овладевшие высотой. Положившие начало освобождению Донбасса. Сто тридцать два были захоронены после войны. Останки ещё восьмидесяти найдут уже после разрушения комплекса.

– Мы встанем, – отвечали они. – Встанем снова. Насмерть. А как иначе?

– И мы встанем, – раздались другие голоса. И ещё... и ещё...

– А про нас забыли?

Это услышали про беду воины, павшие в битве на Калке. И пришли из дальней тьмы.

– А мене чи візьмете? Чи прокленете?

– А это кто ещё?

– Та Сава ж я, казак, тезка Могилы нашої. А це брат мій, Леонтій. Ми звідси татар відганяли! А тепер...

– Что ж, Сава, братья-то твои творят? Казаки запорожские?

– Та які ж то запорожці, тьху на них! Коли ж то запорожці на своїх йшли?

С каким восторгом читали мы когда-то про подвиги казаков! И гордились братством украинского и российского казачества.

Оказалось, мы – небратья. А когда-то на тот же мемориал вместе и средства собирали, и проектировали его.

Ну, если уж и Сава...

Да и не только Сава. В темноте замелькали уж вовсе не мыслимые тени.

Скифы! Скифы всё же пришли! И ведунья стоит впереди всех, с зеркалом в руках. Наша ведь, макеевская.

– Мы в убежище пошли! – кричал в это время Его сын сестре по телефону. – Гладковку бомбят!

Из трубки выло и грохотало.

– Ой, Сашенька, иди скорее!

В те дни серьёзно пострадает Краеведческий музей. Обрушится крыша левого крыла, повредив чучело мамонта. Погибнут многие экспонаты. Чудом выживет Рыжий – кот, общий любимец, и с тех пор будет носить под шкурой осколки, которые ветеринары побоятся удалять.

Кота-то за что? Сепаратист?

И хотя переходила высота несколько раз из рук в руки, но ополченцы пошли вперёд. И закрепились окончательно. Как мало их осталось после многочасового боя! А они, пользуясь чудом сохранившейся мобильной связью, вызывали и вызывали огонь на себя. Чтобы не дать врагу подняться

по склону. Иногда и не разобрать было, чьи снаряды рядом ложатся – свои или вражеские.

Но мелькали рядом тени, и отводили снаряды от воинов. Сколько могли. Насколько хватало их призрачных сил. Падали гранитные плиты, крошился железобетон, а люди стояли. И продолжали призывать огонь.

Неожиданно пришлось павшим столкнуться ещё с одной напастью. Рядом с осаждавшими высоту замелькали совсем другие тени – чёрные, липкие. Потому что эта земля хранила кости не только защитников, но и захватчиков. Тех, кто пришёл, неся смерть и злобу, и остался гнить в забвении.

Вылез из могилы фашизм, протянул свои жадные щупальца в умы и души. Долго ждал и дождался...

Пришлось призрачному воинству отвлекаться, отбивая атаки чёрных теней. Правда, сил у тех было не так много – слишком уж прогнившими оказались эти души.

И Он не отставал. Где-то рядом душа Лены истекала слезами. Опять, опять война! Которую Он ненавидел. И верил, что она не вернётся на эту землю.

Вернулась. Не добились гадину. Снова окопы, снаряды и рваные куски тел человеческих...

Прилетал штурмовик, навредить успел, но был ослеплён ведуньиным зеркалом, развернулся, ушёл и был сбит под Макеевкой. В верном направлении отправила.

Потом ополченцы будут рассказывать журналистам о том, как мелькали рядом с ними непонятные отблески, дым свивался в странные фигуры. Наверное, чудилось, среди непрерывных вспышек и взрывов. Или не чудилось?

А когда наконец все атаки были отбиты и дымное облако рассеялось, с вершины стало видно море. Наше, Азовское, родное!

Дочка мечтала о море, хотела когда-нибудь увидеть океан. Но в детстве и Азовское море выглядит океаном, а счастья уж точно приносит не меньше. Ракушки, уже не с железнодорожной насыпи, а из самого моря. Разноцветные камушки, некоторые волшебные, с дырочками. Тёплая вода, в которой можно сидеть сколько угодно, и не простудишься. Волны, на которых можно прыгать, как на батуте. Ямка с голубой глиной, про которую говорят, что она помогает при болезнях суставов. Вот сколько чудес!

А взяв Саур-Могилу, на побережье вышли очень быстро. Да, потеряли его значительную часть. Но хотя бы Новоазовск наш, хотя бы Седово!

Он потом очень жалел, что не попал в Мариуполь, не поднял своих и там. Ведь сколько раз был и на Азовстали, и на заводе имени Ильича!

Не надо было останавливаться тогда... Но уж очень больно резануло.

На линии пересечения возле Волновахи тётка, предлагающая комнаты для коротающих ночь в очереди, громко заявила:

— Только и жить стали, как эта война пришла! Хоть бы длилась подольше! Дай бог здоровья тому, кто её начал!

Какой, интересно, Бог у этой тётки? Видела ли она хоть раз дом, развороченный снарядами? Или детей, сутками не вылезающих на солнечный свет, потому что надо прятаться в подвале от обстрелов? Слышала ли вой матери, откапывающей из-под развалин тело собственного ребёнка?

Наверное, нет. Потому что наши снаряды в сторону жилых домов не летают.

Не все, значит, у нас огнеупорные. Есть и те, чей уровень — корыто. И всё равно, кто в него наливает сытные помои, замешенные на чьей-то крови.

Дочери довелось как-то беседовать с группой психологов, оказывавших помощь детям из Широкино — когда там ещё кто-то жил. Потом в посёлке то менялась власть, то оказывался в серой зоне, пока не опустел окончательно. Узнала много интересного. Например, о сущности человеческой.

Психологи организовывали игры с детьми, пытаясь как-то снять стрессовые состояния. И заметили, что одну девочку в игру не берут. Не хотят.

Стали выяснять, в чём же дело. Выяснили.

— А почему в наши дома попали, а у неё целый?

В качестве тестового задания детям раздавали картинки с силуэтом человека. Как раз после того, как посёлок в очередной раз перешёл от украинцев к ополченцам. Нужно было закрасить силуэт в цвета, символизирующие чувства, которые этот человек вызывает. Образцы цветов были приведены тут же. Но один из мальчиков даже не посмотрел на них. Он просто взял чёрный карандаш и заштриховал всего человека.

— А почему ты так сделал?

— Он плохой. Он у меня забрал.

— Что забрал?

— Я не помню...

То есть «воины света» попросту вынесли из домов всё стоящее. Какая-то вещь была так дорога мальчику, что психика вытеснила память о ней. Чтобы не сойти с ума от потери.

И в Иловайском котле, и в Дебальцевском души витали над битвой. И враг замирал в ужасе, внезапно увидев перед собой обнажённого по пояс скифа с копьём. Или красноармейца с пятиконечной звездой на головном уборе.

Краматорск, Константиновка, Славянск остались «на той стороне». Ситуация вначале затормозилась. Потом была заморожена. Но души никуда не ушли. Они ждут, когда и где понадобится их помощь.

Потому что Донбасс не может быть расколот. Не может он быть и отделён от России. Именно на Константиновском заводе «Стройстекло» было сварено рубиновое стекло для кремлёвских звёзд. Оно выдерживает ветер и мороз, дождь и снег; выдержало и перестройку, и раскол Союза. Выдержит, что бы ни случилось. Наверное, тоже сверхпрочное, как всё донбасское.

Донбасс – сердце России.

Пока Донбасс стоит – и России быть.

Наши предки позаботятся.

И Огнеупорщик тоже здесь.

А потом пришёл сын.

– Вот, па... И я уже здесь. Помогу чем смогу.

– Да что ж ты так рано?!

– Получилось так, извини. Тромб.

– Как же она там одна?

– Ничего, справится. Я ей звонить буду!

– Сашенька, Сашенька! – кричала его дочь. – Это ты?!
Сашенька!

– Танька, ты что психуешь! Не смей! Сегодня тринадцатое ноября! Каждый год в этот день будешь мне рассказывать, что сделала за год!

– Саша, ну а ты там как?..

Заминка.

– Ну... место хорошее...

– Место хорошее, а тебе-то как там?!

– Хотел бы я тебя видеть рядом... но тебе сюда не надо!

– Сашенька, я понимаю, что мне туда не надо... Но вот ты там, уже всё знаешь. Скажи, что будет?

Щелчок в трубке.

Женский голос.

– Вы там с ума сошли, что ли! Мы только по одной минуте разговаривать разрешаем! Он вам ничего больше не скажет!

– Девушка... девушка, я понимаю, что Вы – Ангел. Но раз мы уже с Вами говорим... Папе... папе привет передайте! Только не забудьте! Пожалуйста!

Татьяна Столярова

«СПАСАТЕЛЬ»

Посвящается А. В. Ц.

*От праха чёрного и до небесных тел
Я тайны разгадал мудрейших слов и дел.
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел.
Абу Али ибн Сина (Авиценна).*

Меня зовут Старый Алекс, и живу я в Крыму. Собственно, я Александр Васильевич, и не такой уж, вообще-то, старый. Да и приехал сюда недавно, меньше полугода назад. Но так приклеилось.

В феврале я заболеваю, и совсем плохо становится. Сердце прихватило, ноет, щемит так, что кажется — не болит оно, а жалобно поскуливает, как потерявшийся щенок. И я думаю — вот, всю жизнь хотел жить у моря, но так и не случилось. В редкие минуты облегчения мечтаю — если, дай бог, обойдётся, перееду, будь что будет. Терять всё равно нечего.

А потом вдруг как-то быстро отпускает, и так же быстро из больницы выписывают. Удивительно даже. Избавиться, что ли, хотя, пока опять не скрутило?

Вот тут я и решаю, что если не воспользуюсь в этот раз подарком судьбы, то ведь эта капризная дама отомстить может.

— Всё, — объявляю, — поехал. Хоть перед смертью поживу, как хочется.

Дети не обиделись. Поняли.

— Только, па, чтоб мобилу не отключал. Вдруг чего, сообщай сразу же.

Сбережений моих, само собой, на виллу или коттедж не хватает. Даже на нормальный домик еле-еле наскребаю. Зато стоит он в посёлочке почти на берегу (удобства, простите, всё же во дворе), и из окон виден старый маяк. Недействующий, к сожалению. Если совсем обнаглеть, то можно вообразить себя зрителем или хотя бы сторожем. Да куда уж мне...

Я и развалюхе бы радовался, но здоровье стоит поберечь. Домик всё же тёплый, крыша крепкая, печка функционирует. И мебель какая-никакая имеется, хоть и старая. Почти антикварная, мог хозяин её и отдельно продать, да возиться, видимо, лень было. Только нетоварного вида – кожаный диван с валиками протёрт до дыр. Круглый раздвижной стол из цельных досок покрыт старой вышитой скатертью. На стенах тоже выцветшие вышивки в рамках. Кресло-качалка с подушками. Всё это мне сразу нравится, и рука не поднимается выбросить.

И, самое для меня важное, – книжные полки! Много! Все стены в полках!

Я звоню и говорю – библиотеку свою забираю, не обессудьте. Упакуйте и отправьте. Хочу сидеть с книгами и наслаждаться.

Весь май я в домике ковыряюсь, полирую рамы, двери кое-где поправляю, замки и шпингалеты прилаживаю. А тут и библиотека прибывает.

Потом мне ещё много раз приходится сильно удивиться, но это начало.

Вместе с библиотекой приезжает в контейнере... велосипед! Новёхонький, ещё в фабричной упаковке. Чёрная рама, никелированный руль блестит... Короче, такой, о каком все пациенты мечтают.

Наверное, от детей сюрприз, думаю. А потом сомневаться начинаю. Вряд ли они мне такой «тренажёр» подарили бы после сердечного приступа.

Звоню.

– Какой велосипед? Па, ты что? Напутали, наверное, на почте. Не распаковывай, оштрафуют ещё!

Не распаковываю. Иду на поселковую почту. А досадно как-то. Жаль, что не мой подарок.

И ничего подобного.

– Никакой ошибки нет. Вот ведомость, проверьте. «Книги, 2 268 штук. Велосипед, одна штука».

– Фоторужья там, случайно, нет? Или галчонка? А может, корова рыжая, одна?

Хмыкает начальник почты – оценил юмор...

Возвращаюсь. А он, зараза, блики пускает под солнцем. Море шумит, и всё к прогулкам располагает.

«Не буду никому ничего говорить, – решаю. – Моё дело. Может, пошутили так».

Распаковываю коня, сажусь и еду в магазинчик, продуктами запастись. Потому что, если сяду книги разбирать – хрен меня дня три кто из дому выманит.

Продавщица местного сельпо меня видит и расплывается в улыбке.

– А вот и Старый Алекс! И на шикарном лимузине!

– Почему же «старый»? – отшучиваюсь. – Я ещё ого-го!

– Красиво звучит, – отвечает. – Почти как «Старый Томас».

Гений места. Вы у нас недавно, а будто всегда тут жили.

– Гением места я согласен быть!

Оброс я тут бородой, очки чёрные... Ну, пусть буду Старым Алексом.

Ныряю с головой в любимое дело, а оно у меня общее с дядюшкой Карлом Марксом – роюсь в книгах! С чувством, толком, расстановкой. Обтираю переплёты тряпочкой. Расставляю на полках. Удовольствие получаю полной мерой. И тут удивляюсь вторично.

У каждого книгомана есть вещи, которые он когда-то не купил. А потом долго жалел. Вот я, например, искал шеститомник Авиценны. И точно знаю, что не нашёл. Не повезло. Или собрание Жюль Верна, «послеперестроечное», предполагавшееся в пятидесяти томах (даже не знаю, сколько на самом деле вышло). Сразу на подписку финансов не хватило в те весёлые годы, а потом целиком нигде не продавали. Издание так себе, но предваряли его воспоминания внука писателя, и включены были те романы, которые почти не издавались раньше. Очень я тогда хотел «Паровой дом» прочесть.

И вот – будьте вы любезны – Абу Али ибн Сина! Синенький!

Смотрю и думаю, не маразм ли старческий у Старого Алекса? Ну никак я не мог о такой покупке забыть!

Или... тоже дети положили? Не думаю... Велосипед – и тот сомнительно.

Если и Жюль Верн тут найдётся, то... можно начинать бояться.

Угадайте, что я в следующем тючке вижу? Правильно. Коричневые томики Юлия нашего Петровича.

Пересчитываю. Думаю. Решаю выйти покурить.

Удивляюсь в третий раз. Вернее, уже испугаться впору.

Возле велосипеда сидит кот. Чёрно-белый. С золотистыми глазами. И смотрит.

Это мой кот. Его зовут Мурчик. Ему девять лет. Я его не взял с собой, боялся, что дороги не выдержит. Зря, наверное, не взял.

– Мьяауууу, – говорит он с достоинством. Медленно подходит. Повторяет своё «мьяаууууу» с явственной укоризной. Мол, что ж ты так с другом, а?

– Мурчик, – говорю я шёпотом. Голос срывается, и я начинаю кашлять. Кашляю долго, опускаюсь на корточки. Тогда Мурчик опирается лапами на мои колени и лижет меня в нос.

Да, это он.

Но не в контейнере же кот приехал, в самом-то деле!

– Ну, пошли, бродяга, хоть поешь...

Ест он тоже величаво, аккуратно облизываясь и не давясь, хоть и видно, что голоден.

Я хватаюсь за телефон.

– Мурчик? – изумление. – Па, ну ты совсем что-то путаешь. Этого не может быть! Какой-то похожий кот приبلудился!

– Да? И приبلудный кот будет меня в нос с ходу лизать? – спрашиваю с сарказмом. – А Мурчик-то что – дома?

Заминка.

– Нет... не дома.

– Ушёл?

– Наверное...

– Что – наверное? – начинаю злиться. – Если от вас ушёл – значит, ко мне пришёл! Где ж ему ещё быть-то? Вот он! Какой же это другой кот?

– Может быть, – неуверенно соглашается трубка.

Чертовщина какая-то!

– Пап, а может, мне приехать? Хоть посмотрю, как ты устроился...

– Нет! – это, вообще-то, логичное предложение почему-то окончательно приводит меня в ужас. – Рано ещё!

Почему рано-то? Лето...

Я опускаю трубку и смотрю на кота. Он щурит свои глазищи и отворачивается. Не скажу, мол.

Даже про книги спросить запамятовал... Хотя догадываюсь, что мне ответили бы.

А ночью я впервые чувствую ЭТО. Не знаю, как назвать. Можно было бы Зовом, как в книгах о вампирах. Но не совсем похоже. Меня никто никуда не зовёт. Мне и идти-то ужасно не хочется. Просто я просыпаюсь и знаю, что надо выйти из дома, взять велосипед и подъехать к берегу.

Зачем велосипед, если тут десять шагов?

Но я усаживаюсь и еду. Так надо.

Вот и берег. Оглядываюсь. Сзади осторожно идёт Мурчик. Иногда он останавливается и брезгливо дёргает лапой – песок стряхивает.

Ну, пришёл. Дальше что?

Я почему-то прислушиваюсь – не доносится ли с моря какой-нибудь звук? Но нет, ничего не слышно.

Кот, к моему удивлению, идёт к полосе прибоя, становится на мокрый песок пополам с галькой и вытягивает мордочку к волне. Тут же получает от неё по носу, но не отскакивает, а наоборот, шагает вперёд, намочив все четыре лапы.

Вот ещё новости!

– Мурчик! Кис, кис!

Кот не оборачивается, а продолжает медленно идти. Следующая волна накрывает его с головой.

Кто здесь сошёл с ума – я или кот? Или это всё – сон?

Забыв слезть с велосипеда, я направляю его в воду.

Он въезжает неожиданно легко, будто взлетает. Я отлично знаю, что вода сопротивляется сильнее, чем воздух, и сейчас

я должен вертеть педали с усилием. Но наоборот, даже легче становится.

Только сейчас я замечаю, что погрузился в воду полностью. А захлебнуться забыл. И, кажется, не задыхаюсь.

Опускаю глаза. Кот вышагивает рядом, обходя кустики водорослей. Я это вижу, потому что фара продолжает светиться. И контакт не замыкает.

«Значит, точно сон, — успокаиваю я себя. — Даже интересно, к чему такая хрень видится».

Мурчик отмахивается лапой от надоедливой рыбки, которая суётся прямо ему в морду — не мешай, мол. Но схватить её не пытается. Глазищи отсвечивают в свете фары.

Внезапно он устремляется вперёд и обгоняет меня. Останавливается и оглядывается.

Приходится следовать... за проводником.

Еду минут десять. Похоже, на пару километров углубляюсь в море. Оно здесь неглубокое, что для Крыма редкость. Но водный потолок уже довольно высок.

Я начинаю глупо хихикать.

«Нет, до Турции вряд ли доеду!»

Мурчик останавливается и смотрит на меня с осуждением — не понимает хозяин важности момента. Затем задирает морду и открывает пасть.

Я направляю свет фары вверх.

На воде кто-то лежит. Человек.

Отдыхает.

Кот требовательно на меня глядит.

И я понимаю, что парня нужно каким-то образом толкать к берегу. Чувствую, что плывёт он давно и выбился из сил. Сам эту пару километров уже не одолеет.

Вот только — каким именно образом? Во-первых, высоко-вато. А во-вторых, как человек отреагирует, если его кто-то из воды начнёт подталкивать? С перепугу ведь сразу потонет.

Почему я сам не тону, да ещё на пару с котом, предпочитаю сейчас не задумываться.

Как тут дальше быть? Я озираюсь. Ничего такого, что могло бы помочь разрешить проблему, в пределах видимости не находится.

Мурчик снисходительно оглядывается. Смеётся, наверное, над человеческой беспомощностью. А потом встаёт на задние лапы и, перебирая передними, всплывает вверх!

Я понимаю это как подсказку и приподнимаю переднее колесо, направляя велосипед к водному потолку. Но кот планирует на меня и бьёт лапами по фаре.

«Свет погаси, дурень, напугаешь ведь!» — так я это перевожу.

И правда. Я отключаю фонарь.

Кот плывёт в сторону, держась где-то в метре от поверхности.

Ясно. Нужно подняться повыше и осветить. Огней в посёлке ночью почти нет, скорее всего, выдохся парень так, что берега не видит в буквальном смысле. Пусть подумает, что это какой-нибудь маячок на буйке. Воодушевится и доплывёт.

Просто обязан доплыть!

И я поднимаюсь с велосипедом. Так же легко, как Мурчик.

Снова зажигаю фару. Тёмное человекопотно находится метрах в пятидесяти. Начинает шевелиться.

Значит, заметил огонёк на воде.

Плывёт!

Ну, молодец.

Я держусь у поверхности, стараясь не сблизиться с пловцом. Потихоньку мы продвигаемся к берегу. Те километры, которые я проехал за десять минут, преодолеваем за два часа.

Берег близко. Уже должен быть виден и парню. Я выключаю свет и пропускаю его вперёд.

Останавливается. Растерялся, видать. Но вот – руками машет с удвоенной силой!

Встал на ноги. Бредёт.

Уф-ф-ф...

Где кот? Где этот разбойник?

Никуда не делся. Крутится у ног, потом бежит по дну вслед за человеком.

Я потихоньку выбираюсь на берег. Подальше – будто ехал себе по пляжу, а тут нате вам... Снова включаю свет. Прямо в луче стоит Мурчик и отчаянно отряхивается. Сверкающие капли летят во все стороны.

– Ээй... – слышится хриплое.

– Эгей! – отвечаю и ускоряю ход.

Вот он, сидит в полосе прибоя и тяжело, надсадно дышит. Кудрявый, черноволосый, довольно накачанный.

– Друг, ты что? Тонул, что ли?

– Ага... – сипит он и начинает кашлять. – На спор... С пачанами поспорили... За горизонт заплыл и направление потерял. Потом лёг и ждал, куда течением вынесет.

– Ну и дурак! – говорю я резче, чем собирался.

– Сам знаю... Это вы фарой светили?

– Я... Откуда хоть?

Он называет посёлок – вообще хрен знает где, километрах в двадцати!

– Ни фиги себе занесло! Как же ты назад?

– Отдохну и пешком...

– Вот что, – говорю решительно, – пошли-ка ко мне. Чаю попьёшь, ночь переспшишь и пойдёшь обратно.

Чуть не вырывается – поплывёшь!

– Нет, нет, нет! – заводит он поспешно и даже испуганно. –
Я лучше пойду!

И я почему-то чувствую – настаивать не нужно.

– Как знаешь...

– А что это у вас кот мокрый? – вдруг спрашивает парень. –
Купался, что ли? И воды не боится?

Перевожу взгляд на Мурчика. Тот скачет – песок никак не хочет отлипнуть от мокрых лап и шерсти.

– Нет, отвечаю я, – не боится.

Вру. Мурчик очень боялся воды. Когда-то.

Домой приезжаю абсолютно разбитый и падаю с ног.

И что это такое мне снилось?

Лежу на диване в одежде; в солнечном пятне на коврике вылизывается мой кот. Под ним – песчаный барханчик. Утренний ветер хлопает входной дверью.

Я не разделся, не закрыл дверь, Мурчик-чистюля приволок на себе кучу мусора. Что происходит?

Выхожу во двор.

Велосипед, прислонённый к сараю, весело блестит.

Я днём ставил его в сарай. Точно помню. Рулём ещё зацепился.

Подхожу ближе.

Между спиц застрял пучок водорослей.

Осматриваю цепь. Нет, всё в порядке, ржавчины не видно.

Смазать надо на всякий случай...

Продавщица, стоя на крыльце магазинчика, смеётся.

– Доброе утро, Старый Алекс! А Мурчик не с вами?

– А откуда вы знаете, что он у меня есть?

– Так мы видели, как он к вам шёл! Важно так, лапа за лапу!

– И сам представился? Сказал, что Мурчиком звать?

Она продолжает смеяться.

– А как же!

Беру кофе, твёрдую копчёную колбасу и консервы. Кофе мне, по идее, нельзя. Но жить одному и ездить на велосипеде ведь тоже нельзя?

– А курицу у бабушки Ленуси купите – во-о-он она возле входа сидит!

– Бери, Алекс, бери, – бабуля споро сует курицу в пакетик. – Старым не зову, я старше!

И подмигивает.

Так я и думал. Что буду питаться куриным супом и кофе с бутербродами. Лучшая еда! Картошки ещё потом добуду.

– За картошкой заходи, – строго смотрит бабушка Ленуся. – Мне сюда таскать тяжело, а тебе конь довезёт! Мои ворота отсюда третьи, зелёные.

– Зайду...

Через час Мурчик грызёт куриные лапки, жмурясь от наслаждения.

Ночью ЭТО меня не разбудило.

А потом была девочка. Лет восьми. Так далеко, как раньше, ехать не пришлось – столько она не проплыла. В этот раз Мурчик несётся галопом. И я всё же успеваю вовремя.

Мне приходится держаться у поверхности, высунувшись наполовину. Потому что на раме я удерживаю девочку. Она наглоталась воды, вряд ли понимает, что происходит, и я всё время боюсь, что свалится и утонет окончательно.

На берегу я пытаюсь сделать искусственное дыхание, но она начинает всхлипывать:

– Мама! Ой, мамочка!
Значит, сама отдышалась.

– Как тебя зовут? – спрашиваю.

– Снежана... Дедушка, а вы кто?

– Я – Старый Алекс, – напускаю на себя суровый вид – Тебе кто разрешил без мамы купаться?
Заплакала.

– Я к девочкам убежала... Они старше... И мы пошли к морю...

– Они тебя уговорили поплавать, а потом никто не помог. Так?

Плачет молча.

– Ты откуда?

– Я... недалеко живу... На Зелёной улице.

Да. Это соседняя улица.

– Давай садись на раму, довезу.

– Ой, не надо! – Снежана вскакивает. – Мама ругаться будет. А если я приду одна, она не заметит! Можно, я не буду ей рассказывать?

– Ну, хорошо, в виде исключения, – я грозно шевелю усами. – Только учти: если будешь убежать без спросу, ругаться буду я!

– Я больше не буду, дедушка! Не волнуйтесь, тут рядом! – она бросается бежать, но останавливается и машет рукой: – Спасибо! До свидания! Котик, до свидания!

Мурчик негодуяще фыркает.

Девочка исчезает, я разворачиваюсь к дому и вдруг слышу:

– Здорово у Вас получается.

На камне сидит мальчик. Судя по виду, ему лет одиннадцать или двенадцать. Худой, бледный, лобастый, а огромные голубые глаза посверкивают в свете фары совсем как у Мурчика.

- Ты откуда такой взялся?
- Из больницы, – отвечает он спокойно. – Тут больница в городе, я там лежу.
- Тоже сбежал? Как эта Снежана?
- А я сам не знаю. Наверное, я лунатик. Ночью вроде нормально засыпаю, а потом – раз! – просыпаюсь, и уже здесь.
- Но ведь город далеко! Как же ты добираешься?
- Говорю же, не знаю, – он лукаво улыбается. – Я потом опять тут засыпаю, на камешке. Тепло... А утром – хоп! – и в больнице.
- «Раз, хоп»... – ворчу я. – Ты поосторожнее, а то и тебя из воды доставать придётся! А врачи знают о твоих прогулках?
- Я им не докладываю...
- Ишь, самостоятельный.
- А вдруг меня к кровати пристегнут, и я больше сюда попасть не смогу?
- Я не знаю, что ответить. Выручает Мурчик. Он подходит к пацану и лижет его в нос. Как меня обычно.
- Какой у вас кот хороший! – мальчик гладит нового приятеля. – Добрый. А я вас видел позавчера. Вы парня из моря выманили. Так и говорит: «Выманили».
- И сегодня тут ночевать будешь? А тебе можно на камне спать?
- Да можно, – отвечает он без улыбки. – Уже не повредит. Мне делается жутковато, и о подробностях я не расспрашиваю.

Позже «выманиваются» ещё девочка (такая же непослушная, похоже, из старших подружек Снежаны) и два мальчика подряд, один совсем мелкий (утопал от мамы, заснувшей в га-

маке), второй уже подросток (полез смотреть ласточкины гнёзда и сорвался, чудом не разбившись). И пьяный в дым мужик с дач, которого я еле выволакиваю из воды, потому что он отчаянно сопротивляется и матерится, называя меня Лёхой-гадом. Я тащу его, усадив на велосипед, и пару раз едва вместе с ним не падаю. Пацан, который всякий раз теперь мне встречается, хихикает вслед. Мурчик сзади возмущённо завывает.

«Да брось ты его, — чудится мне в этих руладах, — пускай сам шлёпают!»

Однако транспортирую паразита до дач (вдруг снова в воду полезет), стряхиваю с седла и от души придаю ускорение пинком под зад. Дальше он плетётся самостоятельно, хоть и качается.

А ещё через неделю приходит капитан.

Он стучит в дверь домика и отдаёт мне честь.

Натуральный капитан, в белоснежном кителе, при погонах и аксельбантах.

Он стар, морщинист и сед, но глаза его сияют.

— Здравствуй, Старый Алекс, — говорит он. — Я к своим ребятам, проводи меня немного.

Я знаю — он должен быть там. Вывожу велосипед. Мурчик (хвост трубой) сопровождает. Сначала мы оба молчим. Потом, уже удаляясь от берега, капитан начинает рассказывать, как остались тут в Великую Отечественную моряки с его первого корабля. А его, малолетнего юнгу, спасли. Больше никто не выжил. Так вышло. И наконец-то ему можно к ним.

Мне уже всё понятно. Я не удивляюсь тому, что под водой, оказывается, ещё и разговаривать получается. Поддакиваю.

Останавливаемся.

— Спасибо, Старый Алекс, — морской волк снова отдаёт честь. — Прощай... Спасатель!

– Привет ребятам, – отвечаю я. А потом сигналию ему фарой на азбуке Морзе: «Слава Военно-Морскому Флоту!»

– Эх, – вздыхает мальчик, – хотел бы я, как он... Или как вы...

А сегодня я не погружаюсь в воду. Я подхожу к мальчику, и мы долго смотрим друг на друга.

– Вы не переживайте, я вам обузой не буду, – говорит он. – Я просто очень хотел остаться здесь и быть как вы. Спасателем. Капитаном-то уже не выйдет. Во всяком случае, пока.

– А я так и не спросил твоего имени, – невпопад отвечаю я.

– Женя, – он улыбается. – Не страшно, вот теперь и познакомились!

Хорошо это или плохо, но нас теперь трое.

Ночевать со мной в доме Женька не хочет. Так и спит на берегу. Ничего, скоро похолодает, и я его уговорю. Ведь уже август. И звёзды начали падать. Пусть думают, что внук приехал, тьфу-тьфу-тьфу.

– А ты знаешь, мне пару месяцев назад отец снился. Я так расстроился, что даже тебе сразу не сказал. Будто он уехал в Крым, живёт на берегу. На велосипеде гоняет! И представляешь, звонит мне по телефону и говорит, что к нему Мурчик пришёл!

– А куда же Мурчику идти, как не к нему? Так тосковал, бедняга...

– Отец рассказывал, что до того, как поступить в медицинский, хотел быть спасателем!

– Может быть, он там сейчас чьи-то души и спасает...

– Может быть...

Татьяна Столярова

«ПРИЗРАКИ КОММУНИЗМА»

Началась эта история ещё в 90-е, после обнаружения «факта» наличия веса у души. Соорудили мы с Юркой, тогдашние два аспиранта, в биофизической лаборатории нашего института установку, подобную описанной псевдонаучными СМИ. Ну, кровать на высокоточных весах, куда доброволец якобы ложился умирать. А потом выяснялось, что в момент смерти тело потеряло то ли 9, то ли 21 грамм. Дурака валяли, само собой.

Умиравших добровольцев как-то не нашлось. Разве что Юрка задрых однажды на этом ложе, обкушавшись водочки. А вот зав отделом, профессор наш, Владимир Михайлович Сомов, вернувшись из командировки, сильно был недоволен. Твёрдый материалист, советское воспитание.

— Кот из дому, мыши в пляс. Аспиранты, водку жрёте, а как дети малые. Кто вам позволил койку из клиники тырить да ещё ценные весы к этой железяке подсоединять?

Естественно, имущество клинике вернули, весы поставили туда, где они нужнее. Повеселились и забыли.

Годы шли, мировоззрение у населения несколько поменялось. Колдунов и экстрасенсов развелось немыслимое количество. Литературы по эзотерике — тонны. Поди разбери, что полная чушь, а над чем стоит и поразмыслить. Мы уже не Сашка и Юрка, а доктора наук Александр Николаевич и Юрий Сергеевич. Только наш Сомов каким был, таким и остался. Чего приборы не показали, того для него не существует.

И вот однажды появился он на работе к середине рабочего дня, что само по себе было поразительно. Созвал всех нас

и достал из портфеля, такого же древнего, как и сам, шесть бутылок коньяка.

— Вот, дорогие мои, не хотел вам говорить раньше времени, а теперь уже сомнений нет. Засиделся я здесь. Четвёртая степень, неоперабельная. Пару месяцев ещё поскриплю, но давайте простимся, пока я на ногах.

Очень уж неожиданно это было. Не жаловался ведь никогда. Смотрели мы на него и не знали, что сказать. А он скомандовал:

— Отставить панику! Я хорошо пожил. Бегом за закуской и посидим.

Сели, конечно. Поначалу и кусок в горло не шёл. А он сам взялся нас развлекать, байки травить о своей жизни. О многом мы никогда и не слышали. Действительно, старик-то у нас достойный. О научных открытиях и говорить нечего. И в личной жизни — со своей Евгенией Васильевной шестьдесят пять лет как один день.

Вот тут кто-то и произнёс слово «душа». Кажется, именно Юрка.

Сомов рассмеялся:

— А помните, мракобесы, как вы душу взвешивать собирались?

И тут же задумался. Замолчал.

И мы молчали.

Поднял наш профессор голову и объявил:

— Замечательно, что вспомнил! Проведу свой последний эксперимент. Собирайте такую же ерунду. Сейчас у нас и весы поточнее, и в клинике кровати поудобнее. Хочу доказать, что души не существует. И помирать веселее будет.

Нам, честно говоря, не весело стало, а как-то жутковато. Это что же, он прямо в лаборатории умирать собрался? И именно мы должны будем его смерть фиксировать? Кто же такое

разрешишь? Жена бедная что скажет? И куда потом результаты приложить?

А он словно мысли прочёл.

— Да! Столько лет здесь проработал, здесь и концы отдам. С начальством договорюсь. Как только совсем плохо станет, лягу в нашу же клинику. В критический момент прикатите сюда. Евгения Васильевна против не будет. А результаты... ну, ничего зря не бывает. Опишете опыт в пику этим выдумщикам. Может быть, и ещё кто захочет последовать моему творческому примеру.

И не возразишь ведь. Сним спорить всегда было бесполезно.

Вряд ли директор института такое бы разрешил просто так, но заслуженному учёному исполнить его в прямом смысле слова последнее желание позволил.

Прошли эти два месяца очень тяжело. Мы привыкли, что профессор всегда с нами, и даже в отпуск уходит редко. Правда, он постоянно звонил и указания давать продолжал. Но по голосу чувствовалось, что плохо человеку, злится он на свою беспомощность, а признаваться в этом не желает. И мысли все были о том, что никого чаша сия не минует, те, кто был его учениками (и я в частности), тоже когда-нибудь да подойдут к критическому возрасту, и кому как суждено прожить последние дни — неизвестно...

Увидели — испугались. Половина от человека осталась. Но шёл сам, хотя и опираясь на руку жены — Евгения Васильевна, всегда стоически переносившая все тяготы жизни с гениальным учёным, поддержала и это его решение.

«Смертное ложе» осмотрел, прилёг, сам всё проверил. Кстати, подсоединили оборудование высочайшей точности — сам выбирал. И уже не шуточную установку соорудили, как первая койка с весами, а обустроили герметичную камеру, чтобы све-

сти на нет все погрешности по причине потерь испаряющихся жидкостей и прочих побочных явлений.

Поворчал Сомов для порядка, но вроде бы остался доволен.

— Вот, Женечка, следи, чтобы никто не профилонил. Иначе буду с того света являться и мораль читать!

Нет бы ему промолчать...

Когда дней через десять самое страшное началось, жена вместе с ним осталась. Никто не рискнул её из лаборатории попросить. Сидела в уголке, бледная, но не плакала. Ждала. Владимир Михайлович лежал уже без сознания, хотя приборы показывали, что ещё был жив.

Настроение у «экспериментаторов» сами понимаете, какое было.

Вот тут всё и произошло. Приборы во время грозы мы никогда не отключали — всё всегда было качественно заземлено, как опыты прерывать-то? Да и не заметили, что гроза началась — окна в лаборатории отсутствуют. Не тем головы заняты были, чтобы за погодой следить. Всё внимание — на мониторы, где уже заметно, что душа, если она есть, с телом только что рассталась. А на том, который массу показывает, возникли явственные колебания, и что хочешь с таким фактом, то и делай.

И вдруг треск, приборы заискрились, свет погас. Евгения Васильевна заохала, все в ужасе. Темнота, друг друга не видно, не то что койки с телом. Попытались включить аварийное открытие дверей — забаррикадировались для таких исследований, чтобы посторонние не любопытствовали. Не получается. А тут голос откуда-то с потолка:

— Как всегда. Откуда у вас руки растут? Простую вещь до ума довести не можете!

Абсурд. Осмотрелись. Глаза к темноте уже несколько привыкли. И сверху стало заметно какое-то размытое пятно во-

локнистой структуры. Слабо светящееся. А сквозь непонятные волокна проглядывало хорошо узнаваемое лицо дражайшего нашего профессора.

Евгения Васильевна закричала: «Володечка!», лаборантки завизжали, остальные судорожно защёлкали кто зажигалками, кто мобильниками.

Пятно заколыхалось, но не рассеялось.

Наконец включилось аварийное освещение.

Тело признаков жизни не проявило. Пятно помутнело, но никуда не исчезло.

– Кажется, Сашка, доигрались, – тихо произнёс Юрий Сергеевич. Сел на пол и взялся за голову.

– Это я старый пень, виноват, – раздалось из субстанции. – Сказано умными людьми – не шутите со смертью! Признаю свою ошибку. Всё, как эти болтуны писали. И тоннель, и свет в конце тоннеля. И тут вот это! И как я теперь туда попаду... не знаю точно, куда, но куда следовало?

– А нам-то что теперь делать? – спрашиваю жалобно. Я ведь должен был быть преемником Владимира Михайловича. И, соответственно, теперь отвечать за последствия этого безобразия.

– Двери не открывать, сидеть молча, сейчас подумаю! – рявкнул профессор. – Женя, не плачь!

Это Евгения Васильевна наконец заплакала.

– Ой, Володечка, – еле выговорила она, – как ты себя чувствуешь?

– Интересный вопрос, – буркнул профессор. – А действительно, как?

Пятно заворчалось, поменяло форму, как будто потягиваясь.

– Главное в моём мироощущении сейчас – ничего не болит! – донеслось до нас. – И это немаловажно. А вот что чувствую...

Мы дыхание затаили. И вправду, кому из вас доводилось с призраком беседовать, да ещё его ощущениями интересоваться?

– А ничего, пожалуй, особенного не чувствую, – сварливо подытожил призрак. – Лёгкость необыкновенная, и ничего другого.

– Владимир Михайлович, умоляю, – я понял, что дело совсем пахнет жареным, – утро скоро! Как нам смерть регистрировать? Что директору говорить? Тело-то – вот оно, в камере! А вы вроде как живы на самом деле, коему обстоятельству мы бесконечно рады, но теперь нам так может влететь, что не расхлебаем! Давайте решать!

– Да уж, подставил я вас... – проворчал профессор и надолго замолчал.

– Самое для меня интересное, каким образом я буду существовать, – наконец произнёс он. – Вам-то что, труп в морг отравили, отчитались. По договорённости с начальством, умер я в нашей клинике. Тело то есть умерло, а Я сам? Личность то есть? Ну... душа, если хотите.

И тут меня осенило.

– Послушайте, так это же для вас, как для учёного, огромная удача! Будете своё нынешнее состояние изучать! Мы все поможем! Кто ещё похвастается такой возможностью? Узнать, на что способны... э... такие сущности?

– А ведь действительно, – протянул профессор. – Поле деятельности – ого-го!

– Владимир Михайлович, – вдруг пискнула Леночка-лаборантка, – а вы теперь сквозь стены проходить сможете?

– А вот сейчас и проверим! – призрак подхватился, разогнался, расплущился по стене и... исчез.

– Ой! – вскрикнула Евгения Васильевна.

– Прикуси язык! – цыкнул я на Леночку. Но профессор уже втягивался назад. Тем же путём.

– Даже скучно, – разочарованно заключил он. – Будто тень мимо промелькнула, и всё.

– А сквозь предметы? – азартно поинтересовался Юрка.

И понеслось...

Мы, потрясённые случившимся и открывающимися перспективами, забыли, что рядом лежит ещё не остывший труп горячо любимого руководителя. Сам же он, избавившись вместе с телом от болезненных ощущений и вдохновившись возможностью продолжить существование, с жаром включился в изучение самого себя.

К утру выяснилось следующее.

Призрак просачивался через все материальные предметы, живые и неживые, воспринимая их как тени. Осознание у него практически отсутствовало, обоняние и вкус также, зато видел и слышал он прекрасно. Даже лучше, чем в последние годы жизни. Дыхание потеряло своё значение полностью (потом оказалось, что и питание). Взвесить призрачную субстанцию не представлялось возможным – сквозь весы она проскакивала, как и через остальные предметы, не оказывая никакого давления. Живые организмы, то есть в данном случае сотрудники, при «погружении» в неё не испытывали ни потустороннего страха, ни могильного холода. Разошедшийся профессор потребовал, чтобы его немедленно подвергли электромагнитному воздействию (непонятно зачем, «просто результат увидеть»), но тут мы воспротивились из страха потерять его окончательно и нанести непоправимый удар здоровью Евге-

нии Васильевны, которой и без того досталось. Этот аргумент подействовал, Сомов уgomонился, и наша ошалевшая компания отправилась сдаваться директору.

По настоянию призрака процессия двигалась демонстративно, у всех на виду. Скрывать своё посмертное существование он не счёл нужным ни при каких обстоятельствах и решил сразу же поставить начальство в безвыходное положение.

И у него получилось.

А чем можно возразить призраку, которого ни ухватить, ни выгнать? Грозящемуся, в случае непризнания его живым, объявиться в редакциях всех газет и в кабинетах всех возможных учреждений, включая личную приёмную президента, где обличить руководство в косности и замалчивании научного открытия?

Надо отдать профессору должное, наши «туловища» он также прикрыл со всех сторон. От репрессий участники эксперимента были избавлены, а результаты опыта официально зафиксированы.

Тело похоронили без торжеств и церемоний.

После бурного обсуждения условий дальнейшей «посмертной жизни» наш профессор вернулся в отдел, завис над своим рабочим столом (где теперь сидел я) и несколько дней что-то обдумывал. Раздумья прерывались визитами репортёров от совершенно сумасшедшего количества разноцветных изданий и телеканалов, которые донимали и его, как непосредственный объект эксперимента, и меня, в качестве участника и руководителя. Сомов показывался всем, хоть и не без раздражения, позировал для фото и видео, отвечал на вопросы. После пятидесятого за неделю интервью я позорно сбежал и заперся в лаборатории, куда через час явился всепроникающий призрак.

– Вот что, – распорядился он, – установку и приборы чините побыстрее. И попроси кого-то из лаборантов помочь мне информацию собрать. Я ведь теперь не могу ни страницы листать, ни на компьютере работать!

Отказать ему я не мог, потому что сам подал идею об изучении ранее неизвестного состояния. Хотя и чувствовал, что всё это не к добру.

Приставил я к Сомову Леночку, которая его боготворила и всё предшествующее событию время прорыдала. Естественно, именно она и помогла ему повернуть последующую грандиозную операцию, тщательно продуманную и разработанную.

Через месяц наш призрак скомандовал:

– Попробуем опыт повторить. Присоедините генератор, чтобы в нужный момент вместо молнии пустить ток. Доброволец есть. Начальство разрешило.

Я за волосы схватился. Ибо сказано: «Не умножайте существей». Во что я вляпался?!

– Не бойсь, Сашка! – добавил он вдруг ехидно. – То ли ещё будет!

Душа у дедушки явно помолодела. Даже тридцать лет назад он меня Сашкой не называл.

Лёг к нам ещё один товарищ «на грани». Между прочим, крупная величина в ядерной физике.

Мы к его срокам установку наладили, примерную силу тока подсчитали. Ждём, как Судного дня.

Что вы думаете – вышло. Один раз. Второй. И так далее. Друзей-то у Владимира Михайловича было море, практически все – научные глыбы, основатели школ. Поднимавшие советскую науку и до сих пор не принявшие её краха. И, главное, – ровесники. Со всеми болячками, присущими возрасту.

Через год у нас уже был не институт, а замок с привидениями. Которые не гремели цепями, не завывали, а плавно перемещались по кабинетам и лабораториям, наблюдая за работой сотрудников. Большую часть времени сущности проводили, сбившись в стаю и что-то обстоятельно обсуждая. Периодически они навещали родичей, а если забывали, то приходила Евгения Васильевна и им сердито выговаривала.

Паломничество продолжалось, только теперь приезжали из серьёзных журналов и всевозможных институтов. Однако, похоже, несмотря на открытость экспериментов, никто в них полностью так и не верил.

Дальнейшие исследования показали, что призраки практически неуязвимы. На них не действовали никакие из известных излучений, равно как высокие и низкие температуры. Они не рассеивались в вакууме и не сплющивались при давлении в 1000 атмосфер. А вылетая из барокамеры, довольно хихикали, вгоняя лаборантов в дрожь. Леночка торжествовала.

Директор института уволился от греха, предварительно сделав всё, чтобы я занял его место.

— Нет уж, Александр Николаевич, избавь меня. Неспроста он это затеял. Шепчутся, шныряют — замышляют что-то, не иначе. Ты ситуацию породил — ты и расхлёбывай.

Я согласился. По секрету — потому что доверял Леночке. Сомову, впрочем, тоже. Почти.

Юрка, соответственно, стал заведующим отделом. Спокойствия это ему не прибавило. В день служебных перемещений мы с ним надрались, как когда-то в юности, ибо предчувствовали глубокие перемены в ближайшем будущем. Спать свалились прямо в лаборатории. Правда, не на ложе, к которому теперь мало кто рисковал приближаться без нужды.

Перемены сии начались с момента прибытия всё с той же печальной целью — кого бы вы думали? — известнейшего экстрасенса. И эту разновидность рода человеческого настигает смертный час. Было это тем более странно, что Сомов, убедившись в наличии души, магов и целителей всякого рода так и продолжал почитать шарлатанами.

Но похоже, именно этот шарлатаном не был. После его «воспарения» наш «сонм» исчез на пару месяцев. Евгения Васильевна и Леночка были невозмутимы.

Значит, что-то знали.

Масштаб катастрофы обрисовался по возвращении. Экстрасенс, как выяснилось, был не так себе экстрасенс, а усмиритель полтергейста. И после перехода в новое состояние приобрёл свойства этого самого явления. А ввиду особой остроты восприятия смог их транслировать и за время отсутствия обучил плохому всю компанию.

И теперь наши призраки, сохранив свою прежнюю выносливость и способность к преодолению препятствий, стали контактировать с материальными объектами. То есть манипулировать предметами, перетаскивать тяжести и даже наносить довольно чувствительные удары.

Напомню, что к тому времени они представляли собой команду личностей, весьма осведомлённых почти во всех отраслях науки.

Довольные до невозможности призраки немного поразвлекались, жонглируя канцпринадлежностями и инструментарием. Профессор даже прокатил на себе кокетливо визжащую Леночку. Затем приник к компьютеру и принялся отправлять письма уже самостоятельно, выясняя, собирается кто-то ещё из его многочисленных знакомых покинуть этот мир или все пока находятся в добром здравии.

Я обречённо наблюдал за шалостями своего резвящегося учителя. Он даже засветился ярче и, казалось, подрост.

– Ну, Санёк, – торжественно сказал он наконец, – удаляемся опять на какое-то время.

– Неужели предупредить изволили? – не удержался я от сарказма. – И куда же теперь?

– Мир спасти, – без тени шутки бросил профессор и исчез в стене.

Зная его, я даже сомневаться не стал. Спасёт и разрешения спрашивать не будет. Осталось выяснить, что он под этим подразумевает.

Некоторое время было тихо. На этот раз жёны и подруги наших призрачных друзей некоторое беспокойство всё же проявляли. Обидно даже как-то стало – меня ввести в курс дела и не подумали.

А через несколько дней в институт пришли три человека в одинаковых серых костюмах и с одинаково невыразительными лицами. Предъявили документы и очень вежливо попросили показать протоколы исследований и видеозаписи экспериментов.

Я показал. А кто бы не показал?

Люди в сером неделю изучали документацию без единого слова. От кофе деликатно отказывались. Против присутствия Евгении Васильевны не возражали, хотя она смотрела на них крайне осуждающе. Я попросил Леночку посушить сухарей.

Закончив, они так же молча удалились, даже не конфисковав записи. Я выдохнул и стал грызть сухари, запивая кофе.

Призраки не возвращались. Мы уже было решили, что их аннигилировали неизвестным нам способом. Но тут мир содрогнулся от ошеломляющих новостей.

Президент США выступил с внеочередной речью, в которой провозгласил немедленное снятие с России всего пакета санкций и внес предложение в ООН о запрете применения к ней каких-либо санкций вообще, поскольку эта страна является ближайшим другом и союзником Соединённых Штатов в борьбе с терроризмом, всемирным злом и агрессией инопланетян. На следующий же день председатель Совбеза, давясь слезами, поддержал это предложение. Европейские лидеры, преодолевая нервный тик, заявили, что готовы увеличить объём торговли с Россией в 10 раз и что они всегда к этому стремились, но их порывы были неверно истолкованы. Английская королева невольно выразила желание вернуть Индии сокровища, вывезенные колонизаторами, а Ирландии — независимость. Испания решила не отставать и предложила признать результаты референдума в Каталонии. Пошли слухи, что Папа римский собирался возражать, но по неизвестным причинам выступить не смог. Индия, Пакистан и КНДР скромно промолчали. Президент Украины срочно подписал указы об отказе от территории Крыма, окончании военных действий на юго-востоке и проведении в областях страны всеобщего голосования на предмет выбора государственной принадлежности, после чего ушёл в очередной запой и скончался, не приходя в сознание.

Выдержав многозначительную паузу, президент России озвучил ответное обращение.

— Буду краток, — произнёс он. — Это всего лишь начало восстановления дружеских отношений между Россией и мировым сообществом.

Мир ещё раз содрогнулся.

После этого в институт вернулись люди в сером и принесли с собой договор, гласивший, что в качестве государственного заказа нам предлагается расширить известную лабораторию

до пропускной мощности несколько человеко-призраков в сутки, и на это выделяется фантастическое финансирование. В этот же день были оглашены два указа президента. Первым из них сообществу призраков официально придавался статус соответствующего социального института с узаконенными правами и обязанностями, в том числе возможностью заниматься любой деятельностью по свободному выбору. Перейти в иное качество можно было только добровольно. Родственникам таких граждан полагалась приличная пенсия. Во втором указе подчёркивалось значение дальнейшего освоения космоса и утверждалось начало развития новейшей Космической программы.

Через год мы – я, Юрка и Леночка – стояли на поле новёхонького космодрома и любовались серебристым силуэтом ракеты-носителя, запуск которой был намечен на ближайшие сутки. Сомов вместе с Евгенией Васильевной, недавно последовавшей за мужем, парили над нашими головами.

– Боеголовки, правда, тяжелоатомно размонтировать было, – делился профессор воспоминаниями. – Зато на их рожи потом любоваться – истинное наслаждение! А когда за Папой по Ватикану гонялись – умора! С детства так не развлекался!

Теперь из всех стран «Ядерного клуба» только у России существовало дееспособное оружие. Все остальные установки были необратимо выведены из строя, технологии – уничтожены. Вероятность их восстановления бдительно отслеживалась круглосуточно дежурящими командами. Рассматривался вопрос утилизации других видов вооружения.

– А наш-то – ничего, даже к кнопкам не потянулся. Посмотрел этак, вздохнул, и говорит: «Я знал, что именно при мне что-то подобное случится».

Да, российский ядерный чемоданчик пока ещё существовал. Но в ход он вряд ли когда-либо будет пущен — это также контролировалось.

— Всю жизнь мечтал в космосе побывать, да не вышло — габариты подвели, высоким вырос! Пришлось хотя бы где-то рядом... Зато теперь наверстаю!

Идеальный экипаж, не требующий еды, питья и воздуха, обладающий, к тому же, комплексом уникальных знаний, готовился к беспрецедентному путешествию. Судя по настроению, призраки рискнули бы его предпринять и без корабля. Но оказалось, что скорость их перемещения всё же ограничена.

— Посмотрим, как там и что — а потом и живые смогут. А не смогут сразу — подождут своего часа!

— Эх... И я бы с вами, — вздохнул я. — Тоже бы слетал...

— Ничего, дорастёшь до меня — слетаешь, — утешил Сомов.

И я понял — действительно, слетаю. Так тому и быть.

Юлия Рубинштейн

«ИСТИННЫЙ ГРЕХ»

— Сходи, — кивнул отец, — принеси... Там много такого, чего здесь нет. Ягоды бодрости... Мне Старик показывал, ещё там, в Саду, что куда упало, когда он первый раз сеял.

Сын поправил пояс штанов из кустарно выделанной овчины. На нём висел кисет с огнивом и трутом, ещё один — с солью, кремнёвый нож в кожаных ножнах. Мешок с припасами и бурдюк с водой надо было взять у матери.

Подошёл к матери сзади, обнял длинными сильными руками. Ощутил, даже сквозь штаны, мягкие полушария. А руками — другие, спереди. Она сразу высвободилась из объятий. Не первый раз. Обнимает так — значит, созрел для самостоятельной, семейной жизни. Пора парню проветриться. Она, да он, да папаша, да брат. И всё. На всю известную округу. Сестёр нет. То есть надо искать ещё кого-то. Она уже знала: Старик многое скрывает. Выставил их с Адамом сюда за то, что попробовали яблочек. И за то, что без него сообразила: Адаму лучше ходить в штанах, а ей — в тунике. Почему не предположить, что где-нибудь, хоть бы и в Абиссинии, есть ещё такие, как они...

Помогла вскинуть на плечо связанные вместе бурдюк с водой и мешок с самым нужным — кроме провизии, запас верёвок, охотничьих дротиков, кремнёвый топор, скребок, костяное шило. Сын помахал свободной рукой — и в путь.

Путь был долог. Много раз вставало и садилось солнце. Каждый раз всё ниже и ниже. И погода делалась всё прохладнее. Это было хорошо. Летнее солнце может высушить любого зверя за три дня так, что ни шакалу, ни леопарду будет

не по зубам. Человека тоже. А зимнее — нет. Путник прошёл пески, россыпи щебня, морской берег, предгорья, ничем не отличавшиеся от родных голых холмов с сохлой на корню мелкой травой. И вступил в горы, где росли другие, чем на родине, деревья, где рычали леопарды и визжали обезьяны. Он точно знал, что обезьяны — ведь отец и дал им это имя. И рассказал, как они выглядят.

Тем не менее фигура, сидевшая на берегу ручья и мездрившая шкуру скребком, не могла быть обезьяной. Хотя подходила под описание почти точно. Руки, ноги, голова как у него самого, но вся в чёрной шерсти. Отличий от отцова описания было два. Обезьяна не работает, как человек. И у неё есть хвост. А тут хвоста не было. И работала она не менее ловко, чем его собственная мать.

Он подошёл ближе и сказал:

— Шалом!

Фигура полуобернулась. Женщина! Грудь, как у матери. Хотя не совсем. У матери — мясистые полушария, а тут упругие конусы. Спереди на теле шерсти нет. Кожа. Вся чёрная. Аж лиловая, как спелая фига. Лицо красивое, несмотря на черноту: правильных удлинённых очертаний, высокий лоб, гладкие, отблёскивающие на солнце щёки, тонкие брови, быстрые глаза с синими белками, небольшой подбородок и губы, которые так и зовут отведать. Молодая, не то что мать. У той в волосах седина, подбородок квадратный, потому что в углах рта и на щеках морщины, глаза всегда прищурены — видят не так хорошо, как у него самого. Вот добыча! А ягоды бодрости можно отложить на потом.

Сбросил на землю мешок и бурдюк, спустил с плеча шкуру леопарда, добытую в пути. Швырнул к ногам незнакомки:

— Хочешь?

Схватила. Хочет! Два быстрых шага – и его рука держит её руку выше локтя. Попробовала вырваться, да куда там!

– Каин, – потыкал пальцем в свою грудь. – А ты? – потыкал в её конусы, пощекотал, стараясь понежнее.

Засмеялась. О, а от неё ещё и пахнет не просто потным телом, а чем-то... как от сосны... или – нет, не от сосны. Какая-то смола, которой он не знает. Что-то сказала, да он не разобрал. Поцеловал в губы крепко, обнял изо всех сил, чувствуя, что штаны могут и лопнуть под напором его страсти. Оторвался с сожалением.

– Мы пойдём? – поперебирал пальцами, показывая ходьбу. – Вместе? – показал на неё и на себя.

Тут она поняла. Показала на него и на себя, потом в лес, потом на шкуры – подаренную и ту, что мездрила.

И был шалаш в лесу, и были похожие на неё – чернолицые, в шерсти со спины, большинство – сутулые и с тяжёлыми челюстями, старуха, дети и подростки. Один юнец чуть не продырявил его деревянным копьём, но отстал, увидев, что он оставляет старухе шкуру леопарда, недоделанную шкуру козы, нож и три дротика. Его напоили козьим молоком, а ягод бодрости сушёных насыпали целый мешок. Дали также свёрточек смолы, которой пахло от девушки. А потом девушка стала женщиной. Его женой. И всё. В обратный путь.

За время обратного пути он узнал наконец, что ягоды бодрости называются «каффа», что жену и смолу зовут одним словом «мирра», и много чего ещё. А напоследок, приближаясь к дому – что станет отцом.

Во дворе дома выстроили флигель. В свой срок родился сын Енох. Ещё через год – Мафусаил. Потом пошли девчонки: Двойра, Шера, ещё кто-то, ещё какие-то пацаны... Видел их Каин всё реже, так как приходилось уходить из дому всё чаще

и всё дальше. И на охоту, и пахать. Ведь поле требовалось всё больше. Свои отец и мать, папаша Адам и матушка Ева, помогали, но разраставшаяся семья сжирала все силы. Брат-пастух пропадавал месяцами. И затурканный заботами молодой отец всё чаще путал детишек и всё меньше хотел Мирру.

Саваоф Яхве принимал утренний рапорт. Первый докладчик – Михаил. Остатков люциферовских настроений не обнаружено. Дальше – херувим-ключарь, сторож Сада. О борьбе со змеями. Реинтродуцировано с Земли, с Индостана, десять голов мангуст, с побережья Балтики – двадцать голов ежей. Хорошо. Херувим – регент хора: как идёт разучивание новой программы. Деятели искусства всегда многословны, Саваоф даже задремал, но очнулся вовремя, отослал кивком головы: молодец, дуй дальше. Последний – дежурный серафим, пункт «разное»... Да ну? На усадьбе отселённых на Землю объектов эксперимента – такое прибавление семейства? Как, Люцифер разрази, когда генная модификация должна была обеспечить рождение потомства только мужского пола плюс практическое бессмертие – профилактика перенаселения?

Снимки были непроверяемы. Новая постройка из камня – жилой флигель. Новые глинобитные сараи. Видимо, хлеба. Поля. Вон сколько запахано – квадратики, квадратики... И последний снимок. Сделан, видимо, в сумерках, все фигуры кажутся чёрными. Больше десятка. Обоих полов. Подопытная женщина оказалась умна прямо-таки по его образу и подобию, введение в быт гендерно различной одежды – почти гениально, таким могучим умам нечего делать на дармовых хлебах в кондиционированном климате Сада, пора осваивать пригодные к тому космические тела. А мужчина-то! Какого сына воспитал. Социальное наследование – это ароморфоз...

- Кто снимал?
- Ангел-доброволец. Скаут. Постоянное место – третье слева сопрано в хоре.
- Подать сюда. Выслушаю лично.
- В данный момент вне связи. Выйдет на связь – вызовем.
- Задействуйте срочный вызов!
- Разрешите исполнять?

Привычно величественным жестом отпустил серафима, тот вылетел из чертога стрижом, только крылья – фррр.

Всё тело у Каина гудело. Ноги, руки, спина, рёбра. И голова – от солнца. Целый день мотыжить. Тут и каиново терпение не впрок, сохнешь. Он почти ничего не видел – пот застилал глаза. И когда чьи-то мягкие руки отёрли его лоб и поднесли воды в глиняной чашке – только тогда увидел своего благодетеля. Благодетельницу. Прекрасное белое лицо, нежный румянец, синие глаза, глядящие из-под русских сросшихся бровей, как васильки из пшеницы. И ангельский золотой нимб над замечательным, выпуклым лбом. Россыпь золотых густых волос, облаком стоящих вокруг гордой головы, стройной шеи, покатых плеч. Сидел и смотрел. Больше ни на что не было сил. И слов. И мыслей.

- Илона... Шалом... – наконец смог произнести.
- Как ты сказал?

Голос тоже был ангельский. Как пение моря далеко за холмами. Как мелодия ветра в траве. Как птичий гимн на рассвете. Нет. Даже отдалённо – нет. Ангельский голос. Вся музыка мира. Но он снова набрался духу и повторил:

- Илона...

Почему-то ему показалось, что её зовут так. Осенило.

- Нет, меня никак не зовут. Я третье слева сопрано в хоре.

– Ты не третья. Не среднего рода. Дева, Луна, золотая, как она... Ты не третья, ты единственная. Как можно никак тебя не звать? У тебя есть единственное на свете, только твоё имя, Илона... Моя единственная... – он сам не знал, откуда пришли все эти слова: то ли оттого, что часто говорил ласковые речи Мирре, то ли с голоса девы-ангелицы.

До вечера они лежали в объятиях друг друга, в шалаше, который он построил в поле, чтобы начинать мотыжить с первыми лучами зари. А в сумерках она светила ему своим золотым нимбом. За ночь он закончил обработку поля и утром вернулся домой. Покоритель природы, победитель – в победном сиянии Солнца и кудрей второй своей жены, Илоны.

Дома дети по очереди гладили её крылья. Белейшие и мягчайшие, как пух хлопка. А старшая дочка Каина, Двойра, сшила ей юбку и передник – выше пояса любая одежда стесняла бы вольный крылатый размах.

Конечно, Мирру не очень радовало появление Илоны. Но работать при свете её кудрей, не в дневную жару – это было здорово. Каин меньше уставал, и Мирре тоже перепадали его ласки. А однажды дети увидели на полу несколько больших белых перьев.

– Ой, крылышки линяют! – пискнул кто-то из детишек.

Илона вся зарделась, но сказала:

– Наверно, это потому, что у меня будет ребёнок.

И посмотрела на Мирру, довольная.

Перья теперь осыпались каждый день, как листва у садовых деревьев по осени. Потом пожухли и отпали сами крылья. Обозначился животик. Посмуглело лицо. Илона тосковала – красота потеряна, не уйдёт ли с красотой и любовью Каина? Однако нет. Волосы её и голос оставались прекрасны, Каин окружал её такой заботой, какой только мог, и в положенный

срок родился младенец. Девочка. Вылитая мама — белокожая, синеглазая и златокудрая уже от рождения. А на следующий год ещё одна такая же. И ещё. Илона совсем перестала бояться. Пропала и ревность Мирры.

И только Саваоф Яхве, несмотря на то, что жил и рассуждал в категориях вечности, никуда, следовательно, не спешил — иногда всё же недовольствовал. Так, слегка. Ну, где-то несильное землетрясение, где-то шторм баллов на шесть, на семь. В пределах обыденного. Почему никак не выходит на связь третье слева сопрано хора. Ни по обычному каналу связи, ни по срочному. Потребовал в чертоги херувима-регента:

— Что у нас сегодня в программе?

— «Слава в вышних богу» на двенадцать хроматических ладов.

— На сколько бы ни было. Недорабатываете! Нет у вас, маэстро, равновесия сопрано и теноров. Тенора перевешивают, как гири. Что отнюдь не ласкает слух. Мой слух! Будто одного сопрано не хватает.

— А таки не хватает, ваше вышество! Третье слева-то на задании. Доброволец-скаут.

— И что ж, вечность на выполнение нужна?

— Никак нет, вечность — ваша прерогатива, ваше вышество.

— Так доставьте её сюда, Люцифер разрази! Мой слух истосковался по равновесию!

Топнул домашней туфлём — на Кавказе и в Альпах сошло несколько лавин — и выгнал маэстро жестом посоха. Херувимские закрылки раскрылись сами. Соприкоснулся с опорой прямо у караулки дежурного серафима:

— Сам на грани гнева, знаешь ли. Срочно нужно... скаута нужно обратно в хор.

— Что, не подобрать никого на замену?

– Ты, что ли, петь сопраном будешь?

Херувим-регент раскалился до поросяче-розового, и дежурный серафим понял, что дальше испытывать терпение собрата опасно. Оставалось одно. Личный розыск. Слава в вышних, район известен. Серафим раскрыл все шесть крыл и оттолкнулся.

На высоте семи миль стал невидим, сориентировался по местным предметам и пошёл на бреющем, проникая рентгеновским взором стены жалких построек. Низкая, длинная – внутри одни четвероногие. Нет, вот человек. Женщина. Человек? Со спины покрыта шерстью и черна, как люциферово порождение. Возраст – юный. Мужчину пока не знала. Ещё такая же. Третья... Одеты в плетёную из растительных волокон материю, намотанную на талию. Их же не должно быть столько, эксперимент прекращён на первой паре, женщина может быть только одна. А их пруд пруди. Собирают молоко четвероногих в сосуды из жжёного грунта. Серафим дал ещё круг. Каменные постройки – для обитания человека. Вот эта используется дольше прочих, крыша более серая от метеовоздействий. Внутри четыре человека. Одна женщина зрелых лет, знала мужчину, родила и выкормила более одного потомка. Две ещё растущие особи женского пола. Чёрная, шерсть на спине, и белокожая, светловолосая. И одна особь мужского пола, тоже белокожая, но глаза и волосы чёрные. Ещё не умеет передвигаться на двух конечностях. Лежит в долблёном деревянном лотке, усталом шкурами таких же животных, что живут в низкой постройке. Серафим ничего не понимал. Если это дети зрелой женщины, то почему одна особь чёрная? Меланизм? А те, с сосудами – тоже? Не согласуется с исходными данными эксперимента. Может быть, потому он и прекращён...

Серафим заглянул сквозь стены второй жилой постройки, более новой. Там находилась ещё одна женщина, белокожая и светловолосая, скручивавшая шерсть животных в нить. И на её спине чётко просматривался под одеждой след апоптоза крыльев! Серафим был её собратом. Он спикировал, в диффузном состоянии, методом «золотого дождя» пробил крышу и предстал перед ней.

— Если не ошибаюсь, третье слева сопрано ангельского хора?

— Было. Теперь у меня есть имя. Илона, — ответила она, слегка порозовев.

— Тебя ждёт твой долг. Во-первых, доклад Самому, во-вторых, возвращение в хор.

— Мой долг здесь. Я замужем. Если ты давно в земном облике — наверно, проголодался? — она пододвинула серафиму чашку с молоком и сдобную лепёшку.

— Ты воспитываешь чёрное люциферово отродье! — поперхнулся серафим от возмущения. И никак ему было не унять кашель. Он так раскашлялся, что взлетел и реактивной силой, спиной и всеми шестью крыльями вперёд, был вброшен в небесную канцелярию.

Донесение произвело взрыв. Ангел, отказавшийся от сверхчеловеческого среднего рода в пользу женского! Не Люцифер, жаждавший прав начальника проекта. А жена заурядного самца-гоминида, к тому же имеющего ещё одну жену, из этих, на «питек». В крайнем случае из неандертальцев. Не прошедшую ни эпиляции, ни геномодификации, ни гипнообучения. Ещё более опасный прецедент. Прекратить. Срочно. Но как?

Небесная канцелярия тоже живёт и мыслит в категориях вечности. Пока шла переписка между её подотделами и службами, Земля неумоимо наматывала обороты вокруг своей

звезды, которую Адам назвал Шемеш — Солнце. А в семье его прибавилось ещё пяток внуков, и общее их число превысило два десятка. Наконец там, наверху, было принято решение. И однажды Глас Небес спросил Каина, где его брат Авель.

Брат был со стадом на пастбище. Каин так и ответил — мол, я своему брату не сторож.

Стадо пришло без пастуха. И не в полном числе. Потому и поняли: беда. Авеля искали три дня и нашли мёртвым, больше всего было похоже, что боднул баран — и очень уж неудачно. А потом началась жуть. И Адам, и Ева, и Мирра, и старшие дети — те, кому уже исполнилось тринадцать — видели пыльные смерчи и слышали голоса, вещающие из них. Про то, как братья решили принести жертвы богу. И когда Авель бросил в огонь кусок бараньего жира, пламя весело затрещало и рвануло ввысь, а когда Каин бросил горсть зерна — присело, порскнуло в стороны. После чего Каин вбил себе в голову, что, дескать, богу пришлось по душе жертва убоиной, но не зерном. Раззавидовался и убил брата.

Само собой, ни Адам, ни Ева в это не поверили. Во-первых, они никогда не приносили никому никаких жертв. Кому — Старику? Бок о бок прожили много лет. И за что? За то, что выгнал из Сада? И дети тоже — никогда и никому. Во-вторых, все знают, что если бросить в огонь жир, то будет лучше гореть. Скорее всего, Авель и хотел разжечь пламя посильнее. В-третьих, опять-таки все знают: хорошо горит только сухое. И конечно, Каину надо было узнать — готово ли зерно к уборке. Горсточку и поджёт: как будет гореть? А в-четвёртых, Илону видения не донимают. Значит, хитрая небесно-канцелярская братия знает: своего не проведёшь. И нечего на бобах разводиться. Тем более что сам Каин твёрдо говорил: не было ничего. Ни обеда вдвоём в поле, ни жертвы, ни знака с небес, ни зависти, ни убийства.

Дежурный серафим, понукаемый принципалом первого ранга, рассылал стратисов – из хора отвлекать было больше нельзя, оставались только михайловы ребята:

– Во-первых, точную картину! Единственный ли прецедент. Или были ещё брачные связи между питеками и объектами эксперимента. Между объектами и нашими. Лётом марш!

Улетали с осиным жужжанием. Маховик принятого решения раскручивался.

Через пару-тройку дней, когда у Адама на усадьбе уже устали от смерчей, от голосов, от похоронных хлопот и разговоров, в ворота вошёл осёл, погоняемый женщиной. Женщина шла рядом и была закутана в плащ с головы до ног. А у осла по бокам были приторочены две корзины, и в них сидели два ребёнка. Такие маленькие, что ещё не умели говорить.

Её провели к огню, дали лепёшек и похлёбки. Малышам тоже. И она сказала:

– Я Белевира, жена Авеля. А это наши дети Ниссон и Шифра. Где мой муж?

– Случилось несчастье...

– Как будет с наследством? – и это было первое, что спросила Белевира после того, как главное и самое тяжёлое было рассказано.

Илона внимательно посмотрела ей в лицо. А потом, так же внимательно, на ребят. А потом попросила Еву помочь ей принести в дом воды.

– На неё дети не похожи. И всё время молчат. Да и есть не стали, – сказала она, когда они с Евой остались вдвоём. – А на Авеля?

– Нет, – помедлив, сказала Ева.

– Ты поняла, мам? Ей не нужно ни стадо, ни земля. Ей нужно наше горе. Это не человек, это посланница... из моих со-

братьев. Они, — и кивнула на небо, — хотят наказать нас всех за то, что мой муж живёт со мной и с Миррой, что у нас большая семья и все дружат.

Ева нахмурилась, а глаза блеснули так, как будто сейчас ударит молния. Но не успела ничего сказать. Илона продолжала:

— Если она сделает вам с папой что-нибудь плохое, я уйду.

— Ты с ума сошла? А как же Каин? На него и так клеветают — так теперь ещё и это на бедную голову!

— Мы уйдём вместе.

И лицо у Илоны стало такое, что Ева поняла: спорить бесполезно. Ангелов на своём веку навиделась во всех видах, и уж точно знала: если у ангела делается лицо, как блеск Луны или Солнца — разве что от дохлого осла уши получишь.

— Половина стада в любом случае ваша. Если что, если я к тебе приду такая же нищая, как сюда пришла из Сада...

— ...то наш с Каином дом — ваш дом! — закончила Илона, и сверкали её глаза, как Луна в самую ясную ночь полнолуния.

И они ушли. Собрались в один день — Каин, Мирра, Илона, два с лишним десятка душ детворы, из которых четверо-пятеро были уже вполне помощники, навьючили семь ослов из полутора десятков имевшихся, и, гоня перед собой половину Адамовых овец и коз, затерялись в лиловой шалфейной дали. Куда и когда исчезла Белевира с отпрысками — никто так и не заметил. Усадьба опустела.

В следующем году у Адама и Евы родился ещё один сын, его назвали Сиф. И Ева перестала бояться, что ещё раз навлекла проклятие на семью.

А спустя много-много лет, когда Земля обегала Шемеш-Солнце ещё не менее чем триста раз — так говорят древние, а скептики говорят: тридцать, но ведь и это много! — в ворота усадьбы постучал молодой, очень смуглый, черно-

бородый человек, одетый во всё кожаное, и кожа скрипела. Адам и Ева не умели так выделявать кожу. И тележка, с которой соскочил гость, странно позвякивала — ничто в адамовом хозяйстве не издавало таких звуков.

— Я внук Каина, — сказал гость. (Древние поправили бы: он сказал — праправнук, но не будем повторять небылиц.) — Вот вам подарки, — и стал выгружать из тележки топоры, вилы, мотыги, ножи, шилья, лемеха, подковы, всё из настоящего железа, даже настоящей стали. — Я кузнец, дедушка Адам.

Адам и Ева качали головами, пробовали остроту заточки.

— Там, где я живу, поговаривают: кузнецы все колдуны. Так вот, один из наших прочёл в пламени: кто работает с металлом и огнём, у того лишнее выгорит, а настоящее откуётся в алмаз несокрушимый.

— Учёный у меня правнук, — сказал Адам. — А-да-мант... Там что, тоже люди по-своему болбочут, как моя старшая сноха?

— И руки, и ноги у них в шерсти, почти как у бабушки Мирры, — кивнул кузнец. — Бабушка Илона говорит, что они из питеков. Моя жена тоже местная.

— Кстати, Мирре с Илоной привет и всего лучшего, — сказала Ева.

— Да-да. И от Ниссона вам тоже привет. Помните, который вам внук, а мне двоюродный дядя. Ещё тот парень прочёл в пламени, — добавил кузнец и кивнул на небо, — что когда-нибудь нам оттуда спустят грамоту. Вбивать время и дела в бумагу, как я — в железо. И найдётся бродяга, который напишет, что мой дед кого-то там убил.

— А-а. Невидадь. Каждый день по козе или овну, — кивнула Ева, — на такую-то семью.

Саваоф Яхве топал ногами. По Тихому океану шли цунами, извергались одновременно Фудзияма, Плоский Толбачик и Оаху. Это даже не люциферовщина, это хуже. Михаил годен только внешний периметр стеречь, а Гавриил докладывает: даже операция «Клин клином» ничему не помогла, хотя удалась блестяще. Сын выбранной и оплодотворённой им самой девушки не только родился, не только прославился и стал в конце концов основоположником новой религии, не только свернул миссию запланированным образом, используя технику самоотключения, развитую на Индостане йогами, но и обеспечил наибольшую распространённость своего учения среди потомков этого проклятого эксперимента. Потомков объектов эксперимента! Заговариваюсь, старый уже, отметил про себя Саваоф Яхве и запустил левой туфлей в дежурного ангела. Тот мызнул вон. Над побережьем Австралии — ффуть! — пролетел последний тайфун, и всё стихло. Вдвоём. Он и Гавриил.

— Говоришь, нигде больше нет девяти ступеней иерархии и двадцати одной комиссии по изучению праведности, чтоб по образу и подобию моего правления?

— Все так называемые государства, где удавалось это внедрить, либо разрушены, либо преобразуются. В Риме таким образом управляется территория тысяч в пять шагов по периметру. Византия захвачена бывшими пастухами, они даже не знают полного вашего титула, называют вас на своём жаргоне «аллах». Очень хорошо поначалу было в Китае, хотя там население тоже из питеков — но сейчас и там, как они это называют, социализм и интернационализм. То есть можно валять что хочешь и жениться на ком взбредёт. Женщины стругают железо и правят в советах старейших. Все читают так называемые книги — о своём происхождении из глины через плесень и питеков. Обосновывая численными расчётами на ос-

новании пифагорейских гармоний вашего хора. И спутники запускают. Несколько их уже уничтожены стратисами внешнего периметра.

— Вытеснят, выпрут и отсюда, люциферово отродье. Не назанье ли — только расконсервируешь протоплазму, она разовьётся во что-нибудь такое непотребное, и опять ищи новую планету, — мотал большой седой головой Саваоф Яхве.

— Вы же сами всегда хотели — по образу и подобию... — начал было Гавриил.

— Да! Тыщу раз да! — яростно выкрикнул Саваоф Яхве, и в Андах отозвался грохот обвала. — Стройность пирамиды! Вечность расчётных параметров устройства! А им подай то эволюцию, то революцию! Вот он, истинный грех! Не яблока жалко! Как, ну вот как в голову могло прийти? Когда это ясно, ясно, ясно? Не сказано — можно яблоко, значит, нельзя! И сыниша взял от родителей, заметь, только самое дурное: женился на неровне, причём дважды, и даже моё третье слева сопрано соблазнил, опыты с огнём делал, внуков этим опытам научил — и завелась вся эта экологически гадкая промышленность с наукой в придачу, объявили его преступником — хоть плюй в глаза, всё моя роса! Не мой образ! Люциферов!

Придуманного и созданного этим взбалмошным стариком Люцифера, вздохнул про себя Гавриил, кланяясь, чтобы не лтели в лицо брызги возмущения.

На Земле, в гидрометцентрах стран Европы, рассылали предупреждение об идущем с запада циклоне с ожидаемой скоростью ветра около тридцати метров в секунду, а в городах и на судах крепили всё по-штормовому.

Андрей Пучков

«НАСЛЕДСТВО»

Я стоял рядом с могилой и бездумно смотрел в её раззявленную пасть, одинаково равнодушно принимающую в своё тёмное нутро всех. И хороших людей и плохих, и гениев, и дураков, и трусов, и героев. Она уравнивает всех, не сортирует никого, укладывает всех рядком и успокаивает самую мятущуюся душу. Вот и сейчас, когда расторопные мужики перестанут размахивать лопатами, она сомкнёт свои челюсти над очень хорошим и добрым человеком. Мы прощались с бабой Машей, бабушкой моей жены, которую она очень любила. И я совершенно был уверен в том, что она любила бабушку больше чем своих родителей.

Послышался дробный стук земли по крышке гроба, и, очнувшись от невесёлых мыслей, я посмотрел в пасмурное небо. Тучи ползли низко и тяжело, с трудом перекатывая свои серые глыбы над кладбищем, и, казалось, что самой природе не нравилось то, что сейчас здесь происходило. Грустно усмехнувшись своим мыслям, подумал: «Наверно, баба Маша пообещала природе, что будет жить вечно, но обманула её! Взяла и умерла, перестала быть в этой жизни. Вот природа и хмурится, тучи гоняет, только почему-то не плачет несмотря на то, что всё к этому располагает».

Сообразив, что таким нелепым мыслям, в таком месте, и в такой час не место, я вздохнул и посмотрел на жену, стоящую чуть впереди меня возле самой могилы. Как будто почувствовав, мой взгляд, Марина повернулась, и я увидел, что она тоже не плакала, её и без того большие глаза, стали

ещё больше, лицо заострилось и застыло словно маска. Марина несколько секунд смотрела мне в глаза, потом медленно отвернулась, и опять уставилась в яму.

Медленно тянулись минуты, могила становилась всё мельче и мельче, и наконец, превратилась в аккуратный холмик, который сиротливо возвышался над отведённым ему местом.

– Всё хозяйка. Мы закончили, – сказал, подходя к Марине, мужчина в униформе похоронного бюро, – может быть, Вам ещё какая-нибудь помощь нужна?

Марина перевела блестящие глаза на мужика и смотрела так, словно не понимала, почему он лезет к ней со своими глупыми вопросами в такой момент.

– Нет, спасибо. Всё в порядке. Помощь нам больше не нужна, – сказал я, вставая между женой и похоронным специалистом.

– Мы Вам что-то ещё должны? – уставился я в глаза мужику.

– Нет. Вы уже за всё рассчитались. Примите наши соболезнования.

И мужчина, коротко кивнув головой, пошёл по своим делам. Я ещё несколько секунд смотрел ему вслед, а потом, положил руку на плечи жене, и заставил пойти со мной, иначе, она будет тут торчать неизвестно как долго.

Родители Марины, её лысый старший брат с женой, её тётка, со своим мужем, терпеливо ждали нас возле машины. Когда мы подошли, тётка слезливо затараторила:

– Ох! Мариночка! Солнышко моё! Мне так жалко! Так жалко! Она была таким хорошим человеком!

Марина движением плеч освободилась от моей руки, и, подойдя к тётке почти вплотную хрипло спросила:

– Ты хочешь сказать, что после смерти бабушка перестала быть хорошим человеком?

Несчастливая тётка стояла, открывая и закрывая рот, не зная, что ответить. Марина обвела своих родственников тяжёлым застывшим взглядом, и мне вдруг стало ясно. Они все её боятся! Значит, несколько лет назад, мне не показалось, что в её присутствии, и её мама, и папа, да и прочие родственники, ведут себя как пришибленные. А вот теперь, я в этом точно убедился. Вон, как они назад подались, когда она на них посмотрела.

К слову сказать, этих людей, можно было понять. Характер у Марины был не то, что железный. Он у неё был титановый! И она всегда добивалась того, чего хотела. Она, собственно, и меня-то, на себе, можно сказать, силой женила! Хотя, если посмотреть на меня, а я гораздо выше среднего роста, и с весом в центнер. В это не очень-то и верилось, так как Марина в своё время вплотную занималась танцами и имела тонкую и гибкую фигуру. Но, тем не менее это так! Она, не шибко-то интересуясь моим мнением, и тем более, мнением окружающих её родственников, взяла меня за шиворот и притащила в загс. А я, и не сопротивлялся. И не потому, что она была богатым человеком, а по вполне банальной причине. Я её люблю!

— Доченька! Хорошая моя! Нам всем очень жаль, но, нам надо о многом поговорить — заискивающе защебетала моя тёща, промокая платочком сухие глаза.

Ни для кого не было секретом, что со своей свекровью они не ладили изначально, а безвольный сынок, ничего не мог с этим поделать.

— Давай моя хорошая завтра соберёмся дома у мамы и всё обсудим.

Марина коротко взглянула на мать, и, кивнув головой, пошла к своей машине.

— Приезжайте часов в одиннадцать, — сказал я, подходя к тестю и протягивая ему руку прощаясь. — Думаю, за ночь она сможет прийти в себя.

Тесть кивнул, пожал мне руку, и, подхватив под руку жену, повёл её к машинам. Они сейчас поедут в кафе и будут поминать бабу Машу там. А мы с Мариной, поедем к бабе Маше домой, и будем вспоминать её там, вдвоём.

Я с Мариной познакомился лет пять назад, совершенно случайно. Возвращался после обеда пешком в отдел — и вдруг услышал крики и визг из какого-то административного здания, и тут же увидел, как из распахнувшихся дверей выскакивают служащие и разбегаются в разные стороны. Как работнику полиции, тем более оперу, мне стало чрезвычайно интересно, кто там буйнит. Поднявшись на крыльцо, открыл солидную дверь из резного дерева, вошёл в большой холл. В этом красивом, просторном помещении, на мраморном полу, лежали человек шесть мужчин и женщин, и слушали, что им орал стоящий возле них мужик. Мужик был как мужик, если не учитывать того, что у него в руках был нехилый такой нож.

Я тяжело вздохнул: всё как всегда. Страна ждёт героев, а рождаются идиоты! Поэтому, пожав плечами, не задерживаясь, потопал к мужику. Дядька увидел меня, вытянул в мою сторону свой тесак и заверещал:

— Запорю, гад! Стой!

Но, на меня его вопли не произвели никакого впечатления, и тогда, он начал прыгать и размахивать ножом. Глядя на его ужимки, можно было безошибочно определить, что мужик в своей жизни ножом резал только колбасу, и то, варёную! Нож он держал неуклюже, и я не на шутку забеспокоился, как бы он сам себя не зарезал! Подойдя к мужику так, чтобы

случайно не попасть под мельтешение лезвия, я спросил, придерживаясь самых лучших традиций фильма «Операция Ы»:

– Милейший! Вы не подскажете, как пройти в библиотЭку?

Мужик перестал размахивать ножом и удивлённо спросил:

– Куда пройти?

– В библиотеку, – терпеливо повторил я и взял мужика за запястье руки, которая сжимала нож. Просто, быстро протянул свою руку и ухватил. Недоделанный террорист, сразу даже не понял, что произошло, он раз попробовал выдернуть руку, два, ничего не получилось, и когда он наконец-то осознал, что попался, я его ударил костяшками пальцев в шею. А когда, перевернув отключившегося мужика на живот, одевал на него наручники, слышался женский смех и голос:

– В библиотеку он собрался! С ума сойти!

Я посмотрел в ту сторону, и увидел, что с пола поднимается красивая молодая женщина. Поднявшись, женщина отряхнулась, и, подойдя ко мне, спросила:

– Вы полицейский?

Я, закончив валять мужика мордой по полу, встал и кивнул головой. Женщина постояла несколько секунд, разглядывая мою физиономию, а потом вдруг улыбнулась и сообщила:

– У меня сегодня работа закончится в шесть часов!

Я, всё так же ни слова не говоря, кивнул. Она постояла ещё несколько секунд, продолжая разглядывать меня, а потом, пошла в сторону лестницы ведущей на второй этаж. Однако, пройдя шагов пять, остановилась, и, обернувшись ко мне, проговорила:

– Вы ведь придёте?

Я кивнул.

Наша встреча закончилась в постели к общему удовлетворению! С тех пор мы уже не расставались. Я с удовольствием

перебрался в Маринину квартиру, и с ещё большим удовольствием, ничуть не смущаясь, пользовался благами богатой женщины! А когда она спросила меня, возьму ли я её в жёны? Я, не задумываясь, кивнул, и не стал сопротивляться, когда Маринка, взвизгнув, вцепилась мне в руку, и не выпускала до тех пор, пока мы не добрались до самого страшного для мужиков места! Нас расписали сразу же, она договорилась, и я стал, на зависть окружающим, мужем «бизнес-леди», продукция предприятий которой пользуется бешеным спросом на государственном уровне.

Свою фирму организовал дед Марины ещё в «мутные» девяностые годы. Он, будучи довольно известным учёным, быстро просчитал все плюсы катастрофы, в которую вляпали стану тогдашние правители, и взялся за дело. Лет через двадцать, дела Маринкиного деда завершились созданием мощного предприятия, имеющего несколько филиалов по всей стране. И сразу же после того, как Марина поступила в университет, дед подтянул её к себе, и она одновременно с обучением, училась руководить и его фирмой. После того как Марина закончила обучение, дед практически отошёл от дел. А потом, у нас родился сын. Но дед недолго нянчился с ним, через год он умер.

Своих сына и дочь, дед к делам фирмы и близко не подпускал, обеспечил их более, менее приличной работой, платил хорошую зарплату, и на этом, всё. Разумеется, он любил своих детей, но, он также прекрасно осознавал, что сын из-за мягкости характера и слабовольности, развалит всё, что он столько лет создавал. Ну а дочь, точно так же всё уничтожит, но уже из-за вздорности и склочности натуры, и обыкновенного отсутствия образования, школу моя тёща закончила еле, еле. И вот теперь, через два года, мы похоронили уже и бабушку

Марины. И остались, можно сказать, втроём: я, Марина и наш трёхлетний сын.

Родственники прибыли идеально, без пяти одиннадцать. Мы сидели на террасе и ждали их, сидели молча, говорить не хотелось. Марина тяжело пережила эту ночь, она, в конце концов, заплакала! Она сидела в бабушкиной комнате, в кресле, запрокинув вверх лицо, и смотрела в большое окно, а из её глаз катились слёзы. Так продолжалось несколько часов, потом я поднялся к ней, взял её на руки и унёс вниз, в холл, где положил на диване, укрыл одеялом, и она уснула.

Открылась калитка, и к дому один за одним, «гуськом» потянулись претенденты на дедово наследство. Я хмыкнул: «Сюрприз, однако, будет!» За Марину можно было уже не беспокоиться, она полностью пришла в себя, чему я, собственно говоря, и не удивился, с её то характером. Слабой женщиной, она становилась только в моём присутствии, и, чего греха таить, мне это нравилось. Мне нравилось то, что эта женщина, которую побаивались все, и родственники, и служащие, становилась ласковой и нежной, в руках такого брутального «мачо» как я.

Семейка подошла, расселась, причём стулья и скамейки им пришлось таскать со всего двора самим, у нас заниматься этим желания не было. Вместе с этой командой прибыли какие-то два худосочных мужичка, которые до поры до времени топтались в сторонке, и к нам не подходили.

Тёща повозилась, удобнее устраиваясь в плетёном кресле и начала:

— Доченька, я прекрасно понимаю, что сейчас может быть не время говорить о делах, но, мы вынуждены это делать, так

как папино предприятие не должно оставаться без хозяина! Если мы будем тянуть с этим, без руководства нарушится производственный процесс, и наша семья понесёт значительные убытки!

– Да мама, – спокойно согласилась Марина, – если у предприятия нет руководителя, убытки неминуемы.

– Вот и прекрасно милая! Я очень рада, что ты это понимаешь! – буквально подпрыгнула от радости моя тёща. Она явно готовилась к долгим и нудным уговорам, а тут вдруг бац, и любимая доченька согласилась.

– Мы пригласили с собой адвокатов, которые уже подготовили первоначальные документы о нашем долевом участии в папином предприятии и...

– И вы напрасно побеспокоили занятых людей, – устало сказала Марина и откинулась на удобную спинку точно такого же кресла, на котором устроилась её мама.

– Ну почему же напрасно! – искренне удивилась тёща. – Ты же сама согласилась с тем, что без руководства...

– А кто вам сказал, что у моего предприятия нет хозяина? – спросила Марина и, не мигая, уставилась в глаза матери?

– Но мы ведь ещё даже не начали обсуждать, кто будет управ... – начала было тёща, но осеклась. До неё наконец-то дошло, о чём говорила дочь.

– Но, как же... мама ведь уже умерла! А она была последней...

– Бабушка никогда в своей жизни ничем не владела! Она даже этим домом не владела, она была в нём только зарегистрирована.

– Да... но... папа говорил, что всё, что у них есть, принадлежит маме!

– А он и не обманывал, – хмыкнула Марина, – всё принадлежало им, и бумага им для этого не надо было!

– Ну, хорошо, пусть так, – согласилась тёща. – Это не освобождает нас от обязанностей по управлению папиной фирмой, мы его единственные родственники, и поэтому мы должны...

– Вы ничего никому не должны! И вам, никто ничего не должен! – опять сухо перебила мать Марина и перевела взгляд на отца.

– Всё, что было у деда, теперь принадлежит мне! Марина обвела взглядом всех, в прямом смысле слова, открывших рот родственников.

– Мне! – жёстко повторила она. – И только мне! Хозяйка всего – я! Без всяких компаньонов и совладельцев. У меня есть заместители здесь, и заместители, управляющие филиалами! Они помогают мне в работе. Дед ещё три года назад переписал на меня всё! Даже этот дом!

Марина наклонилась и не глядя взяла с журнального столика чёрную кожаную папку. Потом посмотрела в сторону нерешительно топчущихся адвокатов и сказала:

– Господа! Прошу вас ознакомиться и сказать, что вы об этом думаете.

Самый старший из них подошёл, взял из рук жены папку открыл её и начал прямо стоя читать бумаги. По мере прочтения он передавал бумаги второму. Минут пять, был слышен только шелест документов, и тяжёлое дыхание одуревших от тяжкой новости родственников. Наконец старший произнёс:

– Безупречно! Работали специалисты высочайшего класса! Примите мои поздравления! – и он поклонился в сторону Марины. – А что касается Ваших родственников, то они являются только вашими наёмными работниками, и не более того. Если, конечно, Вы не пожелаете что-то изменить в их статусе.

И он положил папку на столик, которую я сразу же забрал себе. Мало ли что кому в голову взбредёт. Оба адвоката попросились и пошлёпали на выход. Всё!

Жить мы остались в этом старом доме, где Марине всё напоминало о бабушке. Мне сначала показалось это неразумным, но потом я подумал и решил, что жена знает, что делает, и не с моей толстокожестью вникать в столь тонкую материю памяти. Это был не дом, это была сказка! Старинный, ещё до-революционной постройки, из вечного кирпича, который со временем не крошился. С правой стороны от крыльца располагалась большая терраса, огороженная каменными перилами. В дом вели большие двойные двери, из которых попадаешь в большую прихожую, из которой справа и слева были выходы в большую гостиную. Справа, от которой находилась большая кухня, вдоль двух стен которой тянулся современный кухонный гарнитур со всевозможными встроенными «примочками». Посредине кухни стоял большой стол, накрытый бежевой холщовой скатертью, вокруг которого стояли четыре тяжёлых стула. И совершеннейшим архаизмом смотрелся люк в подвал, размером примерно метр на метр, который закрывался не крышкой, а досками.

Подвал был большой метра четыре в глубину и площадью, наверное, метров двадцать! Вдоль стен он был заставлен мощными полками, на которых хранились банки с солониной и прочими прелестями загородной жизни. Слева от гостиной, находилась гостевая комната, рядом с которой была лестница, ведущая на второй этаж. На втором этаже прямо с лестницы начинался широкий коридор, в котором были всего три двери, ведущие в три комнаты, две спальни, и между ними кабинет.

Прошёл уже месяц, как мы жили в бабкином доме, уже стали сглаживаться из памяти незабываемые впечатления от истерики, которую закатили Маринкины родственники. Она слушала их визг и изредка морщилась от особенно громких завываний. Это продолжалось минут двадцать, потом она молча встала, зашла в дом и закрыла за собой дверь изнутри. Родственники ещё минут пять завывали, но я так понимаю, что это было рассчитано уже только на меня. Но, как я уже говорил, я существо толстокожее, поэтому сидел в кресле, и даже не пытался делать вид, что сочувствую им. Однако, чтобы не выглядеть совсем уж законченным циником, периодически тяжело вздыхал, и сокрушённо качал головой. Им, в конце концов, надоело смотреть на мои ужимки, и они как-то разом, тесной кучкой покинули меня.

Несмотря на то что мне безумно нравился этот дом, у меня не получалось за ним следить, он буквально на глазах, стал разваливаться. Не в прямом смысле, конечно, но, дом стал рассыпаться по мелочам, начали скрипеть двери, они перестали нормально открываться, как, впрочем, и окна. Как грибы после дождя стали появляться гвозди и всевозможные шурупы. Начала отваливаться краска, рассохлись и заскрипели полы. Я держал под рукой, молоток и плоскогубцы, и занимался только тем, что ходил по всему дому, и ликвидировал этот кошмар.

Так прошёл ещё месяц, у меня уже заканчивалось терпение, но, вопрос решила Маринка, когда она увидела, как я ползаю по кухне с молотком, и подбиваю вылезшие гвозди. А когда я, распустив слюни, горестно пожаловался ей на бяку дом, который меня уже задолбал. Маринка шлёпнула себя по лбу, и с возгласом:

— Вот же я дура а! Про хозяина-то я и забыла! — вытащила из стенки тарелочку, налила в неё молока и поставила в угол

кухни, потом постелила салфетку и положила на неё кусок хлеба и несколько конфет.

Я, вытаращив глаза, смотрел на эти её приготовления, и когда она закончила портить продукты, сказал:

– Знаешь, я, пожалуй, склонен согласиться с тем утверждением, которое ты сама связала со своей головой. Марина ничего не ответила, она села на стул и уставилась в угол, а потом, вдруг начала улыбаться.

– Я просто забыла про это! – наконец сказала она. – Бабулина смерть меня вышибла из колеи, и я забыла про него. Но, сейчас всё наладится. Он просто напоминал нам о себе.

Я ещё больше выпучил глаза на жену и, заикаясь, просипел:

– Прости милая. Я не совсем понял. Ты это о ком сейчас говорила?

Не переставая улыбаться, Марина ответила:

– О домовом, о ком же ещё! Я бочком подобрался к жене, перекрестил её молотком и, потрогав лоб, спросил:

– Ты как себя чувствуешь?

Маринка внимательно посмотрела мне в глаза и тихо сказала:

– А я ведь помню, как играла с ним. Я сидела вот на этом самом месте, отвернувшись от его угла, и когда краем глаза замечала какое-то движение, резко поворачивалась, но, так ни разу увидеть его и не смогла! – Маринка тяжело вздохнула. – Несколько раз только видела, как тень мелькает. Он знал, что я с ним играю, поэтому и позволял мне его тень увидеть.

И действительно – дом пришёл в норму! И как бы я ни пытался себе это объяснить, правдоподобного объяснения не находил. Я много думал об этом, думал, думал, пока, мне самому этот идиотизм не надоел. И тогда, я в один прекрасный момент, дождавшись, когда жена уйдёт на работу, взял заботливо

поставленную в угол тарелочку, вылил из неё молоко, помыл, и поставил на место, подобрал хлеб. И громко заявил:

– Я не верю! Бред! Домовых не бывает!

Но, я ошибался, они бывают, и ещё как бывают. Домовой объявил мне войну.

Дома у меня не получалось ничего! За что бы я ни брался, всё выходило через одно известное всем место! Я даже гвоздь забить спокойно не мог, не согнув его раза три. Мне под ноги попадалась вся мебель, которая у нас была в доме. Я умудрился прищемить себе пальцы всеми дверями, окнами и дверцами, какие смог только найти. Я падал, спотыкаясь о ковёр, или об обувь неизвестно как оказавшуюся посреди дома. Я падал, наступая на кожуру бананов, которые очень любил, и которая оказывались разбросанной в самых неподходящих местах. Продержавшись, месяц, я сдался, и опять побрёл жаловаться и пускать обиженные пузыри перед любимой женщиной. Я знал: она меня пожалеет и поможет мне. «Мачо» из меня вышел так себе. Никакой, в общем...

Так и получилось, когда Марина, закончив меня утешать, выбралась из постели, она позвала меня с собой, и, заведя на кухню, сказала:

– Молоко, хлеб, конфеты! Он любит сладкое! Конфеты только шоколадные! Что и куда ставить ты видел. Потом сядишь где-нибудь и начинаешь вслух говорить, каким ты был балбесом, что усомнился в нём. Всё ясно? – устала на меня Маринка.

– Всё... – пробурчал я. – Иди уже!.. Сам справлюсь.

Жена засмеялась и вышла из кухни. А я, чувствуя себя полным идиотом, налил в тарелку молока, поставил в угол, и точно так же, как это делала Марина, положил на тряпицу, кусок хлеба, и три конфеты. Потом сел рядом, опёрся спиной на тумбу

гарнитура, и, чертыхаясь мысленно, начал говорить сам с собой, вслух. Нёс всякую чушь, в основном о том, какой я дурачок, что не поверил в домового. Когда запас нелицеприятных эпитетов иссяк, я посмотрел в угол и сразу же рванулся прочь из кухни, но, в дверях споткнулся за собственные ноги, упал, и, не поднимаясь, на карачках выполз из кухни в холл. Жена сидела на диване, поджав ноги, и читала, увидев меня в таком интересном положении, она хмыкнула, отложила книгу, и с неподдельным интересом спросила:

— Что на этот раз? Я, сидя на полу, привалился спиной к дивану и, ткнув пальцем в сторону кухни, прошептал:

— Конфеты и хлеб пропали! Я их положил туда!.. А они взяли и пропали. Марина улыбнулась и погладила мою бедную голову.

— Тебе повезло! Он принял твои извинения.

Я судорожно со всхлипом вздохнул. Теперь я верил. Сам, можно сказать, видел.

Время шло, жизнь вошла в норму и текла так, как ей и положено, с радостями и огорчениями, с визитами к нам в гости бабушки и дедушки нашего сына. Во время которых, Марина с непроницаемым лицом выслушивала жалобы мамы на вечную нехватку денег, и сочувственно ей поддакивала.

На мою свободу жена не посягала, она с самого начала предложила мне работать вместе с ней, либо найти на её фирме то, что мне подойдёт. Я отказался от всего, я опер, и мне это нравится. На работе, я гораздо легче, чем другие, переносил судорожные «заскоки» руководства. Так как за моей спиной, как скала стояла тонкая фигурка моей жены, с нехилыми банковскими счетами.

Особенно мне нравилось, когда я на работе получал какие-нибудь травмы! Я далёк от мазохизма, но когда Маринка обнаруживала на моём теле какие-то повреждения, ссадины или синяки. Она поднимала визг и начинала жалеть меня — долго и нежно! И я иногда даже подумывал о том, чтобы периодически самому себя избивать — уж больно мне нравилась Маринкина жалость ко мне.

Прошёл уже целый год, сыну исполнилось четыре, и я практически не думал о том, что кроме нас в доме ещё кто-то живёт. Самым естественным образом, два раза в неделю, на кухне, в углу, мы оставляли угощение домовому, даже не думая о нём. Привычка выработалась. Но, в один далеко не прекрасный момент, он сам о себе напомнил.

Я играл с сыном в прятки. Он должен был спрятаться, пока я сижу на диване, закрыв рукой глаза, и считаю до десяти. Я закрыл глаза и начал считать, сын, заверещав, помчался в сторону кухни, топая ножками по полу как маленький слон! Не определить, куда он побежал, было невозможно! Маринка, которая сидела в кресле и смотрела телевизор, засмеялась, услышав возню в кухне, а потом, я услышал, как там брякнула доска. Уже поняв, что произошло, я рванул в кухню, и с разбегу прыгнул в сторону открытого подвала!..

Я не успел! Мелькнули ножки сына, и он ухнул в подвал!.. Я в ужасе заглянул в люк и не поверил своим глазам! Сын висел в воздухе вниз головой, зацепившись за какую-то торчащую из темноты, похожую на толстую проволоку шуковину, ножкой. Я буквально свалился вниз, подхватил ребёнка, и, пытаясь отцепить сына от этой проволоки, схватился за неё рукой. Сначала я ничего не понял, потряс её, подёргал, а потом, вдруг почувствовал, как она начала шевелиться. И только тогда я обратил внимание на то, что это что-то покрыто тёмной шерстью, я чув-

ствовал эту шерсть под своей ладонью. Я замер, ещё не совсем понимая, что это такое, и вдруг увидел, как разжимаются пальцы, удерживающие моего сына за ножку! Это были корявые, густо заросшие шерстью пальцы, с бугристыми чёрными ногтями.

Перехватив сына вверх головой и прижав его к груди, я медленно повернулся спиной к тому месту, куда спряталась рука, стараясь своим телом отгородить ребёнка от этого. Потом я медленно повернул в ту сторону голову, и увидел, как на меня смотрят два больших круглых, мерцающих в темноте глаза. Я отвернулся и замер, через тельце ребёнка, чувствуя, как бешено, колотится моё сердце.

Сверху спустилась Маринка; увидев, что с ребёнком всё в порядке, запричитала и, опять забравшись на лестницу, приняла у меня ребёнка и выбралась наверх. Я вылетел из подвала в один прыжок и тут же отскочил от люка подальше. Видимо, увидев мои глаза, Марина спросила:

— Что? Что там было?

Я показал пальцем в сторону подвала и прошипел:

— Там.... Это... Чёрная рука... Сына.... За ножку поймала.... Не дала ему упасть...

Маринка, несколько секунд смотрела мне в глаза, потом сунула сына мне в руки.

— Держи, я сейчас!

И начала судорожно искать по шкафам конфеты и ссыпать их в пакет.

— Ты чего делаешь? — забеспокоился я, наблюдая за мечущейся по кухне женой.

— Его надо отблагодарить, — выдохнула Маринка, — и чем быстрее, тем лучше. Он поймёт, что мы оценили его поступок.

— Так это что, я домового, что ли, видел? — наконец-то дошло до меня.

– Да!.. Так достань масло!

Приготовив гигантский бутерброд из половины батона, жена залезла в подвал со всем этим добром. Я держал сына на руках и со страхом смотрел, на люк, из которого доносился приглушённый Маринкин голос. Сам я, наверное, никогда в жизни больше не залезу в этот подвал! И только я это подумал, как вдруг понял, что мне не страшно. И там, в подвале тоже не было страшно! Вернее, мне было страшно за ребёнка, страшно потому, что он мог разбиться! А сердце у меня колотилось от неожиданности, и от неизвестности того, с чем я столкнулся. Марина вылезла из подвала, положила на место доски, и, встав, сказала:

– Всё нормально, принял. Он доволен!

Потом мы вышли в холл уселись на диван, и несколько минут молчали. Я не выдержал и заговорил первым:

– Я сейчас поеду в хозяйственный, куплю шарниры и замок. Сделаю из этих же досок крышку, и будем её замыкать! Не хочу, чтобы ребёнок ещё раз в эту яму завалился!..

– Да, это правильно, – согласилась Марина, – тем более что через семь месяцев, появится ещё один! И мне не хотелось бы лишний раз их няньку напрягать.

– В смысле: «их няньку напрягать»? – начал тупить я.

Маринка улыбнулась, перебралась ко мне на колени, и, уткнувшись мне в шею, прошептала:

– В том смысле, что рожать теперь можно сколько угодно! Что я собственно и собираюсь в очередной раз сделать. Дети отныне будут под присмотром!

Потом она отстранилась от меня, внимательно осмотрела и, усмехнувшись, добавила:

– Ну и ты тоже!

Андрей Пучков

«СОВЕРШЕННАЯ ЗАЩИТА»

Мантикора приготовилась к прыжку. Она прижалась к земле и подалась немного вперёд. Перевитые мышцами, словно канатами, лапы подрагивали от напряжения, как будто зверь накапливал в них силу, чтобы совершить стремительный и смертельный рывок. Длинный и мощный хвост, заканчивающийся острой костяной иглой, как маятник метронома, двигался из стороны в сторону. Я, стараясь не моргать, смотрел ей прямо в застывшие жёлтые глаза, в которых пульсировал вертикальный зрачок, и ждал. Всем было известно, что если уж ты встретился взглядом с этой хищницей, не моргай! И чем дольше ты сможешь выдержать, тем дольше проживёшь.

Я усмехнулся: «Ну уж нет, подруга! Зря ты выбрала меня предметом охоты, ох, зря! Не повезло тебе! Ты, конечно, можешь меня достать!.. Но не в этот раз! И не в следующий!.. Не ты первая и не ты последняя!..». И я моргнул!

Моргнул специально, чтобы мантикора начала действовать. Зверь купился на провокацию и ударил хвостом. Она всегда первый удар наносит хвостом. Мне это было известно! Раздался свист пронзающего воздух острия, и я, стремительно пригнувшись, перекатом ушёл в сторону. И уже выходя из куврыка и поднимаясь на ноги, почти не глядя, рубанул мечом!.. Правки не требовалось! Хвост зверя вонзился в ствол дерева, возле которого я стоял, и увяз в нём своим острым концом. Ну а мне оставалось его только перерубить, что я и сделал. Не впервой, знаете ли.

Лишившись хвоста, мантикора, завывая, крутилась на одном месте, взрывая когтями землю, напрочь забыв и про меня, и про охоту. Она вообще больше ни на кого не обращала внимания. Хвост для неё — основа существования; лишившись его, она полностью теряла ориентацию и не знала, куда ей бежать и что делать. Меня всегда интересовал вопрос: почему при наличии впечатляющих клыков и мощных когтей это, в общем-то, умное создание так безрассудно и бесстрашно использует столь ценный для её жизни инструмент?!

Из-за соседнего дерева выглянул Серый и вопросительно уставился мне в глаза.

— Всё нормально, братан, — улыбнулся я, убирая меч за спину, — как обычно, даже не поцарапался!

Серый хмыкнул и, пожав плечами, направился в сторону скал. Я вздохнул и, поправив разгрузку, потопал следом за ним. Вот всегда с ним так, хоть бы раз похвалил!

Серый бодро топал метрах в пяти впереди меня и настроенно вертел головой во все стороны. В этих местах только так и надо ходить. Нельзя идти рядышком друг с другом, как бы тебе этого ни хотелось. Нельзя идти друг за другом ближе, чем в пяти метрах. Иначе и в том, и другом случае сразу обоим можно запросто стать добычей какой-нибудь твари.

Вот как сейчас!.. Я одновременно с прыжком Серого в сторону рванул из закреплённой на бедре кобуры обрез двустволки и всадил картечью сразу из двух стволов в гибкое тело здорового верёвочника, подобравшегося близко к тропе и ожидавшего беспечного путника.

— Да, не повезло тебе, — пробормотал я и толкнул ногой длинное подрагивающее щупальце, усыпанное острыми шипами, — ползал бы по своим владениям, живым бы остался. Вот что тебе тут надо было?

Подошёл Серый и тоже осторожно, чтобы не уколоться о шипы, потрогал верёвочника.

— Ещё немножко и он бы тебя достал! Ты становишься беспечным! — сказал я и с укоризной уставился на друга.

Тот, не отрывая взгляда от верёвочника, почесал себе ухо и, сверкнув в мою сторону карим глазом, снова пожал плечами. А потом, перепрыгнув через шипастое тело, направился дальше. Ну вот что с ним делать? Вроде бы и не молоденький уже. Усы вон какие отрастил! Пора бы и думать начинать.

Привал решили устроить на крыше древней разрушенной башни. Она была не очень высокой, но стены у неё были мощные, гладкие, отлитые из бетона, который со временем приобрёл крепость камня. По таким стенам ни одна тварь не взберётся. Если, конечно, что-то летающее не нагрянет. Пока Серый внимательно осматривался, я прислонил к стене длинную широкую доску, на которой по всей длине были набиты бруски, и по этой импровизированной лестнице забрался на второй этаж. Подождал, пока заберётся Серый, и опять повторил процедуру, прислонив лестницу к пролomu в потолке. Оказавшись на крыше, доску задёрнул наверх. А то мало ли!..

На самом деле мы забрались не на крышу, а на разрушенный чердак, над которым оставался целым небольшой участок из толстых досок. Под этим навесом при случае можно было укрыться не только от дождя, но и от какой-нибудь летающей заразы, которая вздумает полюбопытствовать, кто это там, в теньке, спрятался.

Я пристроился на небольшой чурочке, неизвестно как попавшей на чердак, удобно откинулся на стену, вытянул ноги и прикрыл глаза. Хорошо. Спокойно. Пока никто не нагрянул, надо бы перекусить, а то потом времени может и не быть. Обстановка здесь меняется очень быстро. Не успеешь оглянуться!..

– Держи, Серый, – негромко сказал я и протянул другу морковку. Тот радостно хмыкнул и, по-моему, даже улыбнулся, что с ним бывает крайне редко. Я посмотрел, как приятель с удовольствием захрустел морковкой, и, вытащив из кармана разгрузки завёрнутый в фольгу бутерброд с колбасой, с не меньшим удовольствием запустил в него зубы.

Моего друга можно назвать странным! Я это знаю и принимаю его таким, какой он есть. Ну что поделаешь с тем, что он вегетарианец? Правильно. Ничего не поделаешь. Вот я и не делал. Нравится ему морковка, значит, пускай он её ест. Зато он был преданным другом и хорошим товарищем. Он не оставлял меня даже в самых сложных ситуациях. Правда, у него был один существенный недостаток: он не умел говорить, то есть вообще не умел! Не дал Господь ему такого дара, как речь. Проглядел он это, и в результате кто-то, например, я, мог говорить, а Серый, по высшему недосмотру, и слова сказать не мог! Но меня это не сильно напрягало. Я понимал приятеля и так – по взгляду, по движениям, по его забавной мимике. Например, когда он ест свою морковку, его челюсти так уморительно двигаются, что мне иной раз хочется рассмеяться. Но я себе этого не позволяю, чтобы не обидеть друга.

Над нашим убежищем мелькнула тень, и мы притихли, стараясь не издавать ни звука. Нам не повезло. Тень, падающая на стены башни, стала стремительно увеличиваться, и наконец массивное тело опустилось на прикрывающие нас доски. Я вытащил меч и, задрвав голову, наблюдал, как, жалобно застонав под тяжким весом, прогнулся дощатый навес. Серый тоже бросил свою морковку и приготовился. Я поднял вверх указательный палец, призывая его не шевелиться, а сам маленькими шажками подкрался ближе к краю навеса, под которым мы укрывались.

Мне уже было понятно, кто почтил нас своим гнусным присутствием. Чёрный глотатель! Препротивнейшее создание. У этого летающего монстра был огромный мощный клюв, и он им умело пользовался. Например, он мог в считанные минуты разнести в щепки доски, по которым сейчас прогуливался. Он нас давно уже почуял, но понимал, что если разломает доски и спустится к нам, то выбраться из башни уже не сможет. Размах крыльев у него слишком большой, и он просто не сможет их развернуть внутри строения.

Я знал, как глотатель поступит, сталкивался уже с ним. Он будет разрушать доски до тех пор, пока под ним не останется несколько штук, а потом спокойно опустит вниз башку и своим мощным клювом выцепит нас, как червяков. Сейчас главное — не промахнуться. Я перехватил поудобнее меч и застыл, ожидая когда... Огромные чёрные когти ухватились за край досок!.. Они были настолько большими, что загибались вниз, на нашу сторону. Два быстрых взмаха мечом, и наверху раздался дикий ор и ошалелое хлопанье могучих крыльев, от движения которых поднялась туча пыли, скопившаяся за долгие годы в башне.

Я, можно сказать, убил глотателя, нанеся ему, казалось бы, незначительные повреждения в виде отрубленных когтей. Не сможет он теперь сесть, ведь когти служили для этого опорой. Да и с лёта он теперь свою добычу не сможет схватить, разве что культияпками ей по голове наступит. От голода он теперь околочурится.

Серый был доволен, у него с этими летающими бандитами свои счёты. Однажды один из них его чуть не сожрал. Благо он парень спортивный, ноги накачанные. Он упал на спину и так приложил ногами эту тварь снизу по клюву, что у того, наверное, не один день потом голова болела! А пока ошалев-

ший от удара монстр приходил в себя, Серый был уже далеко. Бегают он будь здоров! Даже я не могу с ним в этом тягаться.

До цели нашего похода остался один переход, самое сложное в нём будет – перебраться через скалы. Сами по себе они невысокие, всюду проложены тропы, иди не хоч. Приятель мой вон может даже бегом по этим тропинкам бегать. Но я на правах старшего ему это категорически запрещаю. Слишком уж много на скальных тропинках поворотов, за которыми тебя может поджидать всё что угодно.

На этот раз я шёл первым. Серый не возражал, он понимал, что я эти скалы знаю лучше. В конце концов, я физически сильнее его и, если что, смогу в первый момент дать отпор, пока он придёт на помощь. Неладное я почувствовал, когда мы уже преодолели полпути. Вернее будет сказать, не почувствовал, а увидел, как с верхушки большого валуна скатились несколько камней. А это было неправильно, не должно там быть никаких камней. Забирался я на этот валун. Чисто там всё. Ничего там нет. А это значит, что нам готовят встречу шушур. Невысокие рукастые твари, которые на своих коротеньких ножках медленно передвигаются, зато мощно и с удивительной меткостью кидают своими длинными руками камни, заранее подготовленные в засаде.

Нам повезло, что какой-то из шушур облажался и выдал себя, случайно столкнув свои снаряды. Если бы я беспечно вышел из-за поворота, то обязательно получил бы камнем между глаз.

– Ладно, – пробормотал я, – хочешь не хочешь, а посмотреть, где они расположились, надо. И я, осторожно выглянув из-за скалы, сразу же спрятал голову обратно. Осмотреться как следует не успел: в то место, где буквально секунду назад была моя голова, с силой ударился и разлетелся на куски

довольно большой камень. Но основное я успел увидеть. Шушуры всей своей стаей сгрудились у левого края валуна. И если их не угробить, то нам придётся возвращаться назад, так как они будут сидеть в засаде до тех пор, пока не добудут себе пропитания, прибив кого-нибудь камнями.

Надо поторопиться, пока все они находятся в одной куче. И на них вполне может хватить одной гранаты, которая, кстати, одна у меня и осталась.

— Серый, отвлекай шушур, а я полезу наверх и оттуда постараюсь забросить к ним гранату.

Серый кивнул и, подобрав небольшой камешек, бросил его в сторону валуна, на вершине которого маячили длиннорукие.

Пока шушуры с азартом обстреливали приятеля, я торопливо лез на скалу, за которой мы скрывались, и радовался тому, что она выше камня, на котором притаились эти пакостники. Добравшись до верха, осторожно посмотрел вниз. Да, место действительно было удачное. Шушуры были подо мной как на ладони. Играть в супермена я не стал. Ещё раз осмотрелся, рассчитал траекторию, а потом, слегка приподнявшись, по плавной дуге отправил им пламенный привет.

Дальше бежали почти что бегом, и на этот раз я приятеля не останавливал. Взрыв гранаты разбудил скальника, и нам пришлось спасаться бегством, так как его не возьмёшь тем оружием, которое имелось у меня в наличии.

Вроде бы оторвались, и я скомандовал перейти на шаг. Всё! Почти прошли скалы, осталось только спуститься с небольшой площадки, где мы сейчас стояли, в долину... Прямо перед нами, из расселины, пыхтя как паровоз, выбрался ещё один скальник и уставился на нас маленькими белёсыми глазками. Второй был у нас за спиной, он шёл за нами, и, если

мы быстро что-нибудь не придумаем, будет совсем плохо. Я медленно вытащил из набедренной кобуры обрез и навёл его на чудовище. Это создание более-менее разумное. Может, испугается? А с другой стороны, откуда он может знать, что я держу в руках! И я выстрелил. Скальник, получив в грудь заряд картечи, сделал невольный шаг назад.

То, что произошло потом, вогнало меня в некоторый ступор. Серый, сделав пару шагов назад для разгона, рванулся вперёд и изо всех сил ударил чудовище ногами в грудь. Тот сделал назад ещё один шаг и, ступив на самый край площадки, потерял равновесие, покачнулся. Я понял, что хотел сделать Серый, поэтому перезарядил обрез и опять выстрелил. Монстр стоял, покачиваясь, на краю обрыва, словно раздумывая, в какую сторону ему податься. Вперёд — к нам, или назад — в бездну. Выбор за него сделал Серый, он опять подпрыгнул и ударил его ногами!.. Я не стал рассматривать упавшего в пропасть монстра, и так ясно — живым он остаться не мог. И его мохнатую тушу, несмотря на крепость шкуры, в конце концов, кто-нибудь да сожрёт.

— Ну что, братан, — обратился я к Серому, — последний рывок остался. Как обычно действуем?

Приятель глянул на меня своими круглыми карими глазами и кивнул. Ну а что тут неясного, это который уж раз. Всё отработано.

— Тогда вперёд! — рявкнул я и сорвался с места.

Сначала мы бежали рядом, плечом к плечу, бежали как можно быстрее, чтобы проскочить по возможности больший отрезок пути. Пока нас не заметили и не начали на нас охотиться местные, низинные твари.

Мы бежали к огромному замку, возвышавшемуся перед нами. Этот замок и был целью нашего похода. Эх, про-

скочить бы незамеченными! Нет! Не судьба! Откуда-то сверху раздался тонкий и противный звук.

— Серый! Свистуны проснулись! — проорал я. — Давай, как обычно, вперёд, пускай они на тебя летят! Серый услышал и, резко ускорившись, оторвался от меня метров на десять. Свистуны — неповоротливые и медлительные летуны. Они нападают небольшими стаями. И в них, как правило, легко попасть. Но обрез здесь уже не поможет. Надо что-то более многозарядное. Поэтому я вытащил верный и сто раз испытанный ПМ. Первый пошёл. К Серому устремился самый быстрый из стаи, и я сшиб его с первого же выстрела. Свистун свалился прямо под ноги Серому, и тому пришлось, не сбавляя хода, перескочить через его кожистое тело. А вот и второй! Выстрел... мимо. Ещё разок... готов!

— Вперёд, вперёд! — заорал я, увидев, что приятель начал оборачиваться. — Беги, не смотри назад! Немного осталось!

А потом мне уже пришлось стрелять, почти что не целясь, так как свистуны наконец-то нас нагнали и навалились на Серого всей кучей. Промахнуться было практически невозможно. ПМ не подвёл! Он никогда меня не подводил. Для того чтобы уничтожить крутившихся над Серым свистунов, мне пришлось расстрелять два магазина. Но я справился!

Не снижая скорости, несёмся дальше. А это ещё что такое?! Справа нам наперерез накатывается здоровенный рыжий шар. А-а-а-а! Ясно! Зубоскал! Вот только он почему-то другого цвета. И вообще, непонятно, как он здесь оказался?! Этот мохнатый зубастик обитает там, ближе к скалам. Зубоскал накатывался быстро. Станным в нём было то, что сам он катился, а его большой зубастый рот и единственный глаз находились на одном месте! Они не катились и не крутились вместе с телом. Этого надо картечью!.. Ха! Ха!.. Всё! Этот уродец уже

не опасен, его ударом свинца отбросило в сторону, и он теперь покатился по широкой дуге, до нас он ещё раз добраться уже не успеет! Последний рывок!..

Вот и замок! Или, точнее будет сказать, дом! Он навалился на меня всей своей успокаивающей мощью, и я перешёл на шаг!.. Ну вот мы наконец-то и дома! Я, уже не торопясь, зашёл на открытую веранду, вставил ключ в замочную скважину и повернул, с удовольствием услышав, как где-то внутри смачно щёлкнул механизм замка.

Первым в дом, как обычно, заскочил Серый и сразу же скрылся на кухне. Я усмехнулся: «Кто бы сомневался! На кухне хранится его любимая морковка, и он, как никто, это знает!». Зашёл следом за приятелем, закрыл дверь и, глубоко вдохнув родную атмосферу дома, пошёл к себе в комнату. Прямо от дверей бросил рюкзак на стул, стоящий возле стола, стянул разгрузку и, положив её на рюкзак, направился в ванную комнату. А то пока воевал с нечистью, вывозился весь как поросёнок.

Из ванны вернулся на кухню и засмеялся, увидев, как Серый стоит посреди кухни и обиженно водит ушами.

— Что, брат? Обломилось тебе? Нет еды на привычном месте!

Я подошёл к холодильнику и вытащил из него морковку. Затем подхватил Серого на руки и, посадив его на широкий подоконник, подсунул морковку ему под мордочку. Потом вытащил из холодильника бутылку молока, сцапал самый большой кусок яблочного пирога и забрался к Серому на подоконник.

Так мы с ним и сидели. Ели, смотрели на беснующихся за окном монстров и думали каждый о своём. Я, конечно, не знаю, о чём думал мой кролик, но я думал о том, что говорила мне моя мама.

Года три назад я пожаловался ей на то, что на улице очень страшно и меня все хотят обидеть! Она засмеялась и сказала, что она это знает и что с каждым днём опасностей, которые поджидают меня на улице, будет всё меньше и меньше. И в один прекрасный день они исчезнут совсем! Ко мне обязательно придёт то время, когда я с радостью и грустью буду вспоминать эту опасную, но счастливую пору. И мне очень захочется сюда вернуться, чтобы хотя бы разочек испытать то, о чём я уже почти совсем забуду!

Наверное, всё так и будет, как говорит мама. Я верю ей! А пока это время не пришло, я жду, когда папа раздобудет для меня гранатомёт, и тогда мне уже будут не страшны скальники.

Я шмыгнул носом и опять откусил большой кусок маминого пирога. Пока я был занят собственными мыслями, Серый своей мордочкой столкнул морковку на пол. Я потербил ему ухо и полез за закатившейся под стол морковкой.

Всю свою сознательную жизнь, с того самого момента, как я осознал себя личностью, я воспринимал свой дом как крепость. Как огромную неприступную крепость, которую не сможет преодолеть ни одно зло, какое бы сильное оно ни было! Родной дом всегда победит. Дом для меня является не только самой совершенной и мощной защитой, но и основой моей жизни! И так будет до тех пор, пока меня в этом доме ждут. Ждут все! И мама, и папа, и сам дом ждёт! Я чувствую, как он облегчённо вздыхает, когда я к нему возвращаюсь. И как он напряжённо поскрипывает половицами, когда я ухожу.

Когда я вместе с морковкой опять забрался к Серому на подоконник и посмотрел в окно, то увидел, как среди окруживших дом тварей началась какая-то суета. Они начали метаться перед домом взад и вперёд, словно забыли, зачем вообще

сюда собрались! А потом они все разом, как по команде, в ужасе рванули от дома в разные стороны.

Быстрее всех, завывая от страха, улепётывал неубиваемый скальник, за ним, заполошно молотя крыльями, как перепуганная ворона, летел глотатель. Последним, отчаянно помогая себе корявыми ручками и закрыв от страха глаз, укатился зубоскал, по пути намотав на себя колючего верёвочника.

Я довольно улыбнулся. Я уже знал, что произошло, и вышел на веранду. Я знаю, кто внушает такой ужас тварям. Я знаю, от кого все они разбегаются как чёрт от ладана! Моя мама!.. Мама для них для всех – непреодолимая и страшная сила! Сила, сметающая всё на своём пути! Мне часто говорят, что я уже большой и должен вести себя соответственно. Не бегать, где не надо! Не прыгать!.. Не орать, когда хочется поорать!.. Но только не сейчас! И я, раскинув руки, радостно заорав, побежал маме навстречу!..

Владимир Хабаров

«ПТИЦА СЧАСТЬЯ»

*...Сегодня снова улетаешь в небеса,
Я обещаю, что грустить теперь не буду.
Я на прощанье загляну в твои глаза,
И буду ждать весны и снова верить в чудо.*

Наталья Ермилова «Птица счастья»

Пентаграмму нарисовала, свечку посередке поставила, и сама рядышком уселась. Всё сделала, как в книжке сказано. Осталось заклинание прочитать.

Книгу эту у бабули увела. На время. Бабуля у меня почти слепая стала, сто и один год нынче исполнится. А книга — реликвия семейная, из поколения в поколение передаётся. Родители, пока живы были, каждый вечер доставали её из книжного шкафа и читали вслух, чтобы я быстрее засыпала. Сказки там были очень интересные, но меня всё равно в сон клонило так быстро, что ни одну из них даже до конца ни разу не дослушала. Засыпать-то засыпала, но, хотя и маленькой была, а видела и понимала, что книга не простая — перевёртыш. Возьмёшь в руки, перевернёшь и откроешь как бы с конца, а там заклинания всякие, ритуалы колдовские, картинки старинные.

Это мне бабуля показала и объяснила, когда я подросла и в школу начала ходить. Посторонний не видит, только те, кто из нашего рода, начало которого происходит от колдуньи, жившей в давние времена в лесах Полесья.

Много воды утекло с тех пор...

Сижу и жду. Вроде и начинать надо, но боюсь: вдруг что-то не так пойдёт, придётся бабулю звать, а она к соседке ушла – квартира, напротив, по лестничной площадке.

Жар-птицу хочу! Читала, что та зрение возвращает слепым, вот и готовлю подарок бабуле на день рождения.

Закрыла глаза и стала медленно считать до десяти. Пока считала, расслабилась, чтобы легче было установить контакт с астралом. Нахлынувшее тепло волной прошло по всему телу, растворяя последние частички страха и неуверенности. Время замедлилось, тягучими каплями роняя мгновенья в вечность. Окно в иной мир открылось легко, как-то даже обыденно. Слова заклинания, которое я произнесла вслух, затейливой цепочкой потянулись туда, в сероватый туман...

Тихо. Ничего не изменилось. Никто не пришёл. Только туман сгустился, стал плотнее и темнее.

Наверное, я где-то не так что-то сделала. Вышла из транса, как бабуля учила: мягко, постепенно. Молча сижу. Плакать хочется. Свеча потухла и... вроде пол подо мною горячий. Щиплет, жжёт – ноги, попу. Высунула руку за пентаграмму – теперь можно – нет, пол холодный. Ламинат, он завсегда такой, словно его льдом на заводе нашпиговали.

Неужто сработало? Вылетаю из пентаграммы, вся на нервах, и... чувствую, что кто-то есть в комнате. «Кто? – кричу во весь голос. – Скажи хоть слово!» Тишина. Чего это я? Вот дура, она же только петь умеет. Пока соображала, ощущение присутствия чужого пропало. Мда, вот и поговорили... А тут и бабуля вернулась, слышу, стучит чем-то на кухне. Быстренько прибралась, следы замела и – к компу. Типа, материал для реферата ищу.

Утром проснулась рано. На смартфоне – шесть часов ровно. В комнате светло, словно солнце уже в зените. Лежу и думаю:

свет накануне вечером точно выключила, склерозом пока не страдаю. Тогда что? Встала, смотрю на стол компьютерный, который возле окна, а на нём, прямо на клавише, перо лежит и светится как двухсотваттная лампочка. Расцветкой перо похоже на павлинье. Только жёлто-красного много.

Вот это да! Никак подарок от Жар-птицы! Подбегаю, хватаю – тёплое ещё. Провожу пальцами по клавише, вроде целая, ничего не поплавилось. Интересно, однако. Несу перо осторожно – ещё одна будущая реликвия – и прячу под подушку. Тайник, конечно, не ахти, но тут просто рефлекс сработал.

Прислушиваюсь: в коридоре ширк-ширк... Ха, а бабуля чего так рано встала? Открываю дверь, а там... запахи из кухни – чуть язык не проглотила. Вкусняшка! Мои любимые блинчики и аромат кофе. Несусь быстрее курьерского поезда – моё, моё...

На кухню влетаю, словно ночная бабочка на огонёк. Бабуля возле плиты возится, на столе аппетитная горка блинчиков ласкает взор, запах кофе будоражит моё естество, как допинг – спортсмена. Хм... а кто же тогда в коридоре ходил? Чужой? Хотя нет, уже не чужой, а свой, вернее, своя. Чувствую, жаром пышет, и ниточка между нами протянулась. Невидимая. Прочная. Бабуля голову чуть наклонила, смотрит поверх очков, улыбается и так ласково-ласково спрашивает: «Ну как, понравилось перо?» У меня блинчик изо рта чуть не выпрыгнул, хорошо зубы успела сжать. «А ты откуда знаешь?» – отвечаю вопросом на вопрос, прожевав блинчик. «Как откуда? Да вижу я твою Жар-птицу. Вон, за спиной стоит». Аккуратно положив очередной блинчик на блюдце, поворачиваюсь...

Вижу коридорчик, часть прихожки, а... Жар-птицу не вижу. В упор. Но ощущаю, что она здесь. Здесь! Разворачиваюсь и жалобно смотрю на бабулю. Та качает головой: «Рано тебе ещё...

Молода слишком, подрасти сначала. Да и не хочет она всем показываться».

Ну и ладно! Демонстративно допиваю кофе, встаю. Не люблю уходить с поля боя просто так, хотя бы на ничью надо свети. «Я уже взрослая, мне пятнадцать лет... на следующий год будет», — и удаляюсь в свою комнату с гордо поднятой головой. Пора в альма-матер...

Закрывая за мной дверь, бабуля напутствует: «Смотри, школу там не спали...» Ха, а при чём тут я? Не у меня же перья пожароопасные растут. Не, сначала доучиться надо, а там посмотрим. Слышу, по лестнице кто-то топает. Слонопотам! Это Васька Щуров с третьего этажа, к гадалке не ходи! Одноклассник. Маленький, круглый, ниже меня ростом, а амбиций... выше ушей. Увидел меня, кричит: «Светик-самосветик, подожди, вопрос имею!» Это он из-за моих волос так обзывается — они у меня и не рыжие и не светлые, застряли где-то на переходном этапе. Палевые, короче говоря.

«Привет, Колобок-ака, чего надо-то?» — не остаюсь в долгу, встречая запыхавшегося Ваську. «Рефе-е-рат по хим-м-ке сделала?» — пыхтя как древний паровоз, спрашивает он. Пожимаю плечами, усмехаюсь. Знает же, что сделала, щас просить будет, чтобы его писанину посмотрела и поправила.

Химию как предмет знаю неплохо, хотя уже и не самая лучшая в классе — из-за прошлогоднего скандального провала на городской олимпиаде. Какая-то тёмная, запутанная история. Всё мероприятие почему-то было проведено по старинке — на бумаге. Зачем? Сначала даже интересно было, но, когда мой лист с вопросами и ответами где-то «потерялся», а в жюри только руками развели, мне стало как-то не по себе. В итоге я оказалась за «бортом». Разгорелся скандал, но дело замаяли, спустили на «тормозах». В лидеры вышла другая шко-

ла. Не знаю, что там наплели нашей химичке, но та с тех пор почему-то меня невзлюбила. Придирки, занижение оценок, игнорирование – обычный набор инструментов в её арсенале, который она стала применять на моей персоне, как на подопытном кролике.

Одной рукой достаю планшетник из рюкзака, другую – не глядя протягиваю Ваське. Он без слов вкладывает в ладонь флэшку. Вставляю в USB-порт и открываю. Всё это мы делаем, не прерывая поступательного движения. Васька забегает вперёд и галантно открывает дверь подъезда, пропуская меня первой. Ну, надо же! На что только не пойдёшь ради достижения своей цели!

Осень встречает ясным солнышком – пока ещё тёплым, – чистой небесной лазурью и птичьим гомоном. Деревья в скверах, словно манекенщицы на подиуме, демонстрируют свои красочные наряды: жёлтые, красные, зелёные, рыжие...

Подходим к школе. Квартал «проскакали» и не заметили. Вот что значит, когда мозги работают, руки тоже, а ноги идут автопилотом... как говорится, счастливые люди времени не наблюдают. Отдаю флэшку Ваське, тот безмерно рад и преданно смотрит в глаза: «Я твой до последней косточки, госпожа!» И сразу переходит на деловой тон: «Надеюсь, Павлина Херсановна, правильно оценит мой труд». «Наш», – поправляю, наступая ногой на первую из пяти ступенек на пути к заветной двери. Он согласно кивает головой. Ха, завтра же забудет! Мойра, которая плетёт Васькину нить судьбы, видимо, временами дремлет. Иначе, чем можно объяснить его непутёвость и наплевательское отношение к жизни.

Легкомыслен как ветер, беспечен, как только что вылупившийся птенец! За что химичка наша его не очень-то и жалуется, приклеив ему ярлык «Мой любимый бездельник». Очень

быстро кличка стала популярна среди учителей. Васька отреагировал оперативно. Официально химичку зовут Полина Хирсановна, но за глаза, с его подачи, – Павлиной Херсановной. Кстати, она наша классная дама и любит «строить» всех подряд.

Вот так и живём – весело и увлекательно.

За всеми этими перепитериями я как-то забыла о птичке. Она напомнила о себе на четвёртом уроке – физре. Степан Николаевич, наш школьный физрук, работает у нас недавно, второй год. Молодой, но по нашим меркам старик, хотя ему ещё и тридцати нет. Девчонки на него заглядываются. Симпатичный. Накаченный. Старшеклассницы, так те вообще рядами вешаются ему на шею. Ходят слухи, что у него уже были романы с некоторыми из них. Кое-кто даже аборт успел сделать. Но как говорится, не пойман – не вор. Он продолжает работать и дальше.

Я далеко не спринтер и тем более не стайер – бегу как могу. У меня и в мыслях нет сделать лёгкую атлетику своей будущей профессией. Физрук наш думает иначе. Педагог он, конечно, неплохой, но нельзя же так фанатично стараться обратить в свою веру всех подряд.

Вот и сейчас: бегаем вокруг спортплощадки, круги нарезаем. Он стоит почти вплотную к беговой дорожке, смотрит, фиксирует, кто как бежит и раздаёт замечания. Поймав в свой фокус мою тушку, язвительно произносит: «Рамзина, прибавь скорость, черепаха по сравнению с тобой, просто классный бегун» – и делает вид, что хочет хлопнуть меня по заднице. Типа, ускорение придать. Мы оба понимаем, жест чисто символический. Он никогда этого не сделает, у нас нет близких отношений. Я могу запросто «телегу» накатать за сексуальные домогательства...

Хм... но почему физрук трясёт ладонью, весь побледнел, словно его змея укусила. Останавливаюсь, смотрю: «Дядя Стёпа... ой, извиняюсь, Степан Николаевич, что с вами? У вас ладонь вся красная и опухла к тому же. Может «скорую» вызвать?» «Рамзина, – отвечает он, размахивая рукой и кривясь то ли от боли, то ли от шока, – беги, куда бежала! Всё, забыли! И... брось эти фокусы».

Ну и ладно! Бегу дальше. Чувствую – жаром мне в спину веет, тепло так. И ниточка вновь протянулась. Ха, Жар-птица за мной присматривает! Я даже ускорила от счастья и к финишу пришла... пятой. Достижение! Удивлённые глаза одноклассников, а Васька тут же подначивает: «Самосветик, поделись допингом. Я тоже так хочу». Не вопрос. Отвечаю шёпотом ему на ухо, но так, чтобы слышно было другим: «У бабули вчерашний суп остался. Гороховый. Приходи, накормлю. Специально для тебя держим». Васька отшатывается, словно вампира рядом с собой увидел. Вокруг улыбки, ржачка. Повеселились.

Впереди последний урок – химия.

Голгофа.

Васька сидит за мной, как за каменной спиной. Ну, это obviously, конечно. Павлина видит его сквозь меня, словно я прозрачное стекло – каждый жест, каждый вздох его улавливает. Не женщина, а радар какой-то... На вид ей больше сорока, пожалуй, ближе к пятидесяти: старомодные очки на пол-лица, строгий тёмно-синий деловой костюм, причёска под стать, нитка красного жемчуга эффектно выделяется на фоне белой блузки. Наверняка дешёвка какая-нибудь, а не жемчуг. Бижутерия!..

Урок начинается с приёма-сдачи рефератов. Павлина зачитывает фамилию вслух, и имярек отправляется к её сто-

лу, держа в руках либо флэшку, либо карту памяти. На столе они отправляются в целлофановые пакетики с соответствующей фамилией. Никаких бумаг!

Почему она делает это не в конце урока, как остальные учителя, для меня загадка. Предмет свой знает великолепно, словно родилась с учебником химии в руках, и рассказывает так, что заслушаешься. Но... жёсткая, придирчивая, принципиальная, железной хваткой держит весь класс. Есть, конечно, у неё любимчики, как и у всех учителей. Я, похоже, из этой шеренги выпала. Надолго.

«Рамзина, – дошла очередь и до меня, – жду твой реферат!» Её голос в пугающей тишине класса вызывает в моей голове ассоциации с пожарным колоколом. «Удачи!» – шепчет сзади Васька. «Да, и прихвати с собой Щурова!» – Павлина позволяет себе чуть-чуть ехидно улыбнуться. Я встаю. Делаю шаг и замираю...

Позади Павлины, расцветая всеми красками радуги, появляется сначала хвост, а затем голова Жар-птицы. Она открывает клюв и начинает... петь. За моей спиной недоумённо топчется Васька, он не может понять, почему я остановилась. Кроме меня птицу никто не видит и не слышит.

... Сыплется на столешницу жемчуг с оборвавшейся внезапно нитки. Мелкий перестук падающих тёмно-красных капель естественно и как-то даже гармонично вплетается в песню. Я вижу по лицу Павлины, что она тоже слышит пение, только не поймёт откуда. Одной рукой она медленно снимает очки, а другой – также медленно – водит по столу, пытаюсь собрать жемчужины в кучу. У неё красивые зелёные глаза. Зачем прячет их за этими страшными очками? От кого? Павлина пытается что-то сказать, но губы не слушаются. Две слезинки катятся по щекам, словно две звёздочки в ночном небе.

На какой-то миг взгляды наши встречаются, словно две заблудшие души, и я вижу в её глазах отражение женщины — одинокой, беззащитной, так и не устроившей своей судьбы...

«Рамзина... прекрати, прошу...» — и я вдруг понимаю, что именно это она пытается сказать.

Но я не знаю как!

Павлина вскакивает и, забыв про очки, выбегает из класса. Жар-птица исчезает, прихватив с собой песню. Волшебство словно нехотя растворяется в воздухе, оставляя после себя запах разноцветной детской мечты. И снова тишина. Никто ничего не понял — всё произошло неожиданно быстро, отрезок времени, выданный высшими силами на этот эпизод, оказался слишком мал. И оттого все притихли, затаились, не зная, чего ждать в следующий момент.

Она вернулась перед самым звонком. Молча прошла по рядам, собирая оставшиеся SD-шки и флэшки. Когда я протянула свою, обожгла взглядом своих зелёных глаз, словно пыталась отгородиться стеной. Но флэшку забрала, стараясь не касаться пальцами моей руки. Села за свой стол и стала что-то искать в ноутбуке, водя мышкой туда-сюда. И тоже молча. Как только прозвенел звонок, собрала свои вещи и ушла не попрощавшись.

С того памятного дня, когда птица исполнила свою незапланированную арию, прошла неделя. С химичкой помирились, хотя она до сих пор вроде как побаивается меня: старается пореже поднимать с места и отвечать на вопросы. Носит модные очки, с оранжевым светофильтром. Да и в одежде стиль поменяла — стала более женственной и привлекательной. Васька тоже изменил своё отношение — не ко мне, к Павлине. Зауважал её вроде. Женщину в ней разглядел? Перестал бросаться ехидными высказываниями налево-направо, а если

кто по старой привычке и продолжал называть Павлину им же придуманной кличкой, лез чуть ли не с кулаками. Даже химию начал прилежно изучать, чем поразил меня несказанно. Не знаю отчего, может, после этого случая или от чего-то другого, но меняться он стал в лучшую сторону.

Каждое утро я теперь просыпалась с ощущением присутствия Жар-птицы. Словно ангел-хранитель она неотступно следовала за мной, куда бы я ни пошла, грея душу приятным пониманием защиты и маленького тайного счастья, недоступного другим. Жизнь казалась светлой и радостной...

... Расхожая истина, что хорошее когда-нибудь кончается, пришла неожиданно, хотя в глубине души я всё время ждала этого, заталкивая мысль как можно глубже и дальше, надеясь продлить нынешнее состояние подольше. Но всё равно, ЭТО застало меня врасплох.

Пятница. Завтра день рождения бабули. За окном – хмурое, серое утро. Тучи свинцовым покрывалом закрыли небо до самого горизонта. Деревья укутались пеленой печали, сиротливо поникнув ветками-руками. На душе апатия, тоска и необъяснимая тревога, будто потеряла близкого человека. Я не чувствую Жар-птицу. Что-то случилось! Что? Села на кровати, обхватила коленки руками и... заплакала.

Тихо отворилась дверь и вошла бабуля, села рядом. Обняла. «Поплачь, милая, поплачь, на душе легче станет, – сказала и нежно погладила меня по голове. – Вызывая Жар-птицу, ты должна была знать, что осенью она умирает!»

Я не знала! Поторопилась, как всегда, и не прочитала в книге мелкий шрифт в конце раздела!

Слёзы ещё сильнее полились из глаз, основательно намочив пижаму на груди. «Но каждую весну, когда появляются первые зелёные листочки на деревьях, когда прилетают

с юга первые птицы, она возрождается заново... как птица Феникс, — и, наклонившись к моему уху, бабуля шёпотом закончила. — Можно вызвать её снова... если захочешь». Слезы мои высохли, как утренняя роса под лучами солнца. Где-то там, в глубине души, затеплился робкий огонёк надежды.

Во входную дверь постучали. Это, наверное, Васька. Обещал зайти, лыцарь мой...

Я рванулась в прихожку, забыв, что всё ещё в пижаме. Ай, да ладно — жизнь потихоньку налаживается. Открываю. Васька, увидев моё зарёванное лицо и мокрый след на пижаме, понимающе выставил руки перед собой: «Сиди дома, скажу, что приболела. Типа, ногу подвернула», повернулся и вышел.

В прихожке появляется бабуля: «А знаешь, врач мне новые очки выписал. Говорит, мол, зрение моё улучшилось, благодаря лекарствам, которые он назначил, — хитро улыбается, — но мы-то с тобой знаем, что это не так!»

А то! Бабуля их вообще не принимает. И не покупает...

Владимир Хабаров

«ЛОЖНЫЙ ПОСЫЛ»

Слякотная беспросветная погода за окном гнетёт и убивает все чувства. Ощущение, что сейчас раннее утро, а не поздний вечер, Ефим улавливает с трудом. От этого как-то беспокойно на душе, словно заторможенность и апатия – её следующая стадия. Солнца не видно, спрятанное за хмурыми, серыми тучами оно не светит как должно, а значит, нет того яркого праздничного многоцветья повседневности. Да и тепла нет.

И настроения тоже.

Запах свежесваренного кофе немного разгоняет сумерки. Не снаружи – внутри. Кот, чувствуя состояние хозяина, уютно примостился на коленях и тихонько мурлычет бесконечную кошачью сагу. Сеанс музыкальной релаксации в тандеме с кофе возвращает Ефиму чувство умиротворённости и спокойствия. Жизнь уже не кажется такой мрачной и невесёлой.

Васька меньше всего похож на тёзку из басни Крылова. Хитрый как все коты, умный не в меру, точно природа нечаянно добавила ген человечности, а дымчатый окрас и белая полоска от ушей до кончика носа невольно заставляющая погладить, приласкать, даёт ему фору по сравнению с другими. Васька этим пользуется без зазрения совести, однако, не всех привечает, далеко нет, разбирается в людях лучше всяких психиатров. Может презрительно фыркнуть, повернуться задницей и умотать на улицу, а может залезть на колени, спеть очередную серенаду или заняться попрошайничеством.

Вику любит, улавливает её присутствие, едва та в подъезд входит – мигом в прихожку и трётся об стенку, мурлы-

чет. Довольный. Ну и Вика тоже в первую очередь не к Ефиму, а к нему бросается.

Два сапога пара.

Вика – девушка Ефима. Была. Два дня назад разругались вдрызг. Он прекрасно помнит из-за чего: ей позвонила подруга из Милана, пригласила в гости. Италия...парное море, жаркое солнце, чарующий вкус кьянти, магазины и магазинчики... Вика загорелась, что понятно и естественно. Начала уговаривать поехать с ней. «Давай слетаем на выходные, я отгулы плюс к этому возьму, – говорила она, прижимаясь к Ефиму. – И у тебя ведь отгулы есть! Давай...» Вместо того чтобы согласиться – приятное сделать девушке да и самому себе – стал ерунду нести о рыбалке с друзьями именно в эти выходные. Закончилось, как обычно в таких случаях и бывает, взаимными упрёками, ссорой. Вика ушла вся в слезах, дверь открытой оставила, перчатки забыла, а у Ефима осадок горький и тяжёлый, будто друга близкого потерял. Ну не мог он сказать истинную причину, не мог... хотя и собирался. Духу не хватило. А с другой стороны – зачем? Многие знания, многие печали. Ему бы самому разобраться, понять, стоит ли с ЭТИМ связываться. Нужно ли?

Или попытаться забыть...

А рыбалка, разумеется, была. Настоящая. С ночёвкой, ухой – наваристой, ароматной, мгновенно исчезающей в желудках, словно ничего вкуснее в мире нет, неспешной беседой у костра и утренним променадом по берегу реки с удочкой в руках.

Не сказать, что Ефим с друзьями часто выезжал, но бывало. Вику звал каждый раз, уговаривал, красочно расписывая все прелести. Бесполезно. Её словно намертво «приклеили» к городу. Даже пикники старалась обходить стороной, ссылаясь

на экологию, что, понятное дело, было явной отмазкой в его понимании.

Дитя мегаполиса.

Ефим не обижался, он принимал её такой, какой она есть, тем более, несмотря на разницу в интересах, они прекрасно ладили. Вместе ходили в кино, на различные выставки, гуляли по книжным развалам, любовались закатами. Вика охотно шла на компромиссы, пытаясь понять его вкусы, пристрастия, а он, в свою очередь, видя это, тоже старался подладиться под неё, хотя не всегда получалось гладко, без сучка и задоринки. Как мужчина, как человек-доминат Ефим часто допускал ошибки, даже не осознавая этого. Вика прощала, терпеливо и мудро.

Однако, на сей раз всё пошло не так.

Видимо, паутина отношений, на вид прочная и долговечная, где-то, в каком-то месте, поистёрлась, не выдержала внутреннего напряжения и разошлась, обнажив нежные ранимые чувства.

Ефим пытался найти девушку, но звонки уходили в пустоту, на съёмной квартире подружка-соседка Вики, ставшая враз неприветливой, сухо послала его в лес грибы собирать и заодно навсегда забыть сюда дорогу. Ефим еле сдержался, чтобы не послать её ещё дальше. Ярость, отчаяние, злость на самого себя огромными пиявками вцепились в душу, выгрызая дыры, наполненные болью.

Выходя из подъезда дома, он невольно посмотрел на окна третьего этажа – никто не провожал взглядом, не махал рукой, ему отчего-то вспомнился приятель, сетующий на жену, которая частенько выносила тому мозг, «выпиливая» на нём узоры, пропитанные ядом разрушения. Ефим зябко поёжился, нет, Вика не такая, из другого «теста» сделана, воспитание

не позволит, да и не даст она опустится себе до такого состояния. Мысленно встряхнув наваждение, словно соринку с плеча, зашагал дальше.

Он не знал, что делать, бесцельно бродил по городу, втайне надеясь случайно встретить, прошёл все места, где они бывали вместе – никакого результата, Вика словно растворилась в воздухе. Не оставив даже запаха.

На третий день, вконец измотанный морально, вялый и одуревший от бессонных ночей, Ефим вдруг понял, что зреет нарыв, эмоционально стойкий и продолжительный, настоящий ядовитым отваром серого вещества. Напиться? Не выход, да и проблему это не решит, а только усугубит. Познакомиться с другой девушкой? Легко! Очень даже приличный вариант во всех отношениях, но... не его. Ефим знал, что всегда будет сравнивать новую подругу с Викторией и подсознательно искать изъяны, а найдя, испытывать разочарование и чувствовать себя несчастным.

И в это слякотно-неприветливое утро он решил отправиться на рыбалку, надеясь забыться, успокоить душу.

Позвонив на работу и договорившись об отгуле, стал быстро собираться. Отключившись от посторонних мыслей, машинально и привычно сложил в рюкзак нехитрые принадлежности для рыбалки, в боковой карман аккуратно пристроил «Волжанку», в другой – спиннинг Maximus Smuggler, засунул ветровку и свитер так, чтобы попадали под спину – давить острыми углами не будут, пачка галет и тушёнка аккуратно улеглись в кармашки. Немного подумав, Ефим решил упаковать силиконовое одеяло и коврик. На всякий случай.

Сидя в вагоне пригородной электрички, под мерный перестук колёс он незаметно задремал. События последних

дней отошли куда-то на задний план, стали не столь важными, как казалось, мосты любви, доверия словно рушились один за другим, очищая места в ячейках памяти.

Ефим проснулся, когда женский голос объявил название остановки. Словно кто-то толкнул его под локоть: «Тебе пора, дружок!» Он встал и, закинув рюкзак за плечо, направился к выходу. В тамбуре, куда он вышел, уже стояли две девушки и парень, совсем ещё молоденький, вихрастый, с красивым, но угреватым лицом. «Комплексует, наверно» — Ефим старался не смотреть в его сторону, больше разглядывал девушек. Почувствовав внимание незнакомца, одна из них залилась румянцем, перескочившим на нежную девичью шею, короткая стрижка не скрывала, скорее наоборот,ставляла на всеобщее обозрение. Другая — с крашенными в лисий цвет волосами, насмешливо стрельнула глазами и что-то зашептала на ухо подружке.

«Вот дурак, чего это я на них пялюсь, — обругал себя Ефим, — вон даже в краску вогнал» Сделав вид, что рассматривает дверь, ведущую в тамбур соседнего вагона, он нет-нет, но всё же поглядывал на девушек, невольно отмечая стройные фигурки.

Вагон, притормаживая, дёрнулся раз-другой. Ефим устоял, такие штучки ему были знакомы. Троица впереди тоже держалась уверенно, сразу видно, не впервой катаются. Створки дверей разошлись...

Гукнув басом на прощание, электричка унеслась в туманную даль решать людские судьбы, встречать и провожать тех, кто занят делом и тех, кто ехал просто так, для собственного удовольствия и развлечения. Хотя по большому счёту люди интересовали её меньше всего, спокойное тёплое депо привлекало куда сильнее, чем эти бесконечные мотания в снег и в дождь, в жару и в холод, зарабатывая ревматизм, то бишь, усталость металла.

Кроме них на маленькой вытянутой в длину платформе больше никого не оказалось. Ефим отметил это с безразличием, пропуская ребят вперёд и лишь, когда они, спустившись по ступенькам вниз, ступили на тропинку, что стрелой протянулась до лесополосы, двинулся сам.

За лесополосой начиналось поле, уже убранное и перепаханное. Резко пахло прелой соломой, землёй и ещё чем-то непонятным. Здесь тропинка заканчивалась, дальше шла обычная двухколейка, деля поле на две неравные части. Вдали тёмными буграми маячили дома деревни.

Распогодилось. Осеннее солнышко грело запоздалым теплом, словно отрывало последнее от сердца, собираясь на зимовку. Зелёная листва — пока ещё зелёная — тихонько шелестела, нащёптывая сказочные истории леса.

Ефим остановился, расстегнул штормовку и, то ли природа подействовала умиротворением, расслабляющей тишиной, то ли дремота вдогонку выслала гонца, но, вытянув руки, он сладостно потянулся. Подумал: «Стою на перепутье трёх дорог, сюда бы ещё камень как у «Витязя на распутье», направо пойдёшь, озеро найдёшь, налево пойдёшь, незнамо что найдёшь, может, приключения... Прямо, точно не пойду, там деревня» Посмотрел вправо — что-то наподобие просёлочной дороги, отделяющей поле от лесополосы, тянулось к далёкому лесу. Слева то же самое, но Ефим свернул направо — озеро было там, рядом с тёмно-зелёной стеной, закрывшей половину горизонта.

Более получаса размеренной ходьбы без всяких мыслей, ни о чём не думая, просто наслаждаясь самим процессом движения, тёплым солнышком и ласковым ветерком, он прошагал беззаботно и незаметно большую часть пути.

До озера оставалось совсем немного.

По небольшому съезду от дороги Ефим вышел к маленькому пляжу, длиной метров пятнадцать, а может и того меньше. Песок, несомненно, привозной, это заметно даже неопытному глазу, да и сам пляж — дело рукотворное. Местные наверняка постарались: Турция далеко, а тут своё... родное. Озеро не сказать, что большое, но всё же внушительней деревенского пруда.

Он снова завернул вправо и, огибая край озера, направился в сторону подлеска, до которого рукой было подать. Там его «рыбное» место — ухоженное, прикормленное, с шалашом для ночёвки. И там же, ровно в пяти шагах от кромки воды, валун — глыба камня выше человеческого роста, сплошь покрытого «ржавым» лишайником.

Это и есть то, ради чего Ефим приехал сюда. Никто никогда не обращал внимания на валун: ну стоит и стоит... мало ли в природе вывертов. К тому же камней здесь полно, хотя и намного меньше размерами. Весь берег усеян.

Место не для гольфа.

Когда впервые случилось ЭТО, Ефим спал в шалаше. Друг, с которым он прибыл накануне, завернул по дороге в деревню, к родственникам. Вот-вот должен был сработать будильник в смартфоне, но Ефим проснулся раньше, будто чья-то неведомая сила грубо вырвала его из красивого цветного сна, и с головой окунула в серую отрезвляющую действительность. Словно лунатик с отшибленной памятью, вывалившись из палатки, с широко открытыми глазами и отвисшей челюстью, он шёл к валуну.

Серебристая в предрассветном тумане дорожка, похожая на сорвавшуюся с тетивы стрелу, текла ему под ноги, что-то похожее на пар, еле заметное глазу, поднималось вверх. В чреве валуна, словно вход в зазеркалье, проступила дыра...

там ворочалась ночь, чёрная как бездна дьявола, и далёкие звёзды, призрачно усмехаясь, манили соблазном, обещая невиданное веселье, пред которым Дисней парк покажется заштатным аттракционом.

Время, махнув чёрно-белым хвостом, свернулось в кольцо и закрутилось белкой в колесе.

Хмуро-белесое небо вдруг разразилось мелкой россыпью дождя. Первые капли зло ударили по лицу, едва Ефим вступил на дорожку, голая ступня почувствовала тепло, воркующее успокоительной ноткой, словно мать, запевшая колыбельную дитяти. Дождь пулемётной дробью прошёлся по дорожке, заставляя её вздрагивать при каждом попадании.

Серебро быстро тускнело, покрываясь желтизной, пока ещё слабой, больше похожей на цвет кожуры банана. Озеро разбушевало, гоня перед собой ударную группировку волн с единственной целью – достать валун.

Наконец, дорожка не выдержала и стала съёживаться и отползать назад, к валуну. Ефим остановился, внезапно осознав, что дрожит от холода. В мокрой насквозь футболке и плотно прилипших к бёдрам трусам, он походил на пугало огородное.

Вернулось ясность мышления и ощущение окружающего мира. За плотной завесой дождя лес казался чёрным громадным зверем. Ефим разом увидел всё: и дорожку, и дыру, и звёзды, и... страх. Ощущение, что он балансировал на краю пропасти и уже готов был сделать роковой шаг, но что-то удержало, поразило ясностью, чёткостью понимания хрупкости жизни, понимания насколько она, жизнь, бесценна и неповторима.

Один неуловимый миг и обстановка изменилась – валун принял свой обычный вид, дождь стих, роняя редкие невольные слёзы, да и озеро успокоилось, надев маску повседневности и равнодушия.

С тех пор прошло немало времени, а Ефим помнил картинку ярко, отчётливо, как будто это произошло вчера. Его постоянно тянуло туда, к валуну, он сопротивлялся с упорной настойчивостью. Чаще это удавалось, особенно когда в его жизни появилась Вика. Любовь придала силы, загнав, в конце концов, надоедливый зов в самые далёкие уголки подсознания.

Как получилось, что он приехал именно сюда, Ефим и сам не знал. Возможно, хотел проверить себя. Теперь не боялся: сильнодействующее лекарство под названием «Вика» защищало надёжно и прочно. Ефим, проделав, необходимые манипуляции с забросом лески и зафиксировав удилище в песке, придавил камнями. Стал ждать. Но ждал не поклёвки, а действий валуна.

И дождался...

Всё произошло как-то обыденно просто, будто сто раз уже исполнялось. Никаких спецэффектов – только чёрная дыра и звёзды. Всё.

Ефиму стало смешно и любопытно – а что так? Рассчитывая, что за время его отсутствия ничего страшного с поклёвом не случится, направился к дыре. Спокойно, уверенно. Перед самым входом словно споткнулся – мимолётная тень страха появилась и пропала, периферийным зрением вдруг уловил неясный, смазанный силуэт, мелькнувший сбоку. Ефим удивился, повернул голову: прямо на него летел по воздуху кот Васька с растопыренными лапами, оскаленным ртом и выпученными то ли от ужаса, то ли от ярости глазами.

Что-либо подумать Ефим не успел, его, словно пылесосом, втянуло в темноту.

Чернота обступала со всех сторон, давила прессом безысходности. Звёзды нагло смеялись в лицо, довольные своей

проделкой. Красочные бутоны созвездий, будто нарисованные небрежным мастером самоучкой, застыли вечностью на холсте мироздания. Ефим хотел вздохнуть, но инстинктивно удержался – холод бесцеремонно и грубо схватил за горло железными клещами. В глазах потемнело, пальцы свело болезненной судорогой.

Он стоял в небольшой выемке, куда ни кинь взор кругом камни, камни... с трёх сторон мрачные стены, и в одну из них упиралась сейчас его спина, чувствуя смертельную изморозь. Страшной догадкой мелькнуло, что это вовсе не Земля, а открытый космос и под ногами, возможно, астероид. Подтверждение не заставило себя долго ждать: в лёгких, словно пламя вспыхнуло, стремясь вырваться наружу, к ногам точно стопудовые гири привязали. Ефим не видел, как губы начали синеть, покрываясь тонкой корочкой льда, и не знал, что вот-вот начнётся взрывная декомпрессия, а за ней – «время полезного сознания», предвестника прихода старухи с косой.

Слева, метрах в трёх, у основания стены, где особенно сильно клубился мрак, что-то зашевелилось, поползло вверх. Ефим понял – это конец и жалеть о глупой ошибке уже поздно. Лучше бы послушался Вику и загорал бы теперь у синего, тёплого моря... с котом Васькой.

«...с Васькой... с Васькой...» – мысли ворочались тяжёлыми камнями. Чего-то не хватало, никак не складывалось. Звёзды меркли, покрываясь мутной плёнкой. Ефим закрыл глаза, пришло время душевного спокойствия – чему быть, того не миновать. Сзади, к спине, прилепилось что-то твёрдое и рвануло изо всей силы...

Сознание возвращалось маленькими кусочками, делая радостные реверансы хозяину. Тяжесть на груди то пропадала, то появлялась вновь, заставляя выдыхать открытым ртом стылый

воздух, он услышал приглушённые голоса, словно говорившие находились в соседней комнате с чуть приоткрытой дверью.

—...слепой пока ещё... через минуту-другую процесс регенерации завершится.

—...Лиза, не дави так... лучше праны добавь.

—...ребята, он жить будет?.. — знакомый женский голос горячим ураганом прошёлся по струнам подсознания, вызвав страстное желание вскочить и броситься к ногам Вики просить прощения.

Пальцы откликнулись на зов нейронов, зашевелились вразброд, выписывая зигзаги по земле, живот излучал тепло от груза лёгкого, объёмного и почему-то приятного — остаточная память клеток кожи старалась восстановить статус-кво.

—...будет, будет.

Ефиму всё ещё не верилось, что он жив. Солнца луч тёплым комочком, разрастаясь вширь, прилёг на щеку, добрался до глаз.

— Открывай... теперь можно, нечего жмуриться, — голос девушки, налитый усталостью, словно после тяжёлой физической работы, звучал глухо. — Мы закончили.

И он открыл глаза. На него в упор, наклонившись, с интересом, смотрел тот самый парень с электрички, справа от него, чуть поодаль стояли те самые девушки. Лица серые, круги под запавшими глазами, мельчайшая сетка морщин, еле заметная, но чёткая, контрастная, спускалась с висков, ажуром покрывая скулы, заканчивалась на шее.

— С возвращением, — сказал парень, выпрямился. — Меня Артёмом зовут, а это, — он кивнул в сторону девушек, — Лиза и Татьяна. Скажи им спасибо, сегодня они твои «родители».

— С...па...си...бо, — протянул Ефим, стараясь приподняться. — Г...де... я?

Чьи-то заботливые ласковые руки подхватили под мышки, помогая утвердиться в полусидячем положении. Он уже знал чьи, ощутил нутром, разумом, всеми клетками.

Скотившись с живота, обиженно мяукнул кот Васька, потянулся всем телом, удовлетворённо зевнул и отошёл в сторону. Мягкие, тёплые, влажно-солоноватые губы на миг закрыли глаза Ефима.

— Ты, здесь! — слегка отстраняясь, сказала Вика, выглядела она похудевшей, измученной, паучьи следы тревоги прятались в уголках глаз. — Прости, я не знала, что так получится... — губы предательски дрогнули, — на сердце как-то беспокойно было, вот и поехала к тебе домой, а тут Васька у подъезда встречает, заорал на весь квартал, стоило только из машины выйти. Сразу за собой потянул, ладонь мне расцарапал, когда хотела домой отнести...

— Кот твой помог, — рыженькая улыбнулась, заполнив возникшую паузу. — Очень чувствительный индикатор оказался, ментальное поле так всколыхнул, что у меня аж зубы заболели, — нахмурилась внезапно: — А могли и не успеть...сторожки наши поздно сработали. В прошлый раз среагировали вовремя, не дали утащить.

— К... то? — Ефим начал пока ещё смутно кое-что понимать.

— Хищник дырчатый, — парень зло взглянул на валун. — Пользуясь твоей терминологией, можно сказать, что это рыбак охотился на тебя, крючок с насадкой в нашем мире, а сам сидит на астероиде или комете. Ну, это так, в общих чертах, со временем сам всё узнаешь.

— А вы... кто?

— Опять-таки, исходя из терминологии — рыбинспекторы, — довольный сравнением, Артём ухмыльнулся, затем уже более серьёзно добавил — Таких как я на Земле не больше

десятка, наделённых даром отражать атаки извне. Кто и зачем вложил в нас такие способности, никто не знает, да, наверное, никогда и не узнаем. Просто, в одно прекрасное утро я услышал голоса в голове. Понадобилось время, чтобы разобраться во всём. Сложив в единое целое то, что имелось у каждого из нас, мы получили некое подобие инструкции: как наблюдать, как действовать при вторжении, как использовать стихии и многое чего другое. С другой стороны, мы такие же люди, как и все, и с нами всякое может случиться. Поэтому помощники вроде тебя всегда нужны.

– Я понял, – Ефим чувствовал себя уже достаточно хорошо. – Только какой из меня помощник... так глупо вляпаться.

Откликнулась девушка с короткой стрижкой:

– Добро пожаловать в команду. Не переживай, я такая же была, Тане тоже досталось... Общаться будем через ментальную Сеть, это не интернет, совсем другое. Первичные знания я тебе дам, а дальше у Артёма спрашивай.

Ефим, придерживаемый Викой, поднялся на ноги.

– Аа... ээ – он взглянул на кота, на Вику.

Артём тоже посмотрел на них, пожал плечами:

– Думаю, работу найдём. Особенно коту...

Вика молча улыбалась, прижимаясь к Ефиму. Эмоции переполняли её с головой, мыслями она унеслась так далеко, что оставалась абсолютно глуха к происходящему, слышала звуки разговора, слова, но смысла не понимала.

Она была счастлива.

Дорофеев Михаил (Dorofeev)

«ДЯДЮШКА БЕННИ И ПРИЗРАК В КРЕСЛЕ-КАЧАЛКЕ»

В любой местности есть свой дядюшка Бенни. Конечно, зовут его не всегда так, а, скорее всего, иначе. Например, Бартоломью, Том или Элайджа. Да-да, дядюшка Элайджа, прогуливающийся в Вест Шире в неизменном абрикосовом цилиндре и салатовой клетчатой тройке, мог бы с лёгкостью занять место Бенни. Но у нас уже был свой.

Что же общего усматривалось в этих дядюшках? О, ответ на этот вопрос стал бы столь развёрнутым, что история излишне затянулась и зазевал бы даже самый свежий мул, приди ему мысль стать слушателем. Главное же, что их, дядюшек, объединяло, это, так называемое, чудачество. Хотя иной добрый горожанин выразился, скорее всего, иначе, более категорично. Но не будем повторять всякие глупости, ведь мы-то знаем — за любой поверхностной эксцентричностью таятся вполне серьёзные причины.

Итак, дядюшка Бенни вёл себя, как большой оригинал. Весь Стокпулл знал о неординарном поведении Бена Ранинга. Нет, у него не было абрикосового цилиндра, как у дядюшки Элайджи. Носил наш герой неизменное канотье песочного цвета. Вполне приличный головной убор, хоть и немного потрёпанный. Вообще, одевался он достаточно пристойно и неброско. Встреть вы его на улице, у витрины ли со сладостями или в овощной лавке, выбирающим свежий латук, возможно, ваш взгляд скользнул мимо, скажем, в сторону цветной капусты. Возможно...

Но не будем притворяться. Дядюшку Бенни вы выделили бы в любой толпе. Всё дело в кролике. Обыкновенном белом кролике, каких вы найдёте тысячами на фермах вокруг Стокпулла и даже в городских домах питомцами маленьких златокудрых девочек. Только вот Бен Раннинг ни на секунду не расставался со своим питомцем. По крайней мере, никто и никогда не видел дядюшку Бенни в одиночестве. Наоборот, красноглазый, пушистый его попутчик, казалось, совсем и не слезал с рук.

Сам зверёк был замечательным. Во-первых, он не был голым. «Да-да», – скажете вы с недоумением, – «звери не бывают голыми». И будете, разумеется, правы. Но ведь также они и не бывают одетыми, возразят иные. А кролик дядюшки был именно что одет. Суконный жилет серебристого отлива, простреленный тремя оловянными пуговками, ладно сидел на тушке зверька. Довершала образ миниатюрная версия стетсоновской шляпы.

Добавьте сюда вечно торчащую между зубов травинку, которую спутник дядюшки перекачивал между уголков рта, под непрерывно дёргающимся треугольным носом-кнопкой и... И можно будет понять, какой эффект производил кролик на непривычного зрителя. Впрочем, даже не все старинные знакомцы этой парочки, могли пройти мимо, не оглянувшись вслед.

Восседавший на предплечье своего добродушного компаньона питомец, хмуро сверкал на мир глазами из-под надвинутой шляпы, сквозь которую торчали длинные белые с розовым уши. Джеку, а кролик откликнулся именно на это имя, не хватало лишь шерифской звезды и ремня с торчащим из кобуры кольцом. Естественно, ни того ни другого у зверька не имелось. Где это видано, чтобы в Стокпуле кроликов назначали законниками и выдавали оружие?

Тем не менее складывалось впечатление, что в невиданном тандеме именно Джек играет роль солидного господина, а дядюшка Бенни — слегка рассеянного подручного. Может, так и было, кто знает...

Само по себе уже вышеперечисленное говорило о неординарности как Бена Раннинга, так и всей ситуации в целом. Только дело на том не заканчивалось. Вся соль заключалась, если кому-то вообще захотелось бы заключать куда-то соль, кроме как в солонку, в «профессии» дядюшки. Хотя он сам бы не согласился с таким определением.

— Моё призвание, — говаривал Бен каждому собеседнику, даже если тот стал невольным участником разговора и желал только оказаться подальше от такой компании, — искать пропавшее, находить потерянных и догонять ушедших.

У осмысленного слушателя такое заявление вызывало резонный вопрос:

— Так вы...

На этом «так вы» мысль с этой стороны, как правило, обрывалась. Но не всегда.

— Так давно вы стали медиумом? — голос Мадлен Теклберри подрагивал. Сама старушка подслеповато выглядывала из аквариума толстенных стёкол, что покоились в роговой оправе на её крючковатом носу.

— Извините миссис, но я не являюсь медиумом, — устало начал дядюшка Бенни в который раз старую песню, — Видите ли, моё призвание...

— Да, да, — оборвала его речь собеседница, — Именно ваше-то призвание мне и нужно. И прошу вас, зовите меня мисс.

Элджернону это может не понравиться, но если честно, сам виноват. Не надо было... Умирать.

– Я так полагаю, Элджернон – это ваш муж?

– Бывший муж, – размешивая ложкой сахар в фарфоровой чашечке, ответила мисс Теклберри. – Скончался на той неделе. Господи, упокой его душу. Инфаркт.

– Сердце значит, – задумчиво проговорил Бен и поднёс свою чашку к губам. Однако в последний момент, уже открыв рот, принялся. Пахло варёными опилками. Или, если угодно, так пахли бы варёные опилки вздумай их кто сварить и понюхать. Ради интереса Бен поднёс напиток к кролику, но тот никак не отреагировал. Лишь неизменная травинка ходуном ходила вправо-влево.

Дядюшка отставил чашку в сторону.

– Хорошо. Точнее, ничего хорошего, – поспешил он исправиться. – Но что конкретно вас беспокоит?

– Покойник меня и беспокоит, – продребезжала старая женщина и стало как-то особенно тихо. Как в могиле.

– Та-а-ак, – протянул Бен, а Джек зашевелил ушами. – И чем же, мисс, он вас тревожит?

Мадлен Теклберри вздохнула.

– Уходить не хочет. Душа его, в смысле, – добавила она и продолжила. – Сидит вон в том кресле и курит.

– Курит? – переспросил дядюшка.

– Воняет, да. Табаком своим проклятым. Я и при жизни Элджернона терпеть эту вонь не могла, а теперь она меня с того света достаёт.

Бен поглядел в ту сторону, куда указывала собеседница. Деревянное кресло-качалка ожившим совершенно не выглядело. Оно было похоже на предмет того толка, какой заклю-

чается лишь в том, что место подобным вещам на ближайшей свалке. Поэтому дядюшка и задал резонный вопрос:

– А избавиться вы от него не пробовали?

Старушка закатила глаза. Увеличенное толстенными линзами зрелище получилось впечатляющим.

– Конечно же, пыталась. И не раз. Ох, что этот стервец при этом вытворяет! Я про Эджернона, конечно же, не про кресло. Воеет, стонет, а однажды перебил старинный сервиз. Целиком.

Мисс Теклберри махнула рукой в сторону дубового серванта. Одна из полок действительно пустовала. Дядюшка Бенни хмыкнул. Кролик промолчал.

– Поправьте меня, верно ли я понял: вы полагаете, что дух вашего покойного мужа привязан к любимому предмету обстановки?

– Полагаю, – уверенно качнула подбородком старушка.

– И не желает уходить с насиженного места? – задал следующий вопрос Бен.

– Не желает, – подтвердила собеседница.

– Разрешите полюбопытствовать, мисс, – Бен немного замялся, – А не рассматривали ли вы возможность перебраться в другое жилище?

Мадлен Теклберри отставила чашку и печально призналась:

– Только об этом и думаю.

Затем она всплеснула руками и в глазах промелькнуло нечто, что можно было определить как злость.

– Десять лет мы с Эджерноном прожили здесь! Десять долгих лет. Бросать всё из-за... Из-за чего? Только потому, что муж начал курить дешёвые сигареты?

Дядюшка Бенни озадаченно почесал уши кролика. Тот с неудовольствием покосился на компаньона.

– Извините, я положительно ничего не понимаю.

Старушка неопределённо отмахнулась.

– Что тут понимать, мистер Раннинг. Я уже говорила, что Элджернон был курильщиком. Эта дрянь его в могилу и свела. Только вот при жизни он любил хороший табак и трубку. А теперь? Всё насквозь пропахло грошовыми папиросами!

Как уже упоминалось, дядюшка Бенни не считал своё призвание профессией. И пусть он так себя настраивал, но надо признать, что был он отменным профессионалом своего дела. Запутанные ситуации и неожиданные происшествия сами притягивали тандем Бена и Джека. И надо сказать, в редких случаях решение запутанных задач не удавалось этой удивительной парочке.

Обстоятельства истории мисс Теклберри явно не относились к тривиальным. И сейчас наш герой, сидя на крыльце своего дома, раскручивал клубок событий ниточка за ниточкой. Тут же находился и его верный партнёр. На этот раз он похрустывал морковкой. Ну, право же, не одной ему травой питаться.

– Что же выходит, приятель? – Бен раскачивался на своём кресле, почти таком же, как у призрака, только более вычурном. И трубки у нашего героя не имелось, как и вредных привычек. Не считая той, которая приводила их с Джеком в замысловатые тупики дел, где опускали руки маститые ищайки. С другой стороны, ущерб это странное во всех отношениях хобби не приносило. По крайней мере, не всегда.

– А выходит у нас вот что. – продолжал дядюшка. – Каждый вечер, ближе к восьми к нашей милой старушке навевывается её покойный супруг. Факт, требующий проверки, но предпо-

ложим, что всё именно так и обстоит. Далее он садится в своё кресло, закуривает и раскачивается. Допустим. Да, кстати, важный момент, коллега!

Кролик наострил уши.

— По выходным время явления необъяснимым образом меняется. Никакой системы. Он приходит и вечером, и днём, и даже утром. Без какой-либо видимой логики. Мисс Теклберри жалуется управляющему на происходящее, но тот ничем помочь не может. В его присутствии дух никак себя не обнаруживает. И самое главное! Призрак начал курить сигареты!

Джек догрыз морковь и внимательно посмотрел на Бена.

— Именно, — воздел палец к небу дядюшка. — Тотчас же собираемся в город!

Кролик выплюнул огрызок морковки, вытащил зубами травинку из пучка, что торчал из его жилетки. Шляпа съехала ему на глаза и он снова стал похож на шерифа с Дикого Запада.

— Миссис Теклберри, милая старушенция, доложу я вам, — Джордж Сандрес, управляющий, стоял перед дверью в свою квартиру, которая находилась как раз под жилищем той, кого сейчас они обсуждали. — Но после кончины мужа, будто помутилась рассудком. Рассказывает, что якобы благоверный преследует её. На похоронах я, конечно, не присутствовал, дела, знаете ли. Но будьте уверены, Эджернон, Теклберри покойней твоего покойника. И душой, и телом, так сказать, это уж точно. Незачем ему беречь нервы своей честной супруге.

Лицо и лысина собеседника покраснелись словно после спортивной пробежки. На улице стояла страшная жара и джентльмену стоило бы носить головной убор, но он по какой-то причине пренебрегал этой необходимостью.

Джордж Сандрес закашлялся.

– Курите? – спросил дядюшка Бенни.

– Нет, что вы, – ответил тот, как только приступ прошёл, – Слабость лёгких. Ещё в детстве доктора поставили диагноз. Да и дурная это привычка. До хорошего не доведёт. Взять хотя бы усопшего. Ещё мог бы пожить, а вышло вот что.

– И всё же, – настаивал Бен, – мисс Теклберри не создаёт впечатления взбалмошной или сумасшедшей.

– Что вы, что вы, – замахал свободной рукой мистер Сандерс. Второй он придерживал бумажный пакет с продуктами. Листья салата выглядывали из обёртки, как из клумбы. – Я и не называл её сумасшедшей. Скорее убитой горем.

Дядюшка потёр лоб.

– Тем не менее в обычных обстоятельствах горе переносят иначе.

– Не знаю, мистер, – пожал плечами управляющий. – Я пытаюсь хоть как-то сгладить боль утери. Даже снизил квартирную плату. Понимаю, что старой леди тяжело тянуть одной такую сумму. Пришлось распределить нагрузку по другим жильцам, хоть они и не высказали радости по этому поводу.

– А также предложили выкупить её квартиру, – добавил Бен.

– Предложил, – утвердительно кивнул Джордж Сандерс. – Помещение для такой немолодой вдовы слишком просторное. Не женихов же ей водить!

Управляющий усмехнулся своей собственной шутке.

– Да и потом, чем закончится вся эта история с привидением? Нервическим срывом? Или чем похуже?

– Действительно, – пробормотал дядюшка себе под нос, – Чем же закончится?

И уже громче произнёс:

– И последний вопрос: в какую же цену вы сошлись?

Мистер Сандерс замялся и, как показалось, ещё больше покраснел. Щёки его налились нездоровым багрянцем. Из кармана брюк он достал мятой платок и вытер пот со лба.

– Пока о сделке речь не идёт. Мисс Теклберри крайне привязана к своему жилищу. Ей нужно время поразмыслить. Взвесить все за и против. Раз уж вы упомянули о том, что расспросы закончены, я, пожалуй, пойду. Хорошего вам дня.

Не дожидаясь ответной учтивости, он развернулся и стал открывать дверь. Как только щель между ней и проёмом стала расширяться, произошло чрезвычайное событие. В ряд ли бы в Стокпулле кто-нибудь в это поверил, тем более что круг свидетелей оказался настолько узок. Всё-таки деяния, связанные с такой тонкой материей, как вера, предполагают наличие многочисленной публики. Чудеса же настоящие, как назло, обычно наблюдают небольшие компании. Созерцают и сразу стараются забыть, общим вердиктом молчания пригвоздив невозможное, но свершившееся, к кресту иллюзорных сомнений, тем самым отринув саму реальность.

А случилось следующее.

Кролик, о чьём присутствии все вроде и забыли, изобразил стремительный прыжок в направлении мистера Сандерса. Вцепившись резцами в огурец, торчавший из кулька рядом с салатом, он выхватил добычу и рванул внутрь квартиры. Пакет в руках управляющего с треском лопнул и покупки покатались по площадке и ступеням. А один, самый наглый и крупный, помидор, напоминавший собою лицо своего нового хозяина, даже вкатился вслед за похитителем и неторопливо пробежался по дубовому паркету.

Открыв рот, Джордж Сандерс замер словно античное изваяние. Дядюшка Бенни, в пику ему, вдруг весь пришёл в движе-

ние. Да с такой прытью, которую от столь почтенного джентльмена ждать не приходилось.

– Хватайте вон тот апельсин, – прокричал он, показывая в дальний от края двери угол.

Как только оцепеневший управляющий осоловело повиновался и сдвинулся на несколько дюймов, наш герой распахнул дверь и ринулся за питомцем. Времени оставалось в обрез. Хоть комнат тоже было немного, но их владелец вот-вот мог прийти в себя. Кто знает как бы повернулись события в таком случае.

Бен торопливо переходил из одного помещения в следующее, выкрикивая:

– Джек, Джек! Выходи, Джек.

Так он обошёл всю квартиру. Кролик безмятежно ждал его на кухне. Перед ним лежал практически нетронутый овощ.

– Ах вот ты где! – вскричал дядюшка и поднял обоих с пола. И огурец, и зверька.

Быстро шмыгнув за порог, они чуть не столкнулись с Джорджем Сандерсом. Тот пытался собрать с пола снесь в бумажные ошмётки. Удавалось ему это с трудом. С тем же успехом можно ловить в море бриз дырявой парусиной.

Заслышав за спиной шаги, управляющий начал поворачиваться. Физиономия вишнёвого оттенка начала приобретать палитру баклажана. Не снижая темпа и крепко прижимая к себе Джека, дядюшка Бенни двинулся прямо на потерпевшего. Бен приподнял шляпу с виноватым и даже сердитым видом:

– Накажу его! Непременно накажу! – произнёс он и добавил. – Держите ваш огурчик.

С этими словами Бен сунул надкусанный огурец в карман пиджака мистера Сандерса и решительно вышел наружу.

– Да не шумите вы так, – в голосе дядюшки Бенни слышалось раздражение.

– Не могу, они меня закутали, – донёсся слева из темноты голос старшего констебля Дженкинса. Оба джентльмена сидели в платяном шкафу и наблюдали за происходящим в узкую щель. Источником бед полисмена стали крупные и многочисленные комары, залетающие в открытую оконную створку. Делать было нечего, в разработанном плане ей отводилась своя роль.

– Смотрите, смотрите, – зашептал Дженкинс.

И впрямь, развернувшаяся картина завораживала. Закатные лучи высвечивали в полумраке комнаты кресло-качалку, которое вдруг пришло в движение. Равномерно покачиваясь оно, казалось, обрело свою причудливую жизнь.

Резко запахло табачным дымом. Бен прикрыл рот, чтобы не выдать себя кашлем. Этот противный запах он не переносил. Заговорщики выждали несколько минут.

– Теперь давайте, – уже вполголоса произнёс дядюшка.

Констебль потихоньку начал открывать дверцу шкафа. Та протяжно заскрипела. Притаившиеся синхронно поморщились. Все, кроме кролика, тот наострил уши и весь подобрался.

Друг за другом Бен и Дженкинс начали протискиваться наружу. Затемнённые их фигуры, сами напоминающие потусторонних гостей, на цыпочках двинулись к креслу. Мисс Теклберри, невозмутимо вязавшая в противоположном углу, спицей указала в сторону беспокойного предмета мебелировки. Визитёры так же одновременно кивнули.

Бесшумно подобравшись к креслу, они усадились на полтергейст. Тот их явно не замечал. Курил и качался, качался и курил. Всё пространство заволочло клубами дыма.

– Интересно, – прошуршал в ухо дядюшки констебль, – а если дать почитать ему свежую газету, он останется в том же расположении духа?

– Шутить изволите, – ответил Бен. – Вы видели последние объявления? Как взлетели цены на картофель! Мёртвый в гробу перевернётся! Лучше смотрите сюда.

Дядюшка нагнулся и ткнул пальцем в полозья кресла.

– Как я и говорил, они стальные. А теперь смотрите здесь. Нет ближе не подходит. Это решётка воздушной вентиляции. Готовы к эксперименту?

Дженкинс утвердительно дёрнул подбородком и подошёл к окну. Высунув голову на улицу, он трижды прокукарекал. Звук вышел отвратительный, словно кто-то двуручной пилой попытался распилить чугунный котелок. Констебль слегка покраснел, но дело было сделано.

Раздался нетерпеливый стук во входную дверь и кресло остановилось.

– Что и требовалось доказать, – высказался дядюшка Бенни, а кролик промолчал.

Дженкинс, больше не скрываясь, закричал в окно:

– Робинсон, крутите его!

Снизу глухо откликнулось:

– Так точно!

Мадлен Теклберри разливала чай по чашкам. Запах кипячёных опилок резал глаза. Даже кролик в этот раз расчихался.

–...как вы правильно заметили в нашу первую встречу, вредные привычки убивают, – продолжал начатую беседу дядюшка Бенни. – Когда мы с Джеком, гм... посетили квартиру мистера Сандерса, я заметил на столе несколько пачек папи-

рос. Согласитесь, странный предмет интерьера, для некурящего человека, страдающего к тому же заболеванием лёгких.

Старушка кивнула.

– Более того, – вёл свой рассказ Бен, – Джек обнаружил внушительного вида магнит, а с потолка, что находится как раз под тем местом, где находится кресло вашего бывшего мужа, сбита вся штукатурка. Тут-то всё и встало на свои места. Расчёт, хоть и не без выдумки, был крайне прост. Злоумышленник, пользуясь магнитом, через потолочные перекрытия раскачивал кресло, а для полной имитации пускал дым в вентиляцию.

Мисс Теклберри схватилась за голову:

– Бедняга, ведь он так мог убить себя. Сколько же он выкурил этой гадости!

– Мог. И убивал. Если быть точным, то убивала его жадность. Вот действительно вредная привычка. Я сразу же отметил ужасное состояние здоровья мистера Сандерса, а после разговора с ним понял его материальную заинтересованность в этом необычном деле. Ведь он же вам предлагал деньги за то, чтобы вы съехали.

– Предлагал, – вздохнула собеседница. – Убеждал, что расходы на такую квартиру мне не осилить. Но ведь он казался таким хорошим человеком! И квартирную плату снизил, и с организацией похорон помог.

– Втереться в доверие – это первый пункт в кодексе мошенника, – дядюшка Бенни неодобрительно поджал губы. – Совершить малое добро, чтобы нажиться на большом зле – такая у этой породы людей задача. Этим же путём пошёл и ваш давний знакомый. Напугать почтенную мисс, находящуюся в трауре, выманить последнее, что у неё осталось – собственное жильё, вот и весь план. Я это понял, как только мистер

Сандерс отказался называть сумму сделки. Уверен, что цена была бы возмутительно низкой.

Старушка печально посмотрела на Бена.

– Но скажите, как он устраивал остальное?

– Вы имеете в виду, битьё посуды и вой призрака? – дядюшка сложил пальцы перед собой. – Всё очень просто. Запасная связка ключей и та же самая решётка вентиляции. Ведь каждый раз он помогал вам выносить кресло, поэтому был осведомлён, когда это происходит. А ключи у него есть от всех помещений. Одна из функций управляющего следить за домом, вы и сами это знаете.

– Ключи. Сигареты. Магнит. – перечислила задумчиво мисс Теклберри. – Куда катится мир...

Чай в её чашке закончился.

– Мистер Раннинг, мистер Раннинг!

Бен стоял у витрины и присматривал себе трость. Сложность состояла в выборе из двух вариантов. С одной стороны, ему нравилась вычурная ореховая с набалдашником в виде головы зайца. Она напоминала ему приятеля Джека. С другой – бамбуковая с совой, тоже вызывала симпатию. Было в ней что-то простое и одновременно навевающее на философские размышления.

– Мистер Раннинг, – голос отвлек его от тяжёлой дилеммы. Он обернулся и увидел старушку, торопящуюся к нему.

– Мисс Теклберри, – дядюшка Бенни приподнял канотье в знак приветствия. Старая женщина вся будто сияла. Она приблизилась к Бену и взяла его за локоть.

– Здравствуйте, мой спаситель.

Дядюшка смутился.

– Вы не представляете, как вы мне помогли. Негодник Джордж теперь под стражей, а в моей квартире никакого табачного дыма! К тому же мистера Сандерса обязали компенсировать средства за испорченный сервиз.

Собеседница приподнялась на цыпочках и чмокнула Бена в щёку. Тот сконфузился ещё больше.

Старушка понизила голос:

– Но самое удивительное в другом.

Дядюшка вопросительно посмотрел на неё. Та зашептала:

– Мистер Раннинг, мой муж... Он снова ко мне приходит! Только вот больше не курит.

Бен замер на несколько секунд, а затем произнёс:

– Пожалуй, некоторые загадки не стоит разгадывать.

Кролик же, сидевший на его руках, как обычно, промолчал.

Ермолова А.Ю.

«БАЛАЛАЙКА-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА»

*У народа нет рояля
Красного на ножках,
Но зато есть балалайка
С русской гармошкой.
Частушка*

— Модемуазель, позвольте пригласить Вас на вальс,— склонился в изящном поклоне молодой человек перед прекрасной дамой.

— Позволю.

Новая пара закружилась по огромному сверкающему залу. Пышные платья барышень отбрасывали пастельные цвета на блестящие вазы, среди них появлялись строгие оттенки чёрных фраков молодых людей. Музыканты без перерывов играли менуэты, полонезы, вальсы, кадрили и другие новоевропейские композиции. Вдоль стен, опиравшихся на стройные и резные колонны с фигурными фресками, за столиками сидели мужчины и женщины преклонных лет, обмахивались веерами и промакивали лбы кружевными платочками. Слуги разносили всевозможные лакомства. Господа наблюдали за танцующими, вели светские беседы о погоде, искусстве, работе и других не менее важных делах.

Музыка кончилась. Молодой человек проводил свою барышню до столика, где сидели её родители, поклонился всему семейству и отошёл к своим родственникам. Там его ждал отец Илья Алексеевич, мать Наталья Андреевна и её подруга мадам Шерер.

– Ну-с, Николай, натанцевались?– поинтересовался Илья Алексеевич у сына.

– Да, отец,– уселся в кресло молодой человек,– давно так на балах не гулял.

– Да как можно?– удивилась мадам Шерер.

– Да сынок,– изумился Илья Александрович.- В твои то годы? В ваши лета мы только и делали, что по балам да по обедам ходили. А иначе как невест выбирать? Негоже дома сидеть. Ты хоть на обеды ходишь?

– Хожу, отец,– отвечал Николай,– а как же? Без этого в нынешнее время никак. Откажешься пару раз и считай, что нажил себе врага. Да и на диковинку какую посмотришь. А потом рассказываешь всем, чтобы охали да ахали. Услышишь историю интересную про страны иноземные. Чем не жизнь?

– Хороша жизнь,– подхватила мадам Шерер и поинтересовалась у Натальи Андреевны,– А на рояле играете?

– А как же,– удивилась та,– без этого никак. А то станешь как уличные бродяги и музыканты. Нужно статус наш держать.

– Да уж,– согласился Илья Александрович,– с этими бродягами лучше не зняться. Не смотри, Николай Ильич, даже в их сторону. Вот другое дело наши музыканты! И рояль здесь шикарный, и скрипка, и труба, и виолончель! Вот это музыка! Настоящая. А крестьяне ничего в искусстве не понимают. Не водись, сынок, с ними.

– Больно надо,– фыркнул Николай Ильич.- Не дай бог мне с ними зняться.

Вечер. За ужином Николай Ильич и отец. Слуги подают еду: первое, второе, фрукты, конфеты. Свет приглушён, играет спокойная музыка. Илья Алексеевич вытер салфеткой рот и сказал, обращаясь к Николаю:

– Вот что, сынок. Стар я становлюсь. Все дела под гору катятся. Помог бы ты отцу. Знаешь ведь, что у меня десяток деревень под моим присмотром да пятьсот душ под моей властью. Но только убытки идут большие, неурожай. Поезжай-ка ты прям на место, разберись там со всем. Обучен ты хорошо, деньгам цену знаешь. Одно только запомни: есть деньги – есть счастье. А всё остальное присоединится. Да и у друга моего соседа помещика дочка красавица Анна Сергеевна. Съездил бы к ним, присмотрелись бы друг к другу. Выгодный брак для тебя будет. Поедешь ты, значит, на три месяца. Порядок наведёшь. А там видно будет. Жить там есть где. Ну что, согласен?

– Но батюшка, как можно? – вознегодовал Николай Ильич. – Если денег нет, отправь меня в Москву или Петербург на заработки! А что там в деревенщине-то делать? Скука одна!

– Ну, сынок, – возразил отец, – начни с малого. Сначала деревня, потом город, а потом и заграница. Поедешь с женой во Францию, отстроите дом и будете туда как на дачу ездить. А пока научись много денег иметь и власть над народом использовать.

– Я подумаю до завтра, – ответил Николай.

Не долго Николай Ильич думал. Уж очень завлекала его власть над деньгами и людьми. Интересно стало. Да и с барышней неплохо бы познакомиться. Мать поохала, поахала, но собрала сына и отправили Илья Алексеевич и Наталья Андреевна сына в деревню.

Утро. Давно уж прокричали петухи, солнышко подкатывало к зениту. Николай Ильич потянулся, зевнул и крикнул слугу, чтобы подавал одеваться. Облачился в одежды, позавтракал, вышел на крыльцо избы, где раньше жил и работал его отец. Огляделся. Подумал, что пора ему осмотреть свои владения.

Приказал подать коня. И поехал барин со своим слугой по деревне своей. Чудно всё, не привычно. Домики стоят маленькие, деревянные, не то что в городе. У каждого огород свой имеется. Даже в дома заходил барин, смотрел, как всё устроено. Едет Николай Ильич и всё записывает, что где не так. Вместо лопат привезти машинки для вспахивания надо, швейки, прялки да станки заменить на швейные машинки придётся, крестьянские лохмотья заменить на чёрные фраки, а лапти и сапоги на туфли. Несколько дней разъезжал Николай Ильич по своим владениям. И начинал постепенно злиться. Все не так, как надо живут, не так всё делают. Иногда так злился барин, что слуги прятались от него по углам.

Вот едет как-то раз Николай Ильич домой из очередного смотра. Уставший, голодный. А дело-то к вечеру было. Въехал уже в родную деревню и видит, возвращаются мужики, женщины, парни и девушки с работы, с поля и поют, пляшут под балалайку, будто и не устали совсем. Остановил барин коня и спрашивает:

– Что делаем, господа? Чем занимаемся?

– Поём, – весело ответил парень с балалайкой.

– А на чём Вы играете, молодежь человек, не знаю имени-отчества, – любезно поинтересовался Николай Ильич.

– Ваньком с утра звали, – не унимается парнишка. – А струмент мой балалайкой зовётся!

– Ах вот оно что! – разгневался барин. – Делать вам больше нечего? Ну что это за музыка? Разве есть в ней толк? Нет в ней ни гармонии, ни искусства! В Америке балалайка запрещена и у нас будет под запретом!

Развернул Николай Ильич и поскакал к дому. Стоит народ, глазами хлопает, прийти в себя не может. Первый не выдержал Ванька:

– Ишь, чего выдумал. В Америке запрещена. Ну и фиг с ней, с Америкой. Я её в глаза не видел и законы её мне не указ. Сестрица, что скажешь, может бунт устроить против барина?

К парню протиснулась молодая девушка, встала рядом, обняла за плечи:

– Ванюш, не кипятись. Не со зла барин.

– Да как это?– заволновались люди.- Не говорят против нашего не со зла!

– Ну вижу я – не со зла,– улыбнулась девушка. - Ему, наоборот, помочь надо. Первый раз человек в деревне. Устал барин просто.

– Ну, Аня, поглядим,– протянул Ванька,– да только всё равно петь настроения уже нет..

Народ разбрёлся по домам. Настроения и правда уже ни у кого не было. Всем было грустно и очень обидно за свой родной инструмент. И Ваньку было жалко. Эх, какой музыкант! А как с отцом заиграют... батька, Матвей, подыгрывает Ваньку, а тот на балалайке выпендривается. А как Аннушка подпевать начнёт... вся деревня соберётся послушать да поплясать. Вот всем обидно и стало.

А барин что? Пришёл домой, поел, да полночи думу думал, как же ему отучить крестьян его неразумных от музыки этой пагубной, да привить любовь к настоящему искусству.

Поутру заспался Николай Ильич, а его, на беду, слуга разбудил и говорит, что просится к нему некий Матвей Фёдорович на приём с докладом. Сквозь сон оделся барин, причесался и позволил войти гостю. Вошёл старик с бумагами в обычной рабочей одежде, поклонился барину, огляделся вокруг, присел на краешек стула, представился как староста деревни, где и соизволил проживать батюшка Николай Ильич. Начал доклад о доходах, расходах, материалах и технологиях, о людях да о жизни их. Слу-

шал барин, слушал, поначалу вникал, потом зевать начал. Всё ему и самому было ясно. Закончил гость отчёт, сидит выжидает.

– Ну молодец Вы, Матвей Фёдорович, – проговорил Николай Ильич, – всё мне ясно. Бумаги можете на время оставить мне. Я их изучу и приложу все усилия по улучшению жизни.

– Конечно, берите, – пододвинул к нему бумаги Матвей и, поёрзав, спросил. – А позвольте, батюшка, вопрос Вам.

– Ну давай, – с ленцой разрешил барин.

– А отчего Вы, батюшка, вчерась так о балалаешнике нашем высказались? Он у нас первый парень на деревне. Да и струмент его ничего.

– Ах вот оно что! – разом вскипел Николай Ильич. – А то я высказался, что не музыка это! Не знаете вы, неучи, настоящего искусства, так и помалкивайте лучше! Вон из кабинета!

Встал Матвей Фёдорович, поклонился сдержанно и вышел из комнаты, стукнув дверь. Идёт нахмуренный по коридору и у входной двери сталкивается с дочкой:

– Ой, папенька, ты тоже здесь? Зачем же?

– А тебе-то какое дело? – огрызнулся Матвей, а потом, смягчившись: – Ты-то, доченька, с чем сюда пожаловала?

– А я барину цветочков полевых нарвала. Замучился он со своей работой, так взглянет на них и улыбнётся.

– Ага. Улыбнётся. Как же. Не ходи к нему. Сложная жизнь у нас настанёт с эдаким барином. Знала бы, как он мне про нашу балалаечку говорил, которую я сам своими руками делал! Как о народе нашем отзывался!

– Ну, папенька, ступай домой, всё будет хорошо, – чмокнула девушка отца в щёчку и, проводив взглядом его до поворота, двинулась по коридору к двери кабинета барина. Тихими шагами подошла, постояла, привязала ниточкой букетик к ручке и ушла так же неслышно.

А Николай Ильич в это время писал письмо отцу в город: «Так мол, и так, ввожу изменения и учу крестьян жизни. План составил, по улучшению условий работы, по повышению урожайности и доходов. Сопротивляются маленько, но я узды держу и распускаться им не даю. Всё нормально идёт. Только вот балалайка эта — болото топкое, всех назад тянет. Уж и лаской брал, и ругался, и запрещал... всё одно — вечером после работы вижу парня с этим инструментом. Но ничего. И с этой напастью справимся». Подписался, запечатал, встал из-за стола, потянулся и решил сходить на почту. Вышел из своего кабинета, стал двери закрывать, а на ручке-то букетик привязан. Сначала хотел было выбросить, а потом как током дёрнуло, и сохранил барин первые цветы от неизвестного. А потом ещё и ещё... Чуть ли не каждый день появлялись у двери кабинета Николая Ильича маленькие букетики полевых цветов. Были и ромашки, и колокольчики, и васильки, и тысячелистники, и одуванчики, и веточки берёзы, дуба, ивы, липы — словом, всё-всё многообразие разнотравья с полей, окружающих деревню. Сначала барин и не глядел на маленький луг, который возникал у него под носом, а потом присмотрелся. И увидел красоту чудную и необыкновенную в, казалось бы, простеньких соцветиях. Начал барин любоваться букетиками, а после сам стал бродить по полям, лесам и рощам, вместо того, чтобы поехать в гости к соседнему помещику на обед или поспать после еды. Ляжет, бывало, на траву, глаза закроет и слушает тишину, в которой поют птицы, жужжат пчёлы, стрекочут кузнечики, и понимает, что не нужен ему никакой город. И что делает он что-то неправильно, не от сердца, нужно срочно менять что-то, иначе пропадёт это счастье и эта благодать.

Букетики перестали появляться. Вместо них, не каждый день, конечно, стали возникать рукотворные чудеса. То по-

ловичок, то рушничок, то куколка бережливая, то фигурка маленькая из дерева. Дивится Николай Ильич, а сделать ничего не может. Не могут слуги поймать домовушку, словно и нет её. Присмотрелся барин к подаркам и осенила его правда-истина: всё, что сделано руками, а не машинами, душу имеет, тепло излучает, рядом уютно и спокойно, не нужно заменять человеческие руки механизмами. Такой радостный после этого был Николай Ильич! Ходил по деревне, видел, как бабы прядут и ткут, как стежочки на вышивке гладко у девушек ложатся, как мужики сруб новый строят, а парни мастера по дому столы да лавочки. И загорелся Николай Ильич работой. Стал ходить к знающим людям, учился владеть топором да рубанком. Такую радость он получал от проделанной работы, какую раньше не испытывал. Разогнал он всех слуг своих, начал сам за хозяйством следить. Там починит, там подремонтирует и хорошо на душе становится. Одежду сменил. Вместо чёрного фрака на нём теперь были обычные льняные рубашка да портки. И уютно было в таком одеянии Николаю Ильичу.

А потом и письма стали появляться у кабинета барина... Советы — что да как лучше сделать. Какие новшества ввести, а какие народ не примет. Словно от имени всего населения домовушка писала все свои изречения. По первому разу-то барин и вникать не стал, гордость не позволила. А потом присматриваться начал к посланиям. И понял, что плохого домовушка не советует. Там да там только подправить, чуть-чуть улучшить и готово новое преобразование лучше прежнего. И всё пошло в гору. Народ доволен. Вроде и старину барин не трогает, а вроде лучше всё становится, жизнь легчает. К осени урожай большой намечался, производительность изделий повысилась, заказы посыпались умельцам, владения Николая

Ильича встали на первое место по столярному и сельскохозяйственному делу. Мужики говорили промеж собой:

– Эдак барин всё улучшил-то! До этого словно в болоте сидели! Эх... да только одно плохо... всё у него «балалайка – плохо, балалайка - негодность». Вот кабы не это, то золотой Николай Ильич был бы! А то всё портит своим законом никудышным... ни попеть, ни поплясать нормально. Что нам эти рояли красные на резных ножках? Ни суп из них не сварить, ни кашу.

Вот как-то раз проснулся Николай Ильич рано утром, рассвет только-только затеплился, петухи и то спали ещё. Лежит в постели, сна ни в одном глазу. Думки в голове вертятся, мысли разные о жизни. Уж начал снова погружаться в сон, как вдруг... что такое? Что за звуки? Что за безобразие? Ах, нет... Николай Ильич сел на постели. Чудесная музыка лилась откуда-то с улицы, встречая розовый рассвет трелями и многообразием нот, их соединений. Вариации соединились в одно единое, обволакиваемое с ног до головы. Ритм, такт, темп, создали единую картину мира, дополнили утренний пейзаж. Проснулись птицы и подхватили звенящие трели. Взошло солнце, закричали петухи. Вскоре на улице раздался гомон – это все собрались в поле жать рожь...

Каждое утро Николай Ильич просыпался раньше обычного и почти каждый раз слышал необычайные звуки. Он влюбился в эту музыку, она стала для него сокровенной тайной, любовью и притяжением. Барин не торопился узнавать, кто и на чём играет эти звуки. Ему нравилось ждать наступления рассветных сумерек и таинственного музыканта. Но в одно утро он решил всё же ещё и глазами увидеть волшебный инструмент. Он заранее оделся, сел к окну. Рассветное зарево раскрылось перед ним во всей красе. Но солнце уже оторвалось

нижним краем от горизонта, а музыканта всё не было. Только барин хотел встать и пойти по своим делам, как весёлые, звенящие, манящие за собой звуки разлетелись по всей округе. Мелодия была задорной, в ней было много лучистых солнечных зайчиков. И тут запел чистый звонкий голосок. Обычные, незатейливые народные стихи. Но что же это было за чудо! Николай Ильич, наполнившись весельем, радостью, с восторгом выскочил на улицу, обогнул дом и... увидел на завалинке Аннушку с сестрицами и Ваньку... с балалайкой.

Компания не заметила барина и продолжила веселиться. Ванёк всё выигрывал виртуозные вариации, Анечка пела, а младшие сестрички выплясывали задорную кадрили. Остолбневший Николай стоял, открыв рот, и не мог поверить, что эту потрясающую, хватающую за самую душу русского человека мелодию играет обычный парень из глухой деревни на обычной балалайке и вторит ему голос самой обычной девушки.

— Ваня!— раздался испуганный восклик.

Музыка замолкла, девчушки перестали плясать и подбежали к Аннушке, как цыплята к курочке. Ванька набычился, схмурил брови. Он уже знал, чем кончаются такие встречи с барином. А Николай Ильич всё стоял, облокотившись к стене дома, всё не мог прийти в себя, а потом подошёл, сел рядом с музыкантом, усмехнулся и так по-доброму, даже как-то по-простецки похлопал парня по плечу:

— Ну, Ванька... ну ты мастер.

Все стояли тихо, с широкими глазами от удивления. Аннушка первая пришла в себя:

— Да, Ванечка у нас мастер.

— Ты, это...— замялся Николай,— прости меня. Неправ я был. Балалайка — самый настоящий русский инструмент. И пока

живы вот такие Ваньки, не умрёт и балалайка. Ты не сильно в обиде на меня? Столько хлопот доставил...

– Ой, да что Вы! – расцвёл наконец парень. – Нет! А хотите, ещё поиграю?

– Ну, коли не серчаешь – просто улыбнулся Николай.

И снова зазвенела над деревней песня. На этот раз более спокойная, размеренная.

– А Анютка нам сейчас пострадает, – подмигнул Ваня сестре. Та потупила глаза и через миг полилась, соединяясь и вплетаясь в музыку, песня:

*Балалайка, балалайка
Балалайка лакива.
Я под эту балалайку
Припевала плакыла.*

Стал подтягиваться народ. Все удивлялись, а потом начинали радоваться, что стало совсем хорошо, что не надо прятаться теперь от барина, петь и играть в тёмных потаённых уголках деревни.

А Аннушка всё продолжала:

*Балалаечка играет
Балалаечка поёт.
Балалайка моему сердцу
Всё покоя не даёт.*

Николай сидел, слушал, и наслаждался спокойствием, которое настало в его душе. Он думал: «Почему ж мне так хорошо? Отчего? Неужто именно то, что я был против этого замечательного инструмента, не давало мне покоя? Всё же балалай-

ка — истинно русский музыкальный инструмент... и всё равно, что об этом думаю во Франции, Китае и Америке. У нас она есть и мы её никому не отдадим».

Аннушка пропела последний куплет:

*А у Коли в коридоре
Висит балалайка,
А неужели я не буду
Колина хозяйка?*

Николай Ильич рассмеялся:

— Хех, есть у меня один хозяин в доме. Всё подарочки подкладывает да записочки всякие. Может, кто видел грамотея?

Все засмеялись, оценив шутку. А Аннушка побледнела, затеребила платок и шепнула брату:

— Ванюш, спасай. Я убежала.

Схватила корзинку с крынкой и, делая вид, что у неё появились срочные дела, убежала к своему дому. А народ всё смеялся:

— Вон как выходит! Третий грамотей на деревне появился!

— Как это? — не понял Николай.

— Ну, Николай Ильич, это в горах все образованные, а до нас грамота ещё не дошла. Все не понимают в этом ничего. Только Аннушка да батюшка Алексей в церкви и выручают, когда письма писать, кому надобно.

— Ну вот домовушка и выправит положение! — крикнул Ванёк, прикрывая сестрицу. Он единственный знал о её хождениях к барину, о её письмах Николаю. — Будет третий грамотей, будет нас учить!

Что-то ещё высказывал Ванька. Но Николай Ильич уже задумался. Ну не взаправду ведь домовушка завелась у него.

Здесь что-то другое... или, даже скорее, кто-то. И задумал Николай Ильич встретиться с Аннушкой, поговорить.

Несколько дней был барин занят. Навалилось много работы, головы от дел не поднимал. А как всё выполнил, пошёл в лес гулять, наслаждаться началом осени. И Аннушка пошла по хворост в тот же лесок. Оба идут, любят, глядят под ноги. Чуть не налетели друг на друга. Охнула Аннушка, но виду не подавала, что испугалась.

– Здравствуйте, батюшка Николай Ильич.

– Здравствуйте, Анна Матвеевна. Извините, залюбовался красотами. Не ушиблись?

– Да что же это Вы ко мне по имени-отчеству,– засмуцалась Аннушка, – у нас эдак не принято.

– А как же принято?

– По-простому, по-домашнему. Люди и Аннушкой, и Анюткой, и Анечкой называют.

– Ну, тогда и ты меня просто зови. Что мелочиться. Я ж не высокий чин, обычный русский человек.

– Хорошо,– улыбнулась Аня.

– Позволь помочь?

– Изволю.

Взял Николай хворост у девушки и пошли они потихонечку по тропинке в сторону деревни.

– А хорошо братец у тебя играет,– задумчиво сказал Николай,– душевно так, тепло. Я и не знал, что балалайка так хороша. Ты не серчаешь на меня, за то, что я так относился раньше?

– Нет. Каждый имеет право ошибаться,– ответила Аннушка.

– А как тебе кажется, лучше в деревне стало? Или подправить чего?– пытался подвести к интересующему вопросу Николай.

– Лучше.

Всю дорогу пытался Николай Ильич вызнать окольными путями, кто ж писал ему послания, а у выхода из леса не выдержал:

– Аннушка. Сил моих больше нет. Это ведь ты мне писала письма?

– А с чего ты взял? – не теряла спокойствия Аня.

– Да уж не на кого думать больше. Не батюшка ведь Алексей. Он Богу служит, ему до земного нет дела. Да и говоришь ты разумно. Ну кто кроме тебя? Или я ошибся?

– Не ошибся, – вздохнула Аннушка, потупилась. – Да, писала.

– А почему ж? – не унимался Николай.

– А потому. Помочь тебе хотела. Вот и всё.

В тот раз на этом и закончился разговор между Николаем Ильичом и Анной Матвеевной. А потом был ещё один и ещё. Каждый день искали они встречи и повод для разговора. И в конце концов поняли, что полюбили друг друга. Сел тогда Николай писать письмо своему отцу в город: «Дела идут гладко и тихо, все отчёты, батюшка, получаете. Люди довольны. Я тоже неплохо. Здоров и счастлив. Позвольте, батюшка, остаться в деревне навсегда. За три месяца я понял, что я истинно русский человек. И что балалайка – инструмент живой и настоящий. Рояль со скрипкой хороши, но в них нет русской простоты души, мне этого всегда не хватало. Не гневайтесь сейчас, дальше будет интересней. Позвольте заслать сватов к Аннушке. Но не к барской дочери, как вы хотели, а к обычной девушке из деревни. Я понял, что городская красота неистинная, ложная, что все друг другу лгут, надевают маски и играют театральные роли. И не в деньгах счастье. В деревне всё проще. Хотите, приезжайте с матушкой. Покажем вам красоты наши, балалаечку-матушку послушаете. Будем очень рады вашему приезду».

Конечно, батюшка погневался, постучал кулаками по столу, ногами по полу, но, приехав с матушкой к сыну в деревню, через несколько недель обмяк, подобрел и согласился с сыном, с его суждениями. Он долго бродил по родным просторам, засиживался у реки и мечтал.

Осенью сыграли свадьбу. Гуляли всеми соседскими деревнями. А потом зажили тихо и сладко. Со временем открыл Николай школу столярного ремесла, где основным делом учили мастерить балалайки, а потом и играть на них. Ванька тоже обзавёлся семьёй, но серьёзней от этого не стал. На все праздники, свадьбы приглашали его поиграть на балалайке. Великим мастером игры прослыл он на всю округу и далее. Все были счастливы в деревнях Николая Ильича. Много больших мастеров вышло из основанной им школы, много замечательных балалаек разошлось по свету. Каждый умелец всем и всегда с гордостью и любовью к Николаю Ильичу рассказывал историю про балалайку-целительницу, которая соединяет людей и вылечивает от душевных ран. А теперь эту сказочку услышали и вы.

Ирина Брестер

«ДОЛГОЕ ЭХО РАЗЛУКИ»

*Посеребрит виски роса,
Что поутру прольётся светом.
И вдруг припомнятся слова,
Мной сочинённые куплеты.
Слова просты. Слова едва
Коснутся раненой строкою,
И закружит тревог листва,
Дождём прольётся поневоле.*

*Слова пусты. Отвержены
Мерилом сотен разных судеб.
Слова в огне обречены
Гореть – туда их бросят люди.
Слова так жгут, приносят страх
И боль, что выплакать – столетье.
Кто за себя один в ответе,
Тот далеко, в чужих мирах...*

– Опять бредишь струны? – вошедший командир экипажа критически оглядел сидящего на постели в мятой форме офицера. – И снова эту заунывную... Беда с тобой, Филатов!.. Беда...

– Почему же, Василий Петрович? – Филатов выпрямил ноги. Гитару отложил в сторону. – Без музыки нам никак. Она досуг помогает скрасить.

– Не думал я, что у тебя здесь досуг имеется, – Василий Петрович строго посмотрел на Филатова. – О деле надо думать.

– Я и думаю. Но ведь не двадцать четыре часа в сутки...

– Ровно столько. А если понадобится, то и больше.

Филатов встал. Нервно заходил по комнате.

– Ну, не могу я так! Работа, служба – это всё, конечно, правильно и нужно, но... Я же не такой!

– А для чего ты, Саня, тогда здесь оказался? – суровым голосом задал вопрос командир. – Думал, жить будешь, как и прежде? Или тебе не объясняли, что здесь законы земные не всегда действуют?

Василий Петрович Вязин – командир экипажа; высокий, прямой, с поблёкшими от седины волосами, возвышался над Филатовым, точно стена. Непробиваемая, видимо. И смотрел всегда сверху вниз. Филатов частенько себя чувствовал неуютно под его прямым взглядом.

Офицер... Горькая насмешка!.. Никогда он им не был. Назвался так, ради кучи. Вроде как по званию проходит, а на деле – тьфу!.. Но ведь взяли его, однако ж, благо послужной список велик. А что скрывается там, между строк? На это никто никогда не смотрит.

Награды, герои... Сколько их там было, кто ж теперь разберёт... Десять лет, как от земли оторваны, в открытом космосе болтаются, будто мухи, подвешенные над потолком, в прочной сети, заплетённые хитрым ловцом, с каждой минутой своего часа ожидающие. Командир успокаивает: мол, не отчаивайтесь, парни, всё будет хорошо. Десять лет ждали и ещё подождём. Главное – продолжать верить. Нас отыщут. Обязательно. По-другому быть не может. В этих просторах чего только не терялось. И всё, кажется, находили. «Космический мусор» – так окрестили сами себя члены команды. И значит, есть в том доля правды.

Когда ровно десять лет назад отправлялись в полёт, никто не думал, что это может так надолго затянуться. Шли по заранее заданной траектории, прокладывали маршрут к искомой цели.

Все люди опытные, в подобных экспедициях не раз побывавшие. Мог ли кто из них тогда думать, что однажды всё обернётся не так, не по плану? И в чём причина? То ли карта оказалась неверна, то ли расчёты собственные подкачали. Да мало ли, в чём там может быть дело! Кто разбирать теперь станет?

Вновь и вновь просматривал командир нанесённый точными штрихами на глянцевом листе бумаги их путь. Ошибки быть не могло. Тогда почему же они сбились? И где тот пояс созвездий, к которому они должны были лететь? На карте чётко обозначен в северном полушарии. И добираться, казалось, не так уж далеко. Восемь месяцев ставили срок — туда и обратно. А что в итоге получилось? Расчёт неверным оказался?

Десять лет в просторах космоса. Десять долгих, мучительных лет!.. Назад не повернуть. Командир сказал: приказ не выполнен, возвращаться невозможно. Вот и приходится теперь блуждать в оковах этого межзвёздного пространства, где каждый новый шаг — очередное падение в пустоту и бесконечность... И где границы отыскать, когда их вовсе не бывало?..

С Землёй связаться пытались много раз. Нет ответа. Приборы вышли из строя. Разбирали, смотрели — никакой поломки не обнаружили. А всё одно — нет сигнала. Чудеса? Да нет, просто законы в космосе другие — не те, что на Земле...

*Мы по пятам холодным днём,
Дождливым сумраком обманным,
Следы в пути искать пойдём,
Что укрывают сны туманные.
И твой вопрос разбудит ночь
И оживёт слезами красок.
Я не отвечу. Не прочтёшь...
В предназначении — отказано!..*

– Ну, хватит уже! – голос протестующий звучал при этом вполне миролюбиво. – Видишь, я сам в этот раз к тебе пришёл.

– Что ж я – не человек разве, что мне в посещении уже отказано? – Филатов смотрел на командира исподлобья. – В карцере уже третий день сижу почти что в одиночестве.

– Сам виноват, – сухо напомнил Василий Петрович. – Кто Гришку Сокола до приступа довёл?

– Это не я! – возразил Филатов. – Это он сам!

Гришка Сокол – один из пилотов экипажа. Весёлый был малой, с улыбкой на лице. Но как стал с Филатовым близко водиться, так и поменялся разом. Угрюмым появлялся перед всеми, неразговорчивым, сосредоточенным чрезмерно. В его работе это, может, не так уж и плохо – концентрация внимания требуется высокая. Зона ответственности запредельная. Да только, когда на душе одна тоска смертная – ничего хорошего получиться не может. Гришка в отставку попросился. Сказал: нет мочи терпеть это. Каждую секунду – в монитор смотреть. А на нём что? Одно и то же всегда – пыль и звёзды, звёзды и пыль...

Две недели в чувства приводили. Насилу вернули парня. Но за управление так и не сел. «Кончено», – сказал.

Вот и озлился Вязин на Филатова. Таких парней бравых портит!

– Будешь мне сказки рассказывать! – буркнул командир. – А то я не знаю, к чему твои заунывные напевы приводят. Раны ты людям вскрываешь без ножа, понимаешь, Филатов?!

– Ну, и не брали бы меня с собой в эту... экспедицию! – плюнул с досады Филатов. – Один чёрт – ничего здесь не делаю! Пользы от меня никакой! На гитаре и то играть запрещается!

– Да пойми ты, экипажу сейчас не это нужно, – Василий Петрович подошёл прямо к нему и постучал кулаком

по вихрастой голове Филатова, пытаюсь вдолбить в него значения свои. — Мы одна команда. Нам надо держаться сообща. А ты со своей лирикой неуместной мне людей из равновесия выводишь!..

— Что же мне теперь делать? — вскипел Филатов. — Сойти, может быть, на первой остановке?

Командир поднёс кулак к его лицу и гневно потряс: это видал?

— Остановка у нас одна — Земля! Помни об этом всегда.

Филатов похолодел.

— Долго ждать остановки этой приходится.

Командир нахмурил брови.

— Ты не один такой. У каждого там остались семьи — жёны, дети, родня... Все терпят, и ты терпеть будешь!

Ну, да, не один... Таких, как я, на Земле немало. Мечутся себе от стенки к стенке, как неприкаянные. Ищут, куда бы лишний раз приткнуться. А всё одно — не нужны! Кто-то давно жизнь в кругу близких людей коротает, а кто-то (такие, как он) так и не нашёл до сих пор места себе. Жилья собственного нет до сих пор. А здесь жильё единое для всех.

— Нет у меня ни жены, ни детей, — выпалил вдруг Филатов. — Я сам по себе. Всю жизнь свою земную.

В глазах командира промелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Вот оно что... — протянул он. — Оттого, значит, ты такой и есть.

— Какой — «такой»?

— Чувств других людей не жалеющий. Не соперечающий никому. Ежели сам по себе, рассуждаешь, то и тосковать не о ком.

Филатова задели эти слова.

– Ошибаетесь, Василий Петрович. Есть мне, о ком тосковать. О самом себе!

Командир недоверчиво взглянул на него.

– Что плетёшь-то? Из ума выжил?

– Никак нет, – ответствовал Филатов. – А только тоска эта меня заела, и нутро моё всё вывернула наизнанку. На Земле был никому не нужен. Только раньше не понимал этого. Всё казалось по плечу! А здесь... – он со стоном закрыл лицо руками. – Мусор мы, понимаете, Василий Петрович?! Мусор!..

Командир схватил его за плечи и встряхнул.

– Прекрати! Сию же минуту, Филатов, прекрати! Твоих истерик мне только на борту не хватало!.. Никакой мы не мусор! И не смей никогда так нас называть! Мы – военные люди. Космическая разведывательная группа. И мы следуем своему делу, что бы ни случилось. Ты присягу давал, забыл разве?!

– Лучше б забыть... – обречённо произнёс Филатов.

Отбор должен был быть строгим. Так казалось вначале. И когда Филатову объявили, что он прошёл, поначалу ушам своим не поверил. «Пригодишься, – сказали ему тогда. – Такие, как ты, нужны в полёте».

Ну, да, для развлечения, если только... Тогда-то он возражать не стал, окрылённый неожиданным успехом. Подумать только: в экипаж его мечты взяли! Да он о таком успехе даже мечтать не смел. И вдруг такое счастье!.. За какие заслуги?

Счастье ли оно? Дождём туманным обернувшееся... И в этой серой дымке блуждать отныне им суждено... Нет, не уговаривайте даже, мысленно сопротивлялся Филатов, диалог ведя с самим собой! Всё равно в обратное уже не поверю. Да и нету в этом мире обратного хода. Позади – Земля... А впереди что?.. Вечность?.. Смех!.. Да нет у них такого маршрута!..

Баллончики с запасами еды давно научились самообновляемые делать. Словно скатерть-самобранка. Развернул её, а яства сами собой на столе проявляются. Так что смерть от голода им точно не грозит. А хочешь – спортом занимайся. Хочешь – литературу изучай. Книжек на борту много. Читай – не перечитай! Хоть по сто раз одну и ту же. Зазубрить можно. Ученье – свет, говорится...

Пятнадцать человек в экипаже. Ребята все как на подбор – крепкие, выносливые. И смелые! Один он попался – ни то ни сё. Зачем только взяли? Такие тоже нужны в полёте, оказывается.

Сколько песен сочинил за это время – не сосчитать. Хорошо, что гитару с собой взял. Раньше его песнями команда развлекалась. Слушала и о Земле родной вспоминала. Потому, хоть они в космосе, а песни всё равно слагаются земные. Как же иначе?

А теперь командир просит оставить это дело. Чтоб о Земле поменьше ребята грустили. Чтобы думали о будущем и вперёд смотреть не боялись. Сколько ещё впереди? Разве дано человеку знать об этом?

– Только не вешать нос! – предупредил командир перед уходом. – Раскисать сейчас ни в коем случае нельзя. Если один слабину даст, за ним другой потянется, и так дальше – по цепочке... Со всеми я не управлюсь. Понял ты меня, Филатов?

– Понял...

– Ну, то-то же... Загляну к тебе после.

После чего – не уточнил только. Вышел за дверь и был таков.

Замок снаружи запирался. Посадили под арест, чтоб вёл себя потише. Хорошо ещё, гитару оставили. Единственная зем-

ная радость у него!.. Филатов вновь прикоснулся к струнам, но в ту же секунду корабль тряхнуло. А потом другой раз и третий... Инструмент выпал из рук.

* * *

В рубке раздавались взволнованные голоса.

— Что там случилось?

— Кажется, попали в магнитное поле объекта...

— Что за объект?

— Пока не известно. Будем изучать.

— Так, все по своим местам! — распорядился командир. —

Настроить экраны!

— Командир, — послышался негромкий голос, — он, кажется, живой...

— А вы чего надеялись увидеть?

— Так, может, он и есть тот самый? Ну, тот, что мы так долго...

— Может. Проверить надо.

— Опасно это. Кто его знает...

— А вы зачем сюда шли? В команду зачем набирались? Думали, здесь только песни слагать будете?

Сразу вспомнили о Филатове.

— Может, его послать? Он быстрее договорится.

— Точно! — вторил другой. — К тому же он всё равно ничего не теряет. Сам говорил: один как перст.

— Прекратить! — отрезал командир. — Не к лицу вам, ребята, такие разговоры. Если понадобится, сам пойду.

— Да что вы, Василий Петрович? Не надо! Мы справимся. Экипажу нужен командир.

— Для того мы и здесь, чтоб работу свою выполнять. Не забыли уж за столько лет!..

— Отправляйтесь!

* * *

Лязгнул замок. Дверь открылась.

– Выходи, Филатов. Командир распорядился тебя отпустить.

Тишина в ответ.

– Эй, Филатов! Оглох, что ли?

Сержант вошёл внутрь. В камере царил полумрак. И лишь тело на кровати с опущенными на пол руками поблёскивало чем-то алым.

– Ох, мать твою! – выдохнул сержант. – Струной гитарной себе вены... На помощь! Эй, кто-нибудь? Сюда!

Опустившись на колени подле кровати, сержант обречённо покачал головой:

– Дурак ты, Филатов! Не мог потерпеть ещё чуть-чуть... Добрались, наконец!..

На шум прибежали двое. Быстро оценив обстановку, взяли безжизненное тело и понесли к выходу.

* * *

Качели, как в детстве – лёгкие и безмятежные. Будто в колыбели находишься. И убаюкивают сладко, и успокаивают разум. Жизнь долга... Спи, мой мальчик, спи... Пусть тебе приснится самый светлый, самый добрый сон...

*Занялся рассвет туманный,
Утром холоднее стало.
Спрячешь сон в свои карманы,
Заплетёшь устало...*

*Ночью слёзы на подушке,
Высохли к утру – загадка.
Я шепну тебе на ушко:*

«Спи, мой мальчик, спи...

Спи, мой мальчик, спи...

Спи...

Пока ты спишь, мне тоже спится сладко...»

– Ну, наконец-то, глаза открыл! Слава богу!..

– Напугал ты нас всех, Филатов!

– Да, брат, устроил ты нам встряску почище этой новой Верны!

– Какой Верны?

Десять лиц, склонившихся над ним. Десять пар глаз, глядящих с волнением и трепетом. Нет командира и трёх пилотов.

– А где остальные? – Филатов с трудом приподнялся на локте и тут же вскрикнул от боли. Рука от локтя до кисти была туго перебинтована.

– Лежи, не вставай. Тебе ещё рано.

– А что произошло?

– Не помнишь? Шок, наверное...

– Ну, ничего, теперь будешь жить. Вовремя тебя откачали.

– Что ж ты хотел сделать с собой, Филатов?! И зачем?

Он чувствовал, что не в силах отвечать на вопросы. Только не сейчас... Сознание снова провалилось в пучину приятных детских воспоминаний. Там всегда было тепло и уютно. Там хотелось остаться навсегда. Почему его вытащили оттуда? Здесь он уже ничем не сможет помочь.

– Оставьте нас.

Филатов резко пробудился. Голос командира экипажа. Такой из любого самого крепкого сна вытащит и потребует держать ответ. Глаза с трудом открылись. Но, вопреки ожиданию, во взгляде, обращённом на него, Филатов не увидел ни враж-

ды, ни гнева. Бледно-голубые глаза командира смотрели тепло – так, словно по-отечески...

– Очнулся, – сказал командир. – Три дня в беспмятстве провалялся.

Филатов ничего этого не помнил.

– Думали, уже не вытащим тебя обратно. Не так много крови потерял, как сильное нервное потрясение пережил. Сначала – шок, оцепенение, потом – конвульсии начались. У тебя раньше подобное было?

Филатов нашёл в себе силы лишь покачать головой в ответ.

– Последствия долгого перелёта, – заключил командир. – Не ты первый. Слышал я о таком явлении. Вот только не думал, что увижу воочию. Ты как теперь? Игнатов, – наш врач, – сказал: опасности нет. Форму наберёшь со временем. Вот только психику придётся восстанавливать. Изуродовал ты её, Саня, вконец!..

Филатов почувствовал, как к горлу подступил комок. С трудом проглотил его, но легче почему-то не стало.

– Да ты говори, – попросил командир. – Говори, тебе полезно это. Надо, Филатов, выговориться.

– Василий Петрович... – язык с трудом ворочался во рту. – Что я наделал?

– Ну, что ты наделал, мы все знаем. А вот для чего – это ты один можешь рассказать.

Филатов покачал головой.

– Не могу... Внутри всё болит... Как огнём прожгло...

– Внутри болит? – усмехнулся командир. – Это, парень, душа называется. Она-то и донимает тебя болью своей жжёной.

– Не мог я дольше терпеть!.. – признался Филатов. – Силы закончились. Да и не было их, наверное, вовсе... Зачем только

взяли меня сюда? Никому не пригодился – ни там, на Земле, ни здесь – в экспедиции!..

– Ты, Филатов, отдохнёшь денёк – другой, – заботливо посоветовал командир, – а потом к своим обязанностям потихоньку возвращайся. Так-то оно лучше будет.

– Не могу... – снова замотал головой Филатов. – Сломлен я, Василий Петрович. Сломлен весь изнутри!..

– А ты не спеши. Собирай по кусочкам, не спеши. Времени у тебя много в запасе. Главное – не торопись.

– Куда ж теперь? – обречённо выдохнул Филатов и в изнеможении откинулся на подушку. – Целый век впереди...

Командир, словно не обращая внимания на его слова, прошёлся по комнате, взял какой-то предмет и поднёс к кровати, на которой лежал Филатов.

– Да, славный инструмент... – заметил он. – Гитару-то за что?

– Вы же сами сказали: раны бередит.

– Поэтому ты решил её приговорить?

Филатов снова приподнялся.

– А что, совсем плоха?

– Ну, как сказать... Восстановлению, пожалуй, подлежит. Жаль, струн новых не найти.

Филатов заметно сник. Гитара была его самым надёжным спутником, верным другом. Зачем же он с ней так сурово обошёлся? Дурак, эх, дурак!..

– Не горюй, Филатов. Когда на землю вернёмся, я тебе новую подарю.

– Вернёмся!.. – горько усмехнулся Филатов. Опять эти ожидания!.. К чему теперь об этом говорить, когда всё давно ясно? – Бросьте вы, Василий Петрович...

– Вернёмся! – к его удивлению, командир провозгласил это ещё более, чем всегда, уверенным тоном. Филатов заглянул в его глаза и увидел в них такую непобедимую силу, что самому захотелось в неё поверить.

– Вернёмся, Филатов! Эхом пролетят твои песни, через весь космос стрелой пронесутся к самой матушке Земле! Услышат нас люди и обернут назад, – он схватил его за плечи, сжал их крепкими руками. – Только верить надо, Саня! Ты меня слышишь? Верить!

И Филатов, наверное, впервые ощутил, как эти, такие важные для них для всех слова командира проникают в самое сердце, заполняют всю пустоту, зияющую в нём огромной чёрной дырой. И тогда он подумал: вот оно – то, ради чего ему, да и всем остальным, быть может, стоит быть!

Что ты видишь ночью звёздной

Там, среди пыли?

Свет лучей на перекрёстках

Судеб, что смогли

Долететь до крайней точки

Там, где тишина

Обнимала и впускала

Ночь в наши дома...

Эхом долгим отзовется

Горестный напев.

Я прошу: ответьте, звёзды,

Ждать мне или нет?

Если б знать, что вновь увижу

Шар наш голубой.

Я вернусь, и станет ближе

Этот путь домой.

Экипаж «Крейсер-15» вернулся на Землю в полном составе спустя двадцать лет разлуки. На Земле их встречали все, кто был, так или иначе, причастен к этой экспедиции. Василий Петрович Вязин получил высшее офицерское звание и медаль «За заслуги перед Отечеством». Службу оставил сразу после возвращения.

Александр Филатов завершил военную карьеру и стал преподавать в музыкальном отделении высшего офицерского училища. Через два года после возвращения он женился и взял на воспитание двоих детей.

Лидия Лиманова

«ГЛОРИЯ»

В отсеке стояла невыносимая жара. Металлический голос пронзительным звоном отдавался в ушах: «Внимание! Отключение искусственной гравитации, столкновение с космическим мусором, перейти в режим ручного управления!» Джил за доли секунды зафиксировалась в ложементе и обеими руками вцепилась в штурвал корабля. Сегодня она выполняла функции пилота.

— Увернуться, проскочить, — словно мантру, повторяла юная девушка, лавируя между многочисленными космическими обломками.

Она так увлеклась манёврами, что не сразу заметила, как на приборной панели высветилась надпись: «Испытание успешно пройдено. Отбой». Джил, глубоко вздохнув, стащила шлемофон, по плечам рассыпались рыжие шелковистые волосы.

— Детка, просто супер!

Из-за стеклянной перегородки возник рослый парень, по всему было видно: он неравнодушен к рыжеволосой красавице.

— Поздравляю. Сегодня было последнее испытание. Ты блестяще справилась. Это нужно отметить. Во дворце голографических проекций новое представление «144 цвета радуги». Позвольте пригласить вас прекрасная леди!

— Апол, мне сейчас не до развлечений.

— Снова в библиотеку? В капитаны метишь? — с долей иронии проговорил Апол.

– Это решит Галактический Совет. Пока.

Джил больше нравилось работать с бумажными носителями. Андроиды разложили перед ней тяжёлые тома с отчётами последних экспедиций на далёкую планету, которая расположена диаметрально, по другую сторону Солнца и является двойником Глории. Эта планета с детства привлекала Джил, занимала все её мысли. Девушка мечтала побывать на планете Земля. И вот наступает благоприятный период для полёта к Земле. Марс и Глория удачно выстраиваются по отношению друг к другу, открывая кратчайший путь. Джил задалась целью, во что бы то ни стало попасть в предстоящую экспедицию. Она без каких-либо колебаний подала заявку в Галактический Совет, выдержала испытания, и вот, зачислена в одну из команд. Оповещение пришло, когда она безвылазно сидела в архивном отделении библиотеки, тщательно изучая документы.

– Я полечу на планету людей! – радость переполняла сердце юной девушки.

Всех участников экспедиции собрали в конгресс-зале. Как гром среди ясного неба прозвучало: «Капитаном модуля сектора «Д» назначена Джил». Сообщение было настолько неожиданным, что девушка пришла в некоторое замешательство.

Вывел из этого состояния знакомый голос:

– Капитан, поздравляю!

– Да ладно, – отмахнулась Джил, почувствовав неловкость перед более опытными и знающими членами команды.

– Апол, давай без субординации. Я хочу, чтобы всё было как раньше.

– Хорошо, никакой субординации, – согласился мужчина.

После брифинга Ортон перехватил свою дочь у входа в карантинный блок.

– Джил, будь благоразумна. Никакой самостоятельности. Ты несёшь ответственность не только за себя, но и за команду. Вашему экипажу определено конкретное задание: замена устаревших ретрансляторов в секторе «Д» – на Эльбрусе, на Карпатах и Уральских горах, не более того. Пойми, наша задача просто наблюдать за эволюцией человечества и не вмешиваться в развитие землян. Никаких внедрений!

– Но почему, отец? Участники прошлых экспедиций жили среди людей, они помогали освоить письменность, выращивать сельскохозяйственные культуры, внедрять технологии. На Земле точно такое же летоисчисление и календарь, те же часы и минуты, всё как у нас, благодаря нашим предкам, которые укоренили на планете людей жизнь, идентичную нашей.

Джил посмотрела в молящие глаза:

– Отец, я уверена, что ты обязательно внедрился бы в среду землян, если б тебя зачислили в ко...

Она осеклась на полуслове, это была болезненная тема для её отца. Он долгие годы готовился к экспедиции, не раз бывал в Марсианской обсерватории. Наблюдал за Землёй через телескопы последнего поколения. Но Галактический Совет с этого года утвердил ограничения по возрасту для длительных экспедиций.

– Но прадедушка с прабабушкой, о которых ты с такой гордостью рассказывал. Помнишь? Показывал мне их голографические изображения из нашего семейного архива, они же жили среди туземцев. Вы же сами об этом мне говорили, – как бы оправдываясь, продолжила Джил.

– Хорошо, что Совет не разрешил взять тогда им в экспедицию сына, моего деда. Иначе ни меня, ни тебя не было бы...

– Это ты о чём? – удивилась Джил.

– Ты не всё знаешь. Мы оберегали тебя от подробностей той истории. Наши предки после замены ретрансляторов в секторе «Ю» решили внедриться в африканские племена с целью изучения и просвещения дикарей. В итоге их просто скушали.

– Что? – девушка передёрнулась от услышанного.

– Но мой сектор находится в одной из самых цивилизованных частей планеты Земля, там нет такого варварства.

– Однако, эти самые цивилизованные люди нередко используют научные достижения, чтобы уничтожать друг друга при помощи энергии распада атома, которую мы им открыли. Они создали биологическое оружие на основе знаний о вирусах и бактериях, которые мы дали им. Там очень опасно. Обещай, что ни ногой в их сомнительное общество.

Джил, казалось, не вникала в доводы отца. Она была одержима своей мечтой и не собиралась отступить от неё.

– Девочка моя, ну что я скажу твоей матери. Мы мечтали, что ты займёшься психологией. Тебе же нравится это занятие. Родишь нам внуков. Я б возился с ними, мы летали бы на экскурсии на Марс. У меня же открытый пропуск.

– Вот именно, папочка, только почему-то меня ты ни разу не взял с собой на Марс, как бы мне это пригодилось.

– Твоя мама была против.

– А сама-то она где? Как я умоляла её не покидать меня, однако ей не помешало это отправиться в очередную Межгалактическую экспедицию. К счастью, или сожалению: космос как магнит притягивает и поглощает, и от него никак не отказаться.

Джил с сочувствием взглянула на поникшего отца:

– Да рожу я вам внуков, лет через пятьдесят, после того, как всю Галактику обследую. Вы же тоже в зрелом возрасте

меня зачали. Кстати, рекомендую подумать о моей сестричке. Мы с ней подружимся.

Чмокнув отца в щёку, Джил уверенно вошла в бокс для подготовки к своему первому полёту.

— А девочка-то выросла, — провожая взглядом дочь, отметил Ортон.

В назначенный день в озарённое красочным фейерверком космическое пространство отправился караван модулей. Глорианцы с особым торжеством провожали очередную экспедицию на Землю. Капитаном одного из модулей была юная рыжеволосая Джил. Её помощниками были неразлучные друзья Апол с Уни и андроиды: механик, биотехник, эксперт.

— Детка, что ты томишься над панелью управления, механик-робот справится с этим не хуже. Не стесняйся, подключайся к аппарату искусственного сна. Биотехник лучше любой няньки позаботится о нас во время полёта и по расписанию разбудит на Марсе. Пора баюшки, — с сарказмом бросил Апол, отправляясь в свою каюту.

Джил недовольно взглянула ему вслед. Её начинала раздражать чрезмерная опека и бесцеремонное отношение к андроидам. У девушки для каждого робота было припасено имя: Би — биотехник, Ме — механик, Эк — эксперт. И обращалась она к ним, как к себе равным.

После того как её помощники разбрелись по своим отсекам, Джил выбрала рацион питания, программу видений в аппарате искусственного сна и, пожелав счастливого полёта Би, Ме и Эк, отправилась в объятия Морфея.

На Марсе была предусмотрена остановка для дозаправки и технического осмотра. Модули один за другим совершали

посадки на космодроме, поднимая марсианскую пыль, затем так же, поочерёдно, взлетали в бесконечный космос. Джил долго всматривалась в фиолетовую даль, пытаясь уловить импульсы Земли. Её корабль на предельной космической скорости приближался к планете людей.

По инструкции их модулю надлежало зависнуть над условным сектором «Д», а затем на космолёте облегчённого типа облететь заданные точки для замены ретрансляторов.

– Все программы обеспечения полёта разработаны высококлассными специалистами на Глории. Неумомимые андрониды днём и ночью исправно следят за их выполнением. И зачем я здесь нужна? Как пассажир или наблюдатель, – роптала заскучавшая от длительного перелёта Джил. В силу своей неискущённости и юности она ждала какого-то чуда, или же на крайний случай чего-то чрезвычайного, неординарного. Но всё шло на удивление ровно и гладко. Наконец-то, панели загорелись ослепительной иллюминацией.

– Входим в экзосферу – сообщил металлический голос.

– Продолжить снижение до тропосферы, – оживилась Джил.

Её помощники, вошедшие в кабину управления модулем, удивлённо переглянулись.

– Не низковато ли, это чревато, – заметил Апол.

– Зато Эльбрус как на ладони, – стараясь не реагировать на нравоучительный тон, отозвалась девушка.

– Уж не намерена ли ты прыгнуть в объятия вечных снегов прямо из кабины? Это плохая идея, выбрось её из своей прелестной головки. Я обещал твоему отцу присматривать за тобой, – с усмешкой произнёс мужчина.

«Сколько можно терпеть этот тон», – подумала Джил и решительно отрезала:

– Доложите по форме!

– Хорошо, хорошо! – снизошёл Апол. – Капитан, прикажите роботам отстыковать и опробовать космолёт. Мы с Уни готовы отправиться для выполнения задания!

– В течение часа всё будет готово. Счастливого пути! – не отрываясь от экрана визуализатора, произнесла Джил.

– Детка, не стоит заморачиваться изучением местности через визуализатор. Роботы смогут отсканировать любой объект Земли с наибольшего расстояния и с наименьшими затратами, – заявил напоследок Апол.

Это замечание показалось обидным, хотя и было справедливым. Слезы досады заполнили глаза девушки. Она прекрасно понимала – это бунтует мужское эго. Апол был уверен, что станет капитаном модуля. В отличие от Джил, он несколько раз был на Марсе, из обсерватории детально изучал сектор «Д», один из самых обжитых на Земле. Но на брифинге по решению Галактического Совета было объявлено совсем другое имя – её, Джил, имя.

– Надо взять себя в руки! Никто не обещал, что будет легко. Отец предупреждал же, – утешала себя девушка.

На операцию по замене ретрансляторов по инструкции отводилось две недели. Космолёт уносил Апола и Уни в сторону Уральских гор, стремительно погружался в фиолетовую бездну, растворяясь в бескрайнем космосе, следуя заданному навигатором маршруту. А Джил ещё долго стояла у визуализатора, не в состоянии оторваться от величественной картинки на экране. Она впервые видела белоснежные шапки на пиках гор, бескрайние ковры пёстрых трав. Она любовалась лесами самых разнообразных оттенков от изумрудного до бурого, хрустальным блеском быстрых ручейков. Всё это просто заворожило девушку.

– Как сказочно красиво! Как прекрасна Земля! Моя мечта сбылась! Я на планете людей! Я сделаю всё, чтобы поселиться среди них, понять и принять их! Почему люди не ладят меж собой? Почему убивают друг друга? Откуда такая озлобленность? Неужели планету людей поразил вирус агрессии, тот самый, который когда-то уничтожил всё живое на Марсе.

Джил задалась целью выяснить это.

К концу второй недели Ме объявил:

– Капитан, коэффициент трения недопустимо высок, у нас интенсивно расходуется топливо. Необходима дозаправка.

Джил включила режим видеоконференции и запись, которая автоматически отправится сначала на Марс, а только потом на Глорию в центр управления полётом. Сделала она это намеренно. Она приступила к осуществлению тщательно продуманного плана.

– Механик, доложите обстановку текущего момента, – командовала Джил.

– Капитан, интенсивность расходования топлива превышает допустимые нормы. Требуется дозаправка.

– Эксперт, что рекомендовано в инструкции? – спросила Джил.

– Предусмотрен физико-химический способ извлечения топлива из воды.

– В таком случае отсканируй, пожалуйста, где здесь ближайший крупный водоём.

– Ближайшее водное пространство – внутреннее Чёрное море.

– Вот! Эта ситуация очень даже кстати, – загадочно улыбнулась Джил...

Когда измотанные Апол и Уни вернулись с задания и отправились по каютам отдыхать, Джил командовала:

– Приводняемся в Чёрное море!

– Капитан, резервуары наполнены водой, запускаем био-реакторы, через 12 часов в баки поступит топливо.

Механик едва успел отчитаться о проделанной работе, как раздался пронзительный вой сирены. На световых табло ослепительной иллюминацией загорелись надписи: «Опасность». Металлический голос оповестил: «Поликомпозитная обшивка модуля повреждена. Вышли из строя никелевые отражатели».

Эксперт, после тщательного сканирования внешней оболочки модуля, сообщил:

– Агрессивная среда моря вступила в необратимую реакцию с покрытием корпуса. Устранение повреждений в данных условиях невозможно.

Неморгающие глаза на неподвижных лицах андроидов всегда смешили Джил, она отвернулась, чтобы не было видно её довольного лица. «Насколько же они уязвимы и беспомощны. Безусловно, у каждого из них глубокие, специфические познания. Но составить общую картину происходящего искусственный разум, в отличие от живого, не может», – торжествовала Джил.

– Ты что, специально это сделала? Так хочется воплотить свою навязчивую идею, что готова пожертвовать всем: и нами, и кораблём, – вспыхнул ворвавшийся в кабину помощник.

– Апол, успокойся, пожалуйста! Неужели тебе не хочется посмотреть на мир людей поближе. Когда ещё представится такая возможность? Целых три года жизни только ради прогулки по космосу? Нас жители Глории не поймут, – невозмутимо проговорила девушка.

Взглянув в ласковые глаза Джил, Апол, сбавил свой тон:

– Возможно, ты права. Погостим у землян.

В это время на световых табло появилось сообщение с Глории: «Для дозаправки модуля вам следует приводниться в бассейне внутреннего Белого моря, координаты в инструкции». Апол расхохотался, Джил, глядя на него, тоже не смогла удержаться от смеха.

– Капитан, мне кажется, кого-то не хватает, я бы всыпал за такое по первое число!

По специальной связи Апол объявил:

– Уни, чёрт бы тебя побрал, ты снова отключил аварийку. Просыпайся. Нас ждут грандиозные приключения!

В ответ раздался сонный голос:

– Вау! Мой монитор показывает, что мы на дне Чёрного моря! Это наша милая пилотка так залетела. Она к тому же, похоже, ещё и дальтоник на весь мозг. Что белое, что чёрное – ей всё одно!

– Ну, ты, чудило, полегче!

– Ладно, дай поспать, теперь нам спешить некуда! – пробубнил Уни и перевернулся на другой бок.

– Ну что, героиня ты наша, докладывай о происшествии, – проговорил Апол.

Джил решила в первую очередь обо всём сообщить отцу. Через космическое пространство полетели робкие слова: «Отец, не знаю, как и сказать. В общем, мы застряли в Чёрном море...»

– А я другого и не ожидал.

– Прости, прости меня! Так получилось.

– Ладно, не оправдывайся. Совет назначил тебя капитаном, потому что у тебя самый высокий коэффициент воли к внедрению. Я пытался, как мог, отговорить тебя от этого рискованного шага, но увы... Так что действуй, от вас ждут детального отчёта. Меня несколько успокаивает, что вы в Европе, а не в Африке.

Между Марсом и Землёй зафрахтован корабль, через два месяца он вас заберёт.

Улыбка пробежала по лицу Джил, всё устраивалось как нельзя лучше.

– Приступаем к операции «Внедрение», – восторженно заявила Джил.

– Эк, отсканируй близлежащий берег. Собери всю информацию об обитателях.

– А что, премиленький берег, – возник у капитанского пульта проснувшийся Уни.

– Когда мы возвращались на модуль, я обратил внимание, там жизнь бурлит: все плавают, загорают, длинноногие красавицы танцуют, развлекаются. Я не прочь вместе с ними повеселиться, порезвиться, а то уже полтора года в замкнутом пространстве.

Через несколько минут металлический голос выдал:

– На берегу находятся люди различных сословий, одни загорают, занимаются водными видами спорта, другие их обслуживают, следят за ними. Недалеко находятся шалаши из веток, там живут бомжи, самая примитивная социальная группа. Основное их занятие – распитие спиртных напитков. Главное условие обитания на берегу – наличие паспорта.

– А что, я бы пожил в таком шалаше, позагорал, побездельничал, а паспорт можно позаимствовать на взаимовыгодных условиях у этих самых бомжей, и с социальной адаптацией проблем не будет, – вставил Уни.

– Да, мне доводилось наблюдать с Марса через телескоп за этой категорией людей, проблем, точно не будет. Ну вот, мы и определились – подмигнул Апол.

– С вами-то всё ясно, а мне для сбора психологического анамнеза нужно внедриться в элитную среду. Социальный

статус бомжей слишком низок, чтоб хоть как-то влиять на перспективы развития общества, – со знанием дела высказалась Джил. Уни и Апол переглянулись.

– Оказывается, мы недооценивали нашу малышку..., – прошептал Уни.

– Эк, собери всю информацию о вакансиях самых престижных организаций этого города, – попросила девушка.

Список получился внушительным. От такого количества информации рябило в глазах. Захотелось спать. По всем меркам: и глаголанским, и земным наступила ночь. «Утро вечера мудренее», – вспомнилась одна из земных поговорок.

– Джил! Ты не спишь? Здесь такое дело, выходи, идём к визуализатору, – раздался голос Апола.

На мониторе было видно яхту, болтающуюся среди огромных волн неистово бушующего моря.

– Сейчас это судно пойдёт ко дну, там точно есть девушка. Слышишь её крик? Проговорил Апол, внимательно наблюдая за Джил.

– Так объявляй тревогу! Мы должны её спасти! Что тут раздумывать.

Подбирая слова, чтоб не ранить сердца утончённой Джил, Апол осторожно вымолвил:

– У неё наверняка есть необходимые документы, и ты сможешь воспользоваться и паспортом, и личностью незнакомки. Это шанс.

Тут раздался скрежет, яхта разломилась на глазах глаголанцев, пошла ко дну.

– Быстрее, в батискаф, – прокричала Джил.

Штормящее море завесой поднятых со дна частиц грязи преградило путь глорианцев. Как они не старались как можно быстрее пробиться сквозь волны на помощь утопающим, стихия была сильнее их. И только после того, как были включены приборы тепलोкации, им удалось обнаружить ещё неостывшие тела. Джил не могла сдержать слёз.

– Не переживай так, мы ничем не смогли бы им помочь. Непонятно, зачем они отправились в море в такой шторм?

Подождав, пока девушка успокоится, Апол продолжил:

– Ну, раз так произошло... Пусть Эк отсканирует всю информацию с тел землян.

– Какая красивая девушка... – прошептала подавленная Джил, рассматривая утопленницу.

– Вы с ней похожи: и рост, и волосы. Овал лица чуть-чуть другой и носик. Биотехник тебя за пару часов преобразит. Будете как две капли воды.

– А что с трупом мужчины делать? – спросила Джил.

– О! Это не простой труп. Столичный мажор. Завтра же набегут родственники, так что его лучше в каюту затонувшей яхты вернуть, – заявил Апол.

– Уже по местным СМИ вовсю трезвонят о трагическом ночном происшествии, – продолжил тему Уни.

– А вот с погибшей нам повезло. Она из Владивостока, это с другой стороны материка, совсем недавно приехала на побережье в поисках работы. По специальности – дизайнер. Из родственников, только бабушка. Родители погибли в автокатастрофе два года назад. Так что её не сразу хватятся.

Вся информация о девушке была отсканирована и помещена на специальное устройство. Через некоторое время из операционной модуля вышла преображённая Джил. Теперь она звалась Еленой. В её позвоночник был надёжно

вшит чип с информацией о девушке, тело которой было временно скрыто в специальном контейнере.

Спать в эту ночь не довелось. Команда гларианцев приступила к реализации плана «внедрение». Апол и Уни решили поселиться среди местных бомжей на берегу.

— Так будет удобнее контактировать и с модулем, который на дне моря, и с капитаном. Будем надеяться, что Джил удастся внедриться в светское общество, — подытожил Апол, взявший инициативу в свои руки.

Ранним утром местные спасатели, вышедшие в успокоившееся море, нашли полуживую Елену в надувной лодке, недалеко от берега.

Девушка, действительно, чувствовала себя не лучшим образом. Её мозг готов был разорваться от поступающей информации из чипа, вшитого в её тело. Ей сложно было совладать с чувством раздвоения личности. Би рекомендовал погрузиться в глубокий сон. В сновидениях можно было без труда отследить жизнь двойника. Но к сожалению, времени для этого не было.

Пока Джил везли в городскую больницу, она про себя твердила: «Я — Елена, я — Елена». Понемногу ей удалось выудить из чипа адрес проживания и другую необходимую информацию.

После обследования, по просьбе девушки, сердобольные сотрудники больницы подвезли её домой на той же перевозке, на которой она была доставлена в учреждение скорой помощи.

У порога её встретила хозяйка съёмной квартиры:

— Леночка! Я уж думала, что ты утопла.

— К сожалению, сумочка с ключами пошла ко дну...

— Да не беда, ты ж за год вперёд заплатила. Или это твой богатый поклонник? — лукаво подмигнула женщина.

– Царство ему небесное, нашли утопленника в яхте. И зачем вы в такой шторм-то поплыли? Ладно, отдыхай, вот тебе ключи.

– Э... э... э, – девушка попыталась обратиться к хозяйке квартиры.

– Марья Ивановна, – последовала подсказка.

– Марья Ивановна, не помню, куда подевала свой паспорт.

– Так он у меня, ты ж просила временную регистрацию оформить, чтоб на работу-то устроиться. Завтра принесу. А ты точно хорошо себя чувствуешь? Может, зря из больницы сбежала?

– Всё хорошо, не беспокойтесь.

После того как осталась одна, Джил тщательно изучила гардероб, все личные вещи и фотографии Елены. Это пролило свет на информацию, поступающую с чипа, помогло вникнуть в жизнь девушки с яхты.

– Я по поводу трудоустройства, – обратилась Елена к одному из охранников в камуфляже.

Молодой крепкий мужчина показал в сторону ресепшен:

– Проходите.

– Какая красotka, – присвистнул вслед другой охранник.

– Меня зовут Назарова Елена, мне назначено время.

– Да, да, идёте, вас ждут, – отозвалась девушка с ресепшен.

За дверью с надписью «Генеральный директор» миловидная секретарша увлечённо разговаривала по телефону. С недовольным видом она отклеилась от трубки и процедила:

– Ждите, сейчас доложу.

В просторном кабинете по стенам висели грамоты, дипломы в ярких рамочках, вымпелы «Лучший санаторий».

Женщина пенсионного возраста, окинув оценивающим взглядом посетительницу, спросила:

– Замужем? Дети есть?

Получив отрицательный ответ, довольно заулыбалась:

– Я думаю, вы нам подойдёте!

Со стола сняла трубку.

– Гхаля! Сюда подойди! Да пошевеливайся, – с кубанским выговором произнесла директриса.

Вскоре в кабинет вошла длинноногая девушка в обтягивающей мини-юбке с распущенными чёрными волосами.

– Глория! – представилась она. Несколько удивлённая Елена про себя отметила: «Амбициозная, привлекательная и наверняка, тщеславная. Этот поворот с именем о многом говорит».

– Вот тебе помощница, а то всё стонешь, что слишком перегружена.

– Конечно, уже к новогоднему корпоративу нужно готовиться, съедутся со всех концов, – буркнула черноволосая красавица.

– Так до Нового года больше трёх месяцев, – вытаращив усталые глаза, возмутилась женщина.

– Так потом все лучшие группы разберут, и нормальных ведущих не останется. К тому же и сессия на носу.

– Ты уж не подведи, – назидательно произнесла Глафира Кузьминична.

Она, словно заботливая мать, лично определила свою подопечную в университет туризма и сервиса на заочное отделение.

Женщина кивнула в сторону новенькой:

– Введи её в курс дела. А то некоторые жалуются: никакой рекламы нет. Задолбали с этой рекламой...

И, взглянув вслед Глории, проворчала:

– Что за наряд на тебе, вся задница наружи. Сегодня вроде бы никакой комиссии не предвидится.

Девушка, вызываяще ухмыльнувшись, потянула юбку вниз.

– Однако, обращение. Интересно, Глория, это её псевдоним? В творческих кругах приняты двойные имена, – принялась размышлять Елена.

В конце коридора Глория распахнула дверь с надписью «Рекламный отдел».

– Проходи, вот за этим компьютером будешь сидеть и делать рассылки по городам и организациям. Напоминать, что санаторий «Приморский» – самый замечательный и комфортабельный! А ещё нам с тобой нужно придумать новые формы предложений, чтобы ехали на отдых не только в сезон, но и в межсезонье.

– А список клиентов, подписчиков? У вас же есть сайт, как можно найти? – поинтересовалась Елена.

– Сайтом, мне честно говоря, некогда заниматься, давно его не обновляла...

– Так я и займусь этим, сделаем страницу привлекательной для подписчиков и будем предлагать свои услуги.

– Ну, я смотрю, ты шаришь в этом. Мне пора на репетицию. Готовлю репертуар к новогоднему празднику. До завтра. Только ты не опаздывай. Иногда, с самого утра Глафира Кузьминична любит на планёрки созывать.

Елена хотела о многом расспросить Глорию, или Галину, но та так и не появилась в офисе: ни на следующий, ни в последующие дни.

– Странная какая-то, себе на уме. Вот бы сюда Эка с его сканером, не пришлось бы гадать, что это за штука.

А сканер даже не пригодился. Обо всём с самыми мелкими подробностями Елена узнала на субботнике, которые устраивались каждую неделю.

В пятницу, в конце рабочего дня, залиvisto зазвенел телефонный аппарат.

– Странно, впервые слышу, что он звонит, да, я слушаю. Что? Субботник, в спортивной форме?

Елена о многом узнала на своём первом субботнике: и про Галю, и про Глафиру. Узнала, что субботник – это бесплатный труд на благо организации, что в штате недостаёт уборщиков помещений и дворников, потому-то и приходится всем сотрудникам санатория в свой законный выходной драить полы, мыть окна, облагораживать территорию.

И ещё, сотрудники наперебой, взахлёб поведали, что родители генерального директора санатория «Приморский», Глафиры Кузьминичны, проживают в одном и том же кубанском хуторе с семьёй потомственных казаков Чельных, где и выросла Галя. В наследство от матери Гальке достались косы до пояса и статная фигура. Ну, а главное – это голос. Бывало, на праздниках, как запоют на всю округу: «Неси Галя воду...», и Галя спивала звонче всех. Но со временем певице наскучили кубанские песни, а от собственного имени её просто стало выворачивать. Она задалась целью вырваться из казачьего хутора. Как-то увидела юная Галя шикарную иномарку возле соседского двора, и в её голове созрел план. Стала она навещать престарелых соседей, помогать им по хозяйству. Таким образом, Галине удалось сойтись с генеральным директором «Приморского». Сначала устроилась юная казачка простой горничной. А потом, песнями, да ста-

тью своей девичьей полюбилась она номенклатурным за-
всегдаям престижного санатория. Тут карьера её и пошла
в гору.

Из всего услышанного Джил сделала вывод: «Красивую ка-
зачку-певунью в санатории недолюбливают».

В воскресенье Джил-Елене удалось вырваться на берег.

— О, вы хорошо устроились, душевую кабину, палатки с мо-
дуля притащили, а что за застолье, что пьёте?

— Это абхазское вино, мы реквизировали его с яхты, что до-
бру пропадать? Кстати, земляне знают толк в виноделии, — от-
метил Апол.

— Присаживайся.

Стол ломился от разнообразных фруктов, жареной и вяле-
ной рыбы.

— Вот попробуй уху, уверен, вкуснее этого ты ничего не ела.
Джил поднесла ложку супа ко рту.

— О... это нечто! Какой аромат?! Какая наваристая. Где вы
это всё раздобыли?

— Аборигены с низкой социальной ответственностью по-
казали заброшенные сады, чего там только нет: фрукты, яго-
ды, орехи... От них же узнали о рыбных местах. Бери удочку,
да лови и для удовольствия, и для пищи.

— А где Уни? — осматриваясь по сторонам, спросила Джил.

— Да вон, возле берега плещется.

Джил увидела загорелого парня спортивного сложения, ко-
торый учил плавать русоволосую красавицу.

— Это Уни, что ли? Вы здесь время зря не теряете.

— Капитан, а как твои дела? — с неподдельным интересом
спросил Апол.

– Устроилась на работу помощником директора рекламного отдела, – сообщила Джил...

– Ну и как?

– У людей явно смещены приоритеты. Вместо того чтобы роботизировать несложный процесс по уборке помещений и территорий, они предпочитают утомительный ручной труд. А Глория, которой больше всего нравится петь, почему-то занимается рекламой, в которой ничего не смыслит.

– Глория? Это в честь нашей планеты?

– Возможно, – задумчиво произнесла Джил и продолжила, – И почему они не хотят применять свои технологии, которые позволяют летать им в космос? Они даже полёт на Марс готовят.

– Марс, космические полёты, – это удовлетворение амбиций небольшой прослойки людей. А основная масса землян влачит жалкое существование, им не до высоких технологий, им бы хлеб насущный раздобыть, – сообщил Апол.

– Откуда такие сведения?

– О...о...о! Среди бомжей есть высокообразованные люди. Даже есть профессор, которого внучка выгнала из собственной квартиры на улицу.

– Так вы ещё здесь и дискуссии устраиваете?

– А как же, вносим посильный вклад в исследования, – похвастался Апол.

– Мне нужен мой рабочий планшет. У них такие компьютеры, с места не сдвинешь. Никакой производительности.

Упаковав планшет, Джил спросила:

– Вы бываете на модуле?

– Иногда, по ночам. Это рискованно. Сторожевые катера спнут. Но без нашей помощи андроидам не справиться. Нуж-

но законсервировать отсеки, обернуть защитной плёнкой все комплектующие.

– А что будет с роботами потом?

– Они останутся в законсервированном модуле. Перед вылетом мы вкопаем его в дно.

Слёзы навернулись на глаза Джил: «Они для меня стали семьёй, столько хорошего сделали для нас».

– Не трави душу, ты думаешь, нам не жаль. Следующая экспедиция их расконсервирует, произнёс Апол, потом добавил:

– Возможно, корабль подарят землянам, если будут хорошо себя вести, зачем на Глории устаревшие конструкции.

– Мне пора, – Джил отошла от стола. Мужчина взял девушку за руку и, заглядывая с особой нежностью в её прекрасные глаза, тихо произнёс:

– Я прошу, без фанатизма, не увлекайся...

На следующей неделе в офисе появилась Глория.

– Идём на планёрку.

Глафира Кузьминична внимательно выслушала главврача, записала в книжечку его просьбы и предложения. Потом с добродушной улыбкой очень долго беседовала с шеф-поваром, как будто в кабинете кроме них никого больше не было.

Вдруг эта идиллия резко прервалась.

– На входе двери заляпаны, что трудно тряпку взять и протереть? – с негодованием обратилась изменившаяся в лице Глафира Кузьминична к администратору приёмного отделения. – Без премии хотите остаться?

– Ой, недосмотрела, – стала оправдываться сотрудница.

– Главное – чистота, чтоб всё сверкало и блестело. Я вот сама в кабинете окна мою, ничего, не переломилась. И дежур-

ным, и администраторам, в качестве разминки, можно тоже швабру в руки почаще брать. Всем всё ясно?

– Я предложение подготовила по созданию сайта для разновозрастных категорий, – проговорила Елена.

– Что ты там подготовила? Я в этом ничего не понимаю. Глория, разберись.

На том планёрка завершилась.

– Я смотрю, ты уже вникла, просто с головой ушла в работу, да расслабься. Молодость и красота не для того даны, чтобы растрачивать их просто так, – вкрадчиво промурлыкала Галина. – У нас филиал в Абхазии есть, там совещание спонсоров намечается на выходные. Поехали? Глафира сказала, что потом отгулы предоставит.

– Нет, нет, я не могу, – начала отнекиваться Елена.

Недовольная таким ответом Глория поморщилась. Чтоб сгладить момент Елена сообщила:

– А как насчёт моего предложения по поводу нового сайта?

– А? Ну, да! Давай, дерзай.

– И ещё, чтоб привлечь гостей в зимний период, нужен регулярно курсирующий трансфер на горнолыжный курорт и прокат спортивного инвентаря. А также я изучила интересы разновозрастных категорий..., – Елена не успела договорить.

– Хорошо, попозже доложу Глафире, – прервала Глория.

– Мне нужно бежать. На халяву минуса обещали с беками мировой звезды-Мадонны.

«А звезда-то не обидится», – напрашивался справедливый вопрос. Но след певицы уже простыл.

Глория в офисе практически не появлялась. Девчонки с ре-сепшен хихикали: «Нашла, наконец-то, себе замену, а главное, на субботах есть, кому за неё работать!» Елену это ни-сколько не смущало. Ей даже нравилось, что никто не отвле-

кает от самого важного, для чего она прибыла на Землю. Она без оглядки могла ежедневно подробно описывать в отчётах свои наблюдения и умозаключения.

Джил, получив личный планшет, продолжила записи в дневнике.

05.10.19. Земляне активно пользуются социальными сетями, освоить их с моим планшетом не составило труда. Создала, как здесь говорят, продвинутый сайт. Закачала на профиль необходимый для эксперимента материал.

06.10.19. Развернула на сайте дискуссии по темам: «Алгоритм счастья», «Внутреннее благополучие и внешнее благосостояние», «Время меняться». Не ожидала такой лавины отзывов, а главное, подписчиков. Пытаюсь достучаться до каждого, объяснить, что личного счастья и благополучия не бывает без всеобщего благосостояния. Отзываются по-разному. Кто-то с неприкрытым цинизмом или пошлостью. К счастью, таких немного. Основная масса подписчиков с интересом включается в дискуссии. Не считаясь со своим временем, стараюсь ответить каждому, для каждого подобрать нужные слова.

13.10.19. Количество подписчиков растёт, очень многих волнует проблема неравенства. Жалуются на вопиющую несправедливость их общества. Едва хватает времени, чтоб всем отвечать.

15.10.19. Открыла дискуссионный клуб для подростков «Город Солнца». Предложила создать модель города мечты. Поступает небывалое количество предложений. Многие мечтают найти панацею от невзгод, жестокости и несправедливости.

Мои умозаключения: земляне с рождения сталкиваются с насилием, сначала это происходит в семье, затем – на производстве. Насилие перерастает до глобальных размеров целого общества. Словно дамоклов меч над человеком с детства

довлеет закон случайностей. Никто не застрахован от того, чтоб в любой момент оказаться не в том месте, кампании, в непростых обстоятельствах. В любой момент всё может пойти наперекосяк.»

В сетях Джил снискала репутацию социального психолога. Она завладела многочисленной аудиторией. От желающих получить консультацию или нужный совет, не было отбоя. Дошло до того, что некоторые спрашивали: «У меня бессонница. Что делать?» К концу месяца на сайте было столько подписчиков с наболевшими вопросами и предложениями, что Джил едва хватало времени на переписку.

Всё шло подозрительно ровно и гладко, но согласно теории чёрно-белого кино, белая полоса закончилась. У стола Елены появилась Глория.

– А!!! Что это за аппарат! – с восхищением, уставившись на планшет, простонала Глория. – Где взяла?

Елена лихорадочно начала придумывать более-менее правдивую историю:

– Это мне мой бойфренд подарил.

– Кто он, колись.

– Его уже нет в живых. Антон Гурьянов.

– Это, тот, что на яхте... А я голову ломаю, где я могла тебя видеть? Ты же топ-модель. На фестивале Бархатные сезоны ты взяла титул «Мисс очарование». Антон, да на нём все бабы висли, денег куры не клюют, тебе ещё колечко при всех вручил. Теперь ты от меня не отвертись. В воскресенье меня пригласили на званый ужин, просили, чтобы я была с подружкой, – затараторила без остановки возбуждённая своим открытием Глория.

– Ты хоть просвети, кто там будет, что за публика, – нехотя отозвалась Джил, чтоб хоть как-то утихомирить собеседницу.

– Да продюсеры, режиссёры, актёры. Представляешь, мне предложили роль в кино, – начала бахвалиться Глория.

– Ну ладно, – согласилась Елена, прекрасно понимая, что любой другой ответ вряд ли понравится её приятельнице.

Лицо Глории озарилось лучезарной улыбкой. Она давно мечтала обрести подругу под стать, которой ей так не хватало. Если б только она могла тогда знать, что всё получится с точностью наоборот. После званого вечера Глория затаила горькую обиду: «Пригрела змею у себя за пазухой». Завистливая и тщеславная казачка с кубанского хутора не могла простить изысканной, эрудированной Елене её превосходства. Утончённая гладиаторша покорила бомонд не только своей красотой, но и познаниями в области искусств. Продюсер, обещавший роль Глории, переметнулся к её подруге. Весь вечер не сводил глаз с Елены и вызвался её провожать. Такой оборот стал потрясением для Глории. У неё случился нервный срыв. Она не могла ни есть, ни спать, ни работать. И на неделю исчезла из поля зрения. Это был первый звоночек, за ним последовали события, которые стали началом завершения так удачно начавшегося эксперимента Джил.

– Алло я слушаю, – с раздражением сняла трубку разрывающегося телефона Глафира Кузьминична.

– Опять нет этой Лизы, на свою голову приняла к себе секретаршей дочку главы администрации района. Вечно её нет на работе: то дети болеют, то именины, то пикник. Да и когда на работе – никакого толка от неё. Ведь и не выгонишь теперь её, и замечания лишний раз не сделаешь, – возмущалась втихомолку директриса.

– Говорите же уже, – закричала женщина в трубку.

– Это служба безопасности санатория, здесь спустили директиву из центра информационной безопасности ФСБ. В связи с создавшейся ситуацией использования социальных сетей для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, обязать руководителей организаций усилить контроль над сайтами.

Из всего услышанного совершенно неподкованная и не считающая нужным осваивать современные технологические новшества женщина, поняла только одно слово – ФСБ. Это вызвало в её душе панический страх.

– Говорите яснее, ничего понять не могу.

– Глафира Кузьминична, мы прошерстили социальную сеть и обнаружили неестественно большой приток подписчиков на сайте рекламного отдела. Месяц назад там была всего тысяча подписчиков, а сейчас около десяти тысяч, половина из них – подростки. Развёрнута странная дискуссия – алгоритм счастья. Размещено приглашение в какой-то город Солнца. Как-то подозрительно. Разберитесь, иначе могут быть неприятности. Мы вам документик на почту сейчас сбросим, ознакомьтесь и отпишитесь.

– Лиза, Лиза! – засуетилась Глафира. – Её же нет, – вспомнила растревоженная женщина. – Что за сайты, какие подписчики, я ж в этом, как свинья в апельсинах, – вконец разволновалась директриса.

Получен, можно сказать, государственный заказ. Время шло, а руководительница, привыкшая выполнять все поручения свыше незамедлительно, никак не могла приступить к его реализации из-за элементарной компьютерной неграмотности. Она готова была со всей своей пролетарской ненавистью кинуться выполнять поручение, но никак не могла врубиться, как это сделать.

– Ах, вот, – наконец-то сосредоточилась Глафира. – Рекламный отдел, там какой-то подозрительный приток подписчиков. Чёрт бы их побрал! Где эта вертихвостка, директор отдела, сейчас я ей хвост-то накручу. Подписчиков она там развела.

Трясущимися руками директриса набрала номер Глории.

– Ты где? Заболела она! Немедленно ко мне. Ты хочешь, чтоб меня с работы сняли? Что у тебя там за сайт? Что за подписчики?

Прибывшая в кабинет генерального директора Глория не сразу смогла понять, что от неё нужно ругающейся матом, раскрасневшейся женщине.

– Глафира Кузьминична, но объясните толком. Что за распоряжение ФСБ, дайте взглянуть.

– Да я бы сама взглянула, вон, в электронной почте.

Глория зашла на почту, скопировала и распечатала документ. Пробежала глазами по первому попавшемуся предложению: «Подозрительно большой наплыв подписчиков на сайте рекламного отдела...» Даже не вникнув в суть документа, она, со злорадством и чувством пылающей мести, начала действовать, изливая всю накопившуюся обиду:

– Это всё помощница, которую вы приняли на мою бедную голову. Это она этот сайт придумала и привлекла на него столько народу.

– Ну-ка, быстро её сюда!

Бесцеремонная Глафира Кузьминична швырнула на стол перед Еленой только что напечатанный текст.

– Что за деятельность ты там развела, что аж в ФСБ заинтересовались?

Елена, прочитав документ, спокойно ответила:

– Сайт для привлечения клиентов во вручённый вам санаторий, где оздоравливают не только тело, но и душу. Просвет-

ляют разум. Не стоит так беспокоиться, никакого криминала там нет, уверяю.

– Как же мне не беспокоиться, если из ФСБ сообщают, что подозрительное количество, этих, как их...

– Подписчиков, – подсказала Глория.

– Во, во, – взвилась директриса.

– Что за город Солнца, куда там всех зазываешь. Секта, что ли?

– Прочитайте внимательнее, это ваша служба безопасности, а не ФСБ, интересуется наплывом подписчиков. Им поручили, они выполняют. Я могу предоставить справку. Подписчиков, действительно много, придётся пару дней повозиться.

– Не надо мне никакой справки, уничтожьте этот сайт, жили мы без сайтов, и дальше будем жить!

Но Елена не отступала, спокойно и уверенно приводя аргументы в пользу нового сайта. Глория давно поняла, что правда на стороне её помощницы, но вмешиваться не стала.

Растратившая свой пыл и гнев Глафира Кузьминична вдруг разразилась рыданиями:

– Ну миленькая, как дочку тебя прошу, убери этот сайт. Если меня уволят, на какие шиши я буду больных родителей лечить, сыну ипотеку выплачивать?

– Странно всё это. В таком случае мне проще уволиться, если я вас не устраиваю – обронила растерявшаяся от такого поворота событий Елена.

– Да как работник, ты – золото. Трудолюбивая, добросовестная, грамотная. Если бы все такими были, мы коммунизм давно бы построили.

Женщина схватилась за сердце.

– Тёточка Глашечка, где лекарства? – всполошилась Глория.

– Может быть, врача вызвать, – предложила Елена.

– Да пиши уже заявление, собирай вещи и уходи, – огрызнулась Глория, дрожащими руками роаясь в сумочке Глафиры, в поисках лекарств.

Наконец-то ей удалось найти нужную коробочку. Растворив таблетку в стакане с водой, Глория принялась отпаивать бледную как мел женщину. Пришедшая в себя Глафира Кузьминична прохрипела:

– Она уже ушла? Верни её, толковая девка. Приведи её сюда.

– Ну, ладно, если она ещё здесь, попробую. Но бегать за ней не собираюсь, – с апломбом заявила девушка.

В кабинете на столе Глория увидела заявление об увольнении и записку, которая лежала на планшете Елены: «Прими в дар этот планшет. Инструкцию, как им пользоваться, найдёшь на своей странице рабочего компьютера. Ты многого не знаешь обо мне. Я прибыла с планеты Глория, чтоб изучить психологические аспекты межличностных отношений людей. Все мои соображения по этому поводу в планшете. Там же найдёшь письмо. Возможно, ещё встретимся. Джил».

Ошарашенная таким поворотом Глория, не веря своим глазам, ещё раз перечитала записку. Потом, взяв себя в руки, начала лихорадочно вникать в содержание оставленной инопланетянкой инструкции.

Глория вошла в кабинет директора с планшетом в руках.

– Вот оно письмо.

– Где ты пропала, за смертью только посылать.

– Тёточка Глашечка, как вы? Здесь такое дело. Не знаю, как и сказать.

– Да уж говори как есть, – начала было раздражаться пришедшая в себя Глафира.

– Елена, это не Елена, а Джил. Она инопланетянка!

– Да ладно?

– Вот, она мне свой планшет оставила.

– А я-то думаю, какая-то она не такая, не от мира сего! Ты никому, случайно, ничего не растрезвонила? Если прознают об этом, точно разгонят весь наш санаторий вместе со мной, к чёртовой матери, – заговорщически просипела Глафира Кузьминична.

– Ну, читай уже, чего застыла, – прикрикнула оживившаяся директриса.

Глория начала читать письмо вслух.

«Глория, или Галя? Позволь называть тебя Галиной, поскольку это имя, данное родителями – твой генокод. Если ты читаешь письмо, значит, смогла распечатать планшет. Я нисколько не сомневалась в твоих способностях. Если бы ты жила на нашей планете, несомненно, с такими исключительными данными, была бы звездой. Но на Земле из-за несовершенного устройства общества, тебе приходится растрачивать себя по пустякам. Я давно мечтала побывать на вашей планете. Когда увидела её с высоты тропосферы, то сразу влюбилась. Меня очаровала первозданная природа Земли, на которой остались заповедные места, где не ступала нога человека. В отличие от вашей планеты на Глории нет таких мест. У нас все территории учтены, распределены по секторам, где внедрены самые передовые технологии. В каждом секторе техногенные парки, лесозоны для отдыха и занятий спортом, оранжереи, вольеры для животных с вечнозелёной травой, аквапарки, храмы для занятий искусством, наукой. Благодаря научным достижениям, в секторах можно программировать климат, погоду, регулировать темпе-

ратуру. Есть специализированные зоны, где в течение дня можно поплавать, позагорать, поваляться в снегу, спуститься с гор на лыжах. Кругом идеальный порядок и чистота, за которым следят роботы, которые выполняют всю рутинную и тяжёлую работу. Освобождённые от ненужных забот глорианцы занимаются совершенствованием своих мыслей, чувств, эмоций. Каждый выбирает для себя любимое дело, это могут быть как искусство, так и наука, литература или спорт, созерцание. Да мало ли чего можно выбрать для себя. Мои родители – исследователи космоса. Я пошла по их стопам.

С детства все проходят обучение в академии межличностных отношений. Изучают психологию, риторику, приятные манеры. Учатся контролировать свои эмоции и чувства. Особое внимание уделяется здоровью. Средний век глорианцев составляет более ста пятидесяти лет. На Глории внедрена специальная программа «Гармония», при помощи которой достигнуты душевное равновесие наших жителей, справедливое распределение и рациональное использование ресурсов, обеспечен всеобщий достаток. Особой заботой окружены малыши и возрастные глорианцы.

Если нажать на клавишу «Голограммы», то получится семимерное голографическое изображение, экран планшета нужно направить вверх. Вы всё сможете увидеть своими глазами».

Глория сделала так, как было рекомендовано. В ту же минуту кабинет заполнили объёмные изображения красочных видов с далёкой планеты, необыкновенный тонкий аромат и чарующие слух звуки.

– Так это ж рай! – восхищённо проговорила Глафира, осматриваясь по сторонам.

– Живут же где-то без забот, без хлопот в своё удовольствие! Как ты говоришь, называется планета?

– Глория! – отозвалась заморожённая зрелищем девушка.
– Наверно, не случайно ты выбрала именно это имя. Видишь, всё как обернулось. Как тут не поверить в магию имён, – заключила Глафира.

И с придыханием восторженной таинственности прошептала: «Глория...»

Александр Никишин

«НАЛЕВО»

Комиссар всегда присутствовал за столом, когда ели, хотя в такой пище не нуждался. Да и насыщался он от случая к случаю и мог без еды безущербно функционировать несколько недель. Пока зелёная линия, делившая его бледное, силиконовое тело пополам, сохраняла сочную яркость, состояние Комиссара считалось нормальным. Если начинала тускнеть — это означало, что ему необходимо подкрепиться и сходить за этим к белому Кресту.

На обед были спагетти из теста, намешенного из ягелевой муки, которую намолотили крестьянки. Вдали, на цилиндрическом изгибе корпуса, были видны их пёстрые, плоские фигуры, ползающие по плантациям пищевого ягеля, белкового мха и грибов. Крестьянки же прислуживали за столом.

Плоские, двумерные, словно вырезанные из фанеры, фигуры с броской картиной многочисленных линий сгибов споросновали туда-сюда. Несли блюда, посуду и приборы для сервировки стола, учитывая вкусы и предпочтения пассажиров.

Комиссар непринуждённо сидел на трёхногом, вплавленном в пластик пола, табурете, расстегнув куртку из кожзаменителя, который был раз в сто прочнее и долговечнее самой лучшей выделки кожи, с огромным количеством карманов. В каком из них скрывался «Маузер», оставалось только догадываться.

Его не обслуживали. Он питался по другому принципу.

Крестьянки хлопотали вокруг пассажиров, сидящих за столом.

Их было двое. Он и она. Молодые мужчина и женщина, настолько молодые, что их можно было принять за подростков.

Его звали Кандин, её – Малевия. Каля и Маля, между собой.

Перед Кандином стояло длиннущее блюдо, похожее формой на сноуборд. Перед Малевией квадратное, полметра на полметра, в размерах, и напоминающее шахматную доску из-за разграфлённости на квадраты-ниши. В каждом квадрате находились уложенные в спирали макаронины. На блюде Кандина они были выложены в ряды строго параллельных линий. Он ел палочками. Малевия пользовалась вилкой. Крестьянки-официантки стояли, по одной, сбоку от каждого пассажира, ожидая распоряжений. Спортсмены, висевшие у юноши и девушки на спинах, как плащи, и, охватывавшие своими конечностями их запястья и лодыжки, как кандалами, ослабили, на время принятия пищи, свою хватку.

– Как же он меня раздражает, – пожаловалась Малевия Комиссару на своего спортсмена. – Мне, временами, кажется, что он меня лапает. Похотливо лапает с тех пор, как впервые послужил мне губкой.

– Откуда ты знаешь значение слова «похотливо»? – спросил её комиссар бесцветным голосом.

– А вот знаю, и всё! – резко вскинула коротко стриженной головой Малевия так, что подпрыгнули её обнажённые, крепенькие груди-шарики.

– Он, – она кивнула на Кандина, – когда-то трогал меня... Я тогда очень испугалась! Его руки тогда превратились в лапы хищника! Это было по-хот-ли-во!

– Ну зачем ты так всё помнишь, Малечка? – сокрушался по этому поводу Кандин. – Тогда на меня нашло что-то и потянуло магнитом к тебе...

– Я тебе не железяка какая-нибудь! – Малевия резко вскочила со своего места, показывая неприкрытую наготу своего молодого тела, и, если бы ни конечности-щупальца спортсмена вцепившегося в неровности пола, девушка взлетела бы вверх на добрый десяток метров.

Гравитация на космолёте была одна тридцатая земной, и спортсмены, силовые андроиды специально были навешаны на тела пассажиров для того, чтобы, также, и удерживать от спорадических перемещений в невесомости, чреватых травматизмом.

– Отпусти!.. Отпусти, паршивец! – забарахталась Малевия, сиюсь вырваться из его захватов или хотя бы дотянуться до него вилкой, чтобы ткнуть. – Отпусти, а то хуже будет! Доберусь до тебя!.. – Кричала она исступлённо.

Так они боролись, пока девушка не выбилась из сил.

Спортсмены, как и крестьянки, были плоской конструкцией. Это было удобно. Они занимали совсем мало места и пролазили во всё щели и закоулки, а в сложенном состоянии, для транспортировки, занимали всего два кубических сантиметра. От крестьянок, действительно жёстких на ощупь, как фанера, спортсмены отличались эластичностью и шелковистой мягкостью. Однако сопротивляться им не имело смысла.

Спортсмены висели на спинах пассажиров, выполняя функции своеобразных экзоскелетов, нагружая своим натяжением мышцы, сухожилия и кости, не давая им атрофироваться в условиях пониженной гравитации. Они всегда были при пассажирах и освобождали их от своих объятий лишь на пару часов в сутки (даже ночью они не слезили с них), на время прогулок. Час утром, после завтрака, и вечером, после ужина, на тот же час, перед сном.

В эти часы Кандин и Малевия резвились, наслаждаясь прыжками, полётами и кульбитами в пространстве космолёта. Молодые люди смеялись и наслаждались свободой, хотя рядом, словно скаты манти в океане, парили плоские фигуры спортсменов. Они так же, как и крестьянки, имели, каждый, индивидуальные рисунки линий и сгибов, как параллельных, так и пересекающихся под различными, порой невообразимыми, углами, которые ломали глаза, создавая невероятные иллюзии.

И Кандин, и Малевия были совершенно обнажены, ведь микроклимат космолёта поддерживал идеальную для человеческого организма температуру, и в одежде нужды не было. К тому же в условиях практической невесомости мог наступить такой момент атрофии человеческих мышц и скелета, что давление простой резинки, поддерживающей штаны на талии, могло запросто сломать позвоночник.

Молодые люди могли поиграть, например, в салочки, и мимолётно дотрагиваться друг до друга, но не более того. Едва возникал намёк на более близкое соприкосновение телами, как в пространство между ними ограждающим экраном влетал какой-нибудь спортсмен.

Тот случай, которым Малевия укоряла Кандина, произошёл один-единственный, он же и последний, раз, несколько лет назад. Для Комиссара это было сигналом, что его подопечные вступили в стадию полового созревания, и перевёл спортсменов в режим препятствования плотской близости молодых людей.

Девственность представителей человечества требовалось сохранить для нового мира. Это было не моральным требованием, но являлось необходимым для проведения очередной процедуры биообновления, для обеспечения положительного чистого результата. «Загрязнённый» материал не годился.

Космолёт летел к одной из ближайших к Земле звёздных систем вот уже шестьдесят четыре года. При положительном раскладе, если теоретические расчёты по сбору межзвёздного вещества для питания двигателей, оправдаются, то полёт до конечной цели займёт ещё сорок – пятьдесят земных лет.

Для основания форпоста на экзопланете земного типа, существование на которой приемлемых условий для проживания человека было доказано, и были предназначены эти две разнополюные особи.

С учётом того, что здоровая женщина в период своей жизни с шестнадцати до сорока пяти лет может, в среднем, родить четырнадцать – шестнадцать детей, предполагалось основать колонию-поселение для комфортного приёма новых групп колонистов с Земли с целью основания резервной планеты проживания. Отрицательные последствия близкородственных связей для потомства последующих поколений планировалось минимизировать за счёт идеальной генетики первоначальной пары.

Для её доставки гибернация не годилась – слишком был велик риск повреждения генетического материала. Открытие процесса биообновления решало вопрос доставки чистых особей для начала заселения нового мира. Это было бы бессмертием, если бы на выходе у обновлённых не отсутствовали напрочь какие-либо воспоминания о жизнях до обновлений, которые уже производились не один раз. Однако за генератор вечной молодости вполне могло сойти. Заодно решалась проблема с перегрузкой в несколько сотен «же», в силу несжимаемости жидкости.

Комиссар, который являлся силиконовой формой псевдожизни с ресурсом в триста лет, о процессе биообновления знал лишь то, что в нём существуют стадии «растворения»,

«кристаллизации», и, как дополнительная функция, прекращение которой зависело лично от него, «консервации». Знать больше не было необходимости.

Чёрный Квадрат был входом на «растворение», Красный – выходом конечных продуктов кристаллизации. Зелёный Круг накладывался на Красный Квадрат заслонкой для «консервации». Эту-то заслонку Комиссар и скатывал с Красного Квадрата, когда выпадал из Белого Креста, служившего ему антиперегрузочной ванной. Когда Белый Крест позволял ему выныривать из своих глубин. Это служило показателем приемлемости условий для функционирования левозакрученных белковых жизненных форм.

Накатывание Зелёного Круга на Красный Квадрат выполнялось либо автоматически, по достижении несовместимого с биожизнью максимума перегрузок, либо собственными силами Комиссара, по своему усмотрению.

Спортсмены на время перегрузок накладывались на крестьянок, но двое на одну. Этакий сэндвич. Таким образом, спортсмены своей эластичной структурой укрепляли более жёсткую крестьянскую структуру, отчего прочность и перегрузочная толерантность значительно повышались. Подобно эффекту помещения железных прутьев в бетон.

Визуально это походило на свальный грех а-ла трау, но беспристрастный мозг Комиссара не проводил таких аналогий, и он безжалостно вырывал их из объятий друг друга. Комиссар лишь фиксировал, что определённые крестьянки и спортсмены, судя по их индивидуальным рельефам линий, предпочитают общество только друг друга. Он не мог точно объяснить природу этого влечения андроидных объектов, лишённых человеческих чувств. Возможно, линии на поверхностях определённых особей как-то наиболее удобно, точнее

сказать, соосно, прилегали друг к другу, из-за чего у них возникло нечто вроде симулякра человеческих отношений.

Для Комиссара это не представляло практического интереса; он просто фиксировал эти факты в матрицах судового журнала. Фиксировал он также применение «Маузера», когда некоторые троицы отказывались по-хорошему разрушать свои триумvirаты.

– Только отчасти железяка, – бесцветным, лишённым интонаций голосом констатировал Комиссар, когда Малевия, успокоившись, уселась на место.

– Что? – спросила она, всё ещё тяжело дыша.

Было видно, что она сбросила напряжение, и теперь можно было не опасаться, что она взорвётся как банка с нитроглицерином от какой-нибудь случайной фразы.

– В составе человеческой крови, – продолжал говорить Комиссар, – имеется железо, входящее в состав гемоглобина. Поэтому она красная. Тебе ли этого не знать, Малевия? Ты видишь её каждый цикл.

– Вот видишь, Маля! – сказал Кандин. – Железо может по разным причинам намагничиваться и притягиваться. А у людей это притяжение идёт, наверное, через мозг?.. Или через нечто иное?.. Я часто чувствую, как моя кровь устремляется... И у меня наливаются до синевы...

– Фу, – скривила личико Малевия. – нашёл тему для разговоров. Свой рог...

– Ешьте. Надо есть. – Урезонил их Комиссар.

Кандин поднял своё блюдо-доску на уровень рта левой рукой, и стал, помогая себе палочками в правой руке, с шумом втягивать в себя длиннющие макароны.

– Свин ты, Каня! – сказала Малевия, и вилкой начала тягать в рот макароны из ниш своей квадратной тарелки.

Чавкая, она шумела не меньше.

Кандин не ответил. Себе дороже.

Комиссар подождал, когда они доедят и, в промежутке времени, когда крестьянки подавали питьё в высоких стаканах из съедобных полимеров, пошарил в одном из своих многочисленных карманов и швырнул на стол перед молодыми людьми горсть каких-то предметов. При ближайшем рассмотрении они оказались вычурно закрученными спиральками.

При их виде Кандин как-то засмутился и попытался втянуть голову в плечи. Малевия же, напротив, выказала радостное удивление.

– О! – воскликнула она, и ещё раз:

– О! О! Я уж думала, что сегодня их не будет. Удивительно, Каня, почему ты ими пренебрегаешь?..

И стала быстро таскать их со стола, набивая ими рот.

Комиссар смотрел на Кандина и молчал. Только при большой фантазии в беспристрастном взгляде силиконового андроида, можно было прочесть нечто вроде вопроса. Тем не менее Кандину под этим взглядом было дискомфортно. Он съёжился.

– Ой, как вкусно! – причмокивала Малевия. – Солёные... Сколько дней их не было. Как же мне их не хватало. Спасибо, дядя Коми.

Глаза Кандина забегали, как у пойманного с поличным воришки.

– Ты был вчера у Чёрного Квадрата? – Не столько вопросительно, сколько утвердительно сказал Комиссар.

Кандин схватил стакан, ко времени поднесённый крестьянкой, и припал к нему, избегая ответа. Пил он очень долго, мелкими глотками, тянул время.

Комиссару было всё равно. Минутой раньше, минутой позже.

Пока он пил, Малевия съела все спиральки со стола, и теперь сама пила предложенный ей напиток. Кандин тем временем, допив свой, принялся есть опустевший стакан.

Растягивание времени дало плоды. Видя, что стол опустел, Кандин явно испытывал то чувство облегчения, какое посещает уличённого в преступлении, когда он узнает, что в хранилище вещдоков случился пожар. А вдруг и его сгорели? Кандин даже приободрился немного.

Малевия быстро допила напиток, съела половинку стакана и предложила остаток Кандину, дожёвывавшему последние крошки своего.

– Хочешь? – предложила она.

Он захотел и тотчас же захрустел им. Объясняться с Комиссаром в присутствии Малевии Кандин явно не горел желанием.

– Ну, ладно, – сказала Малевия, подымаясь из-за стола, – вы тут общайтесь, а я пойду поиграю в пелоту. Дядя Коми, ты можешь поменять мне спортсмена на другого? На такого, кто б меня не лапал.

Комиссар молча достал из кармана своей куртки сенсорный пульт и сделал над его экраном пару движений. Тотчас же откуда-то с потолка, где на плантациях белкового мха копошились крестьянки, как белка-летяга спикировал спортсмен. Со спины девушки словно нехотя сполз его собрат, которого он тут же заместил собой.

Отвергнутый переминулся с отростка на отросток, которые заменяли ему ноги, и, будто разрешившись от раздумий, полез на крестьянку, что стояла, прислуживая, сбоку от Малевии.

– Ага! – закричала она, тыкая пальцем в творящееся безобразие. – Что я вам говорила! Вы мне не верили! Смотрите теперь все, какой он похотливец!

Комиссар спрятал пульт в глубины кожанки, достал из нагрудного кармана что-то похожее на свисток и дунул в него. Не было слышно никакого звука, но спортсмен тотчас отлип от крестьянки и, оттолкнувшись от пола, взмыл вверх. Захлопав краями, как камбала, он поплыл по воздуху прочь.

Малевия удовлетворённо проводила взглядом улетавшего «паршивца». Она опробовала нового спортсмена, прилепившегося к ней. Подвигала руками и ногами, сделала наклоны вперёд-назад, влево-вправо, и осталась довольной.

– Этот шалить не станет? – спросил Комиссар Малевию.

– Не знаю, не знаю, – ответила она задорным голоском, и побежала к дальней колонне.

Вскоре раздались приглушённые расстоянием удары мяча о твердь и азартные взвизги девушки. Иногда можно было видеть, как из-за ширм выскакивает лёгкая фигурка Малевии, ловящая мяч в чистеру, сложенную из конечности спортсмена.

Стаканчик кончился. Кандин сглотнул и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Был я там! Был! Да! – выкрикнул юноша прямо в немигающий взгляд Комиссара. – Ну и что с того?

– Это опасно, – ответил андроид. – Нельзя подвергать себя такому риску.

– Как это может быть опасно, если меня, всякий раз, оттягивают от него сразу три, а то и четыре спортсмена, не считая моего?..

– Потенциально опасно, – настаивал Комиссар. – Ты знаешь, что выходит из Красного Квадрата, после того как ты сходишь в Чёрный...

– Но я же не полностью в него погружаюсь... Только частично, – перебил его Кандин. – Мне так хорошо в единении с ним. Он хочет втянуть меня в себя, поглотить собой, но я от-

страняюсь... Он опять втягивает, а я вновь отстраняюсь... Потом я извергаюсь в него... Как по малой нужде, но по-иному и чем-то иным... Я тогда познаю смысл своего существования... Если бы не спортсмены...

– Если бы они вовремя не оттягивали тебя от Чёрного Квадрата, он поглотил бы тебя полностью. Ты рискуешь...

– Но это стоит того! – воскликнул юноша. – Несмотря на то что потом вываливается из Красного Квадрата, чем ты меня всякий раз пристыживаешь!

– Несмотря ни на что, в них есть своя польза, – сказал Комиссар.

– Для Мали, что ли? – фыркнул Кандин. – Ей только и подавай эти штуки. Сколько ни дай – всё подметёт.

– Это лучшая альтернатива для достижения ею гормональной стабильности в данный период.

– Какая такая альтернатива? – не понял юноша.

– Пероральная.

– А что, есть другие способы усваивать мои производные, ради достижения гормональной стабильности?

– Рот не единственное отверстие, ведущее внутрь организма, – констатировал Комиссар.

– Я подозревал, что это так! – воодушевлённо воскликнул Кандин. – Я всегда думал о том, почему мы такие разные. Почему, то, что у меня наружу у неё спрятано внутри?

– Потому что она, как живое воплощение Чёрного Квадрата, – сказал Комиссар.

– Ух ты!.. – только и выдохнул юноша.

– И Красного одновременно! – добил его андроид.

Кандин выпучил глаза от удивления.

– А я тогда кто? – спросил он после довольно долгой паузы.

– Ты ключ к Чёрному Квадрату, который одновременно с его открытием даёт задел открытию Красного Квадрата. – Было ему ответом.

– Так значит, если я сделаю с Малей, то, что я делаю во время посещения Чёрного Квадрата, то она станет воплощением Красного Квадрата и исторгнет из себя нечто. – Выстроил логическую цепочку Кандин. – Она это тоже съест?

– Нет, – сказал Комиссар. – Она будет испытывать к этому гораздо более сильные чувства, нежели те, что она испытывает к спиральным штукам, тоже производным тебя, которые исторгает из себя Красный Квадрат после твоих совокуплений с Чёрным Квадратом. Это будет и её производное. Живое. Его не едят. Его растят себе на замену.

– Как-то запутанно... Не понимаю... - Сказал Кандин.

– И не надо, – отрезал Комиссар.

– Но меня зачастую посещают чувства по отношению к Мале, подобно тем, которые я испытываю, когда иду к Чёрному Квадрату. Я испытываю напряжение и желание погрузиться в неё, но на пути всегда возникает спортсмен! Я страдаю и бегу за успокоением к Чёрному Квадрату, чтобы излиться в него... Почему же тогда я не могу то же самое сделать с Малей, если она тоже как бы Чёрный Квадрат?

– Потому что не место и не время, – ответил Комиссар. – Космолёт ещё не достиг цели. Он в пути, и грядёт ускорение. Заборники собрали уже достаточно межзвёздного вещества для очередного рывка. Двигатели постепенно активизируются, и это чувствуют спортсмены и крестьянки. Они спорадически уже начинают тянуться друг к другу, чтобы склеиться.

– Зачем?

– Чтобы выжить при ускорении. Даже я должен прятаться от него в Белом Кресте.

– Что за ускорение? – удивлённо спросил Кандин. – Я не помню ничего такого...

– Тем не менее оно происходило уже не один раз.

– А как же?.. Э-э-э... – не нашёл слов юноша.

– А как ты можешь объяснить то, что вам с Малевой по шестнадцать лет, а космолёт находится в пути почти земной век?

– Я не знаю...

– Хочешь узнать?

– Хочу.

Комиссар встал и сделал рукой приглашающий жест.

– Идём со мной, – сказал он и взял Кандина за руку.

– Да, – Комиссар ощупал кисть юноши. – Дефицит кальция налицо. Твои кости, словно яичная скорлупа. Ускорение убьёт тебя, превратив в мешок с костной мукой, перемешанной с фаршем из тканей. И тебя, и Малевию, и ваше потомство, если бы вам допускалась близость. Вся работа пропала бы зря. Работа должна быть сделана по месту назначения.

– Место назначения?

– Там, где будет можно сотворить новую жизнь. Ты и Малевия.

– Кстати, – спохватился Кандин, – где Маля? – Я перестал слышать её вопли. Она закончила с пелотой?.. А я не заметил. Ты ведёшь меня к ней?..

– К Чёрному Квадрату.

– О, как иносказательно! Идём, идём... Знакомый путь. Она там ждёт? Чёрный Квадрат у Чёрного Квадрата?.. – Сыпал словами Кандин, ничуть не смущаясь своей напряжённо-предвкушающей приподнятости. – А где Маля?..

Они стояли у Чёрного Квадрата, антрацитовая гладь поверхности которого, казалось, могла полностью поглотить сознание, взглянувшего в этот иссиня-чёрный колодец бездны.

– Пришли, – сказал Комиссар.

Спортсмен разомкнул свои захваты и сполз со спины Кандина.

«Разве время резвиться?» – удивился юноша.

Тут он услышал истеричный крик Малевии, доносившийся издалека:

– Почему здесь Зелёный Круг?! Где Красный Квадрат?! Я хочу ощутить наполненность!..

Кандин взглянул на Комиссара удивлённо.

– Вы знали? – спросил он. – А почему она не находила спиральки, а только вы их всегда приносили?.. А если бы мы одновременно?.. Я с Чёрного, а она с Красного?!... – Его налившаяся синевой напряжённая плоть стала порывисто подёргиваться, словно пыталась оторваться от тела. – А если бы она приняла в себя?..

– На то я и здесь, чтобы за вами приглядывать, – сказал Комиссар, как всегда, беспристрастно.

В руке он держал какой-то чёрный, лоснящийся гладкостью форм предмет с тонкой змеиной шеей, холодно отблескивающей металлом.

«Маузер...» – равнодушно, с улыбкой, догадался Кандин и зафонтанировал...

Комиссар с помощью спортсмена вкинул оглушённого рядом «Маузера» юношу, на лице которого застыло выражение неизмеримого счастья, в Чёрный Квадрат. Подождал, когда утихнут расходящиеся ромбы на антрацитовый глади.

– Прибери тут, что от юноши осталось, – приказал он крестьянке, явившейся на его зов, и пошёл, подзаряжая на ходу «Маузер», за Малевией.

Ей, разочарованной в ожиданиях, для успокоения требовался разряд куда более мощный.

Комиссар выпал из Белого Креста прямо на холодный металлический пол.

Спортсмены и крестьянки, сновавшие, как муравьи в потревоженном муравейнике, не обращали на него никакого внимания. Крестьянки были заняты, в основном тем, что избавлялись от тесной компании спортсменов, стряхивая их с себя. Те отлипали с явной неохотой, а некоторые пытались вновь взгромоздиться на их плоскости.

Внутренние часы Комиссара говорили ему, что со времени погружения в Белый Крест прошло девять земных лет. Первоначальные перегрузки были в триста двадцать «же».

Зелёная полоса, делившая Комиссара пополам, светилась насыщенным изумрудным огнём.

Комиссар поднялся на ноги и отметил, что сила тяжести соответствует двум земным. Космолёт ещё ускорялся. Пассажиры на сей раз вырастут коренастыми и плотно сбитыми.

Он окинул взглядом плантации пищевого ягеля, белкового мха и грибов, что были распределены по корпусу космолёта, и определил, что плантации, находящиеся «внизу», полностью восстановлены. Те, что оказались на «потолке» или под отрицательным уклоном, были законсервированы. Два «же» вносили свои коррективы в агрохозяйство.

Комиссар сделал запрос в сеть космолёта и получил ответ, что пищевых запасов достаточно, а урожай ожидается через двадцать два дня.

Он подошёл к шкафу-сейфу и установил с ним контакт. Сейф узнал Комиссара и, подчиняясь его приказу, разблокировал замок. Комиссар открыл массивную дверь, извлёк из нутра хранилища свою куртку и немедля облачился в неё. Из другого отделения сейфа он достал «Маузер», осмотрел

его и, не найдя в нём дефектов, спрятал в один из мобильных карманов куртки, служившим кобурой.

Всё возвращалось на круги своя. Комиссар пошёл к Красному Квадрату, игнорируя навязчивые попытки спортсменов помочь ему в преодолении пути. Одного, слишком навязчивого, пришлось даже ударить, чтобы отстал. При двух «же» их настойчивость была оправдана. Они были спроектированы как помощники в неблагоприятных условиях, и повышенная сила тяжести одним из таковых и являлась.

Комиссар справлялся без посторонней помощи.

Красный Квадрат был заблокирован зелёным Кругом. Ни дать ни взять квадратура круга.

Комиссар достал из одного из многочисленных карманов кожанки ключ и, вонзив его в замочную скважину замка сцепления, провернул один раз вправо и два раза налево. Круг послушно поехал с квадрата.

Пока Красный Квадрат медленно освобождался от циркулярных объятий, Комиссар вытряхнул из нагрудных карманов два кубика-брикета два на два дюйма и активизировал их телепатическим посылом-командой.

Кубики тотчас зашевелились и начали раскладываться. Вначале они разложились в два листа-квадрата два на два метра, а затем, как оригами, стали складываться в фигуры.

К тому времени Зелёный Круг уже скатился с Красного Квадрата и больше его не заслонял. Стихия красного чуть заметно подрагивала, словно плёнка поверхностного натяжения.

Комиссар ждал.

Оригами-трансформация, закончилась и теперь позади него стояли две женщины с вёдрами. Он подозвал их жестом, и они подошли, держа вёдра наготове.

– Внимание! – сказал Комиссар. – Раз!

Женщины с вёдрами встали в каком-то, только им ведомом, порядке.

– Два!!

Женщины подняли каждая своё ведро в определённой манере.

– Три!!!

Поверхность Красного Квадрата всколыхнулась и исторгла из себя, как выплюнула, два маленьких тела, которых женщины ловко словили каждая в своё ведро.

– Макушки, – повелительно потребовал Комиссар, – покажите мне их макушки!

В руке он держал наготове «Маузер».

Ему поднесли. Он взглянул на макушку, вначале мальчика, затем девочки.

– Всё в порядке, – произнёс комиссар с намёком на нотки удовлетворённости. – Налево.

Сказав это, он шлёпнул, по очереди, тяжёлой, свободной от «Маузера», ладонью по вёдрам.

Воздух огласился криками младенцев.

Наталья Кадомцева

«В КРАЮ ВЕЧНОЙ ОСЕНИ»

День клонился к вечеру. А может, здесь всегда было предзакатно. Этакая сумеречная зона. Ветер гнал по небу низкие свинцовые тучи, и сквозь их стремительный танец не пробивался ни один тоненький солнечный лучик. Тяжёлые холодные капли изредка падали на землю, оставляя на ней мёрзлые грязные лужицы. Пронизывающий ветер дул яростными порывами, перехватывая дыхание, сваливая с ног и не давая подняться. Чёрные остовы деревьев гнулись под неистовыми ударами стихии, сталкивались тем, что когда-то было их кронами, и от этого столкновения рождался скрежет, от которого сводило зубы. Игнат, пытаясь встать с колен и снова оказавшись по локти в воде, поднял голову к небу и закричал:

— Что это за место?! Где я? Помогите!

Захлебнувшись криком, старик упал лицом в грязь и зарыдал. Его страдания, казалось, только подхлестнули буйство стихии. Ветер задул ещё свирепее, холодная морось превратилась в проливной дождь. Стенания деревьев наводили ужас. Игнат сжал виски руками. «Это какой-то дурной сон», — думал он. Но очнуться никак не удавалось.

Как он оказался в этом страшном месте, Игнат не помнил. Просто однажды он проснулся не в своей тёплой постели в трёхэтажном особняке, огороженном трёхметровым кирпичным забором с кованными вензелями, а в смердящей ледяной луже в жутком лесу. Куда бы он ни посмотрел, везде вместо деревьев стояли обугленные чёрные остовы, словно пламя пожара пронеслось смертоносной волной,

сжигая всё на своём пути. Здесь не пели птицы, не скрипели поздние насекомые. Только завывание ветра да стоны погибших деревьев наполняли воздух, поселяя в душе ужас и отчаяние.

С трудом подавив приступ паники, Игнат предпринял ещё одну попытку подняться на ноги. Нужно было срочно найти укрытие. Ноги и руки, прихваченные холодом, начинали неметь. Холод, казалось, проник в самые дальние уголки, выморозив тело и душу до самого дна. С трудом встав с колен, Игнат огляделся, высматривая дорогу или на худой конец тропинку, которая вывела бы его к человеческому жилью. Но ничего похожего не увидел.

В этом жутком месте невозможно было ориентироваться. Не было солнца, не было мха и травы, не было муравейников. По обгоревшим останкам деревьев выбрать направление тоже не представлялось возможным. Не слышно было реки или ручья, которые точно вывели бы его из мрачной жути сожжённого леса. Ничего не оставалось, как просто идти. И надеяться, что это простое действие сможет ему помочь, что страшная чаща вскоре закончится.

Старик медленно пошёл вперёд, едва удерживаясь на ногах от злобных толчков ветра. Он обхватил себя руками, стараясь сохранить крошечные остатки тепла. Но это нисколько не помогало. И в довершение всех бед Игнат почувствовал, как в теле начала нарастать боль. Пока она была глухой и ноющей, хаотичной. Непонятно было, в каком органе она зародилась. Но с каждым шагом она разрасталась, иногда пронзая сердце, как остро заточенная игла, иногда отдаваясь эхом старых переломов в ногах, иногда взрываясь фейерверком искр перед глазами. Голову словно стянуло железным обручем, в глазах потемнело, потекли слёзы.

— Что же это такое? — взмолился старик, снова падая на колени и хватаясь за голову руками. — За что мне всё это?

Словно в ответ на прозвучавший вопрос буйство стихии на миг стихло, и старик почувствовал, что он уже не один. Страх липкой смолой разлился по обессиленному телу. Игнат резко обернулся и посмотрел назад, но там никого не было. Только всё тот же нагоняющий ужас и тоску пейзаж. Но чувство, что за ним следят чьи-то внимательные глаза, не проходило. Мужчина снова огляделся вокруг и вдруг заметил какую-то неясную тень, отделившуюся от стоящих невдалеке деревьев. Тень медленно приближалась к опустившемуся на колени мужчине. Игнат старался разглядеть, кто это, но из-за пелены перед глазами так и не смог сделать этого. Потом вдруг тень взмыла в воздух, и старик увидел, что это некий сгусток света, причудливо меняющий форму.

— Что ты такое? — прошептал он пересохшими губами. — Что это за место?

Светящееся облако опустилось вниз, оказавшись рядом с Игнатом, и превратилось в силуэт человека без лица. Оно трепетало на ветру, но не двигалось с места. Старику показалось, что глаза, которых он не видел, разглядывают его, как невиданную букашку. Существо не произнесло ни слова, но в голове у мужчины раздался голос:

— Назвать можно как угодно. Хочешь, назови это адом. Хочешь, своим персональным чистилищем. От того, как ты назовёшь это место, его суть не изменится.

— Что ещё за бредни? — тряским голосом прокаркал Игнат. — Я что, умер?

— Физически — да, — ответила фигура, залитая светом.

— Что значит, физически?

– Умерло твоё тело. А твоя душа продолжает жить. Собственно, сейчас ты находишься в отражении своей собственной души. Поэтому я и называю это персональным чистилищем.

– Чушь какая-то, – медленно сказал Игнат. – Байки из склепа. Этим только суеверных старух можно пугать.

– Как знать, как знать, – казалось, фигура усмехнулась. – Оглянись вокруг. Что ты видишь?

– Ничего хорошего, – буркнул Игнат себе под нос.

– Именно, – мужчине показалось, что существо подняло вверх руку с указательным пальцем. – Ничего хорошего. А каким человеком был ты, Игнат? Хорошим? Добрым? Какой была твоя душа, пока ты целых шестьдесят три года коптил небо? Какие поступки ты совершал, чтобы сейчас видеть вокруг себя что-то хорошее?

– Это что, страшный суд? – снова прокаркал старик. – Значит, религия не врёт?

– Религия не имеет здесь никакого значения. Ты не слушаешь. Это – твоё персональное чистилище. Только твоё. Каждого живущего на земле ждёт своя дорога. Встреча со своей душой. Со всем тем багажом, накопленным за отпущенное вам время на земле. И воздастся вам по поступкам вашим.

Существо из света отлетело на несколько шагов.

– Взгляни сюда, – указывая на зеркальную гладь ближайшей лужи, подёрнутой рябью летящих капель дождя, сказала тень. Игнат не то дошёл, не то дополз до лужи и заглянул в неё. Тут же на него нахлынули воспоминания, о которых он давно успел забыть.

В тот день он купил себе новую машину – Мерседес GLS – серебристый внедорожник с кучей наворотов. Он упивался своей покупкой и вёл себя на дороге, как откровенный козёл. Опасно обгонял, подрезал, выходил на встречу, заставляя

водителей выскакивать на обочину, чтобы избежать столкновения. И вот Игнат, стоя в грязной луже, увидел, как водитель одной из машин, выехав на обочину, не справился с управлением. Это была старенькая «Шестёрка», водителем был молодой деревенский парень, который решил свозить жену и маленькую дочку в город, чтобы ребёнок покатался на каруселях в парке. Выскочив на обочину, шестёрка ударилась о заграждение, неуклюже подпрыгнула, а потом несколько раз перевернулась. Молодая женщина и маленькая девочка погибли на месте, а мужчина на всю жизнь остался инвалидом. Только вот водитель огромного серебристого Мерседеса всего этого не видел. Он давно уехал, упиваясь мощью движка своей крутой тачки и думая, что может делать всё, что захочет, потому что у него есть куча денег.

Игнат, стоящий на коленях, разглядывая свои собственные воспоминания, трясся от страха, ужаса и боли, внезапно пронзившей спину.

— А сейчас ты чувствуешь то, что испытал тот молодой мужчина во время аварии. Правда, больно? Но ничего, подожди, скоро ты почувствуешь его душевную боль, когда он узнал, что вся его семья погибла. И ты будешь проживать это снова и снова. Снова и снова. А теперь оглянись.

Беспомощный и страдающий старик обернулся и увидел, как из обугленного леса выходят две фигуры — одна принадлежала молодой женщине, а вторая — маленькой пятилетней девочке. Их лица были залиты кровью. Руки женщины неестественно выгнуты. Девочка шла, сильно хромая, и подволакивала левую ногу. Они приблизились и остановились. Безмолвно они смотрели прямо на Игната, и их осуждающий взгляд прожигал его до костей. Старик беззвучно затрясся, закрывая лицо руками.

— Кто ты? — только и смог прошелестеть он, обращаясь к светящемуся существу, снова отлетевшему на несколько шагов и указывающему на другое зеркало, в которое превратилась грязная лужа.

— Я твоя Совесть, — сказала тень. — Ты не слышал меня, пока был жив. Но теперь тебе придётся слушать меня вечно.

Какая-то сила погнала старика к луже собственных воспоминаний. Теперь он увидел тот день, когда ему срочно понадобились деньги. Тогда он пришёл к своей престарелой матери, которой врачи поставили страшный диагноз — болезнь Альцгеймера. Но Игнату было всё равно. Он не собирался становиться сиделкой при выживающей из ума старухе. Мать он не любил, помощи никакой не оказывал. А вот брат, что ему надо, научился давно, ещё со школьной скамьи. В тот день он просто выбросил вещи матери за порог, а квартиру продал. Что стало со старухой, так никогда не поинтересовался. До него доходили слухи, что её приютили какие-то соседи. Но что ему за дело до этого? Главное, что трёшка в хорошем доме принесла ему приличные бабки, а остальное — всё чушь.

Из чащи появилась ещё одна фигура и встала рядом с безымянными и немymi женщиной и ребёнком. Фигура его матери. Её глаза были полны боли и непонимания. Непонимания от того, как она могла воспитать такое эгоистичное чудовище. Боли, что не смогла достучаться до его души. Но самое страшное, что увидел в её глазах Игнат, — это любовь и прощение. Ведь несмотря ни на что это было её дитя. И наверное, только её вина в том, что из него не получился настоящий человек.

А Совесть снова вела старика от зеркала к зеркалу. Каждое просмотренное воспоминание добавляло тяжести и боли, которые уже непрерывно испытывал Игнат. Каждое воспоминание добавляло и людей, осуждающе-безмолвно следующих

по пятам за стариком и его Совестью. Теперь к ним присоединились и животные: собаки и кошки.

Одну собаку Игнат переехал своим мерседесом просто так. Ему захотелось, а шавка подвернулась как нельзя кстати. Надо было слышать, как она визжала, когда он развернул машину и снова наехал на неё. От убийства собаки в голову ударил адреналин. Такого кайфа не приносили ему ни секс, ни наркотики. А однажды он случайно сбил щенка, выскочившего на дорогу. Малыш кувыркнулся в воздухе и упал на капот его машины. Игнат остановился и вышел посмотреть, что произошло. В этот момент рядом остановилась ещё одна машина и из неё выскочила молодая женщина, которая подбежала к щенку и подняла окровавленное тельце на руки. Она повернулась к Игнату и сказала:

— Он живой. Надо только в клинику доехать, может, ему ещё можно помочь?

— Этой шавке? — пролаял Игнат, надвигаясь на женщину. — Она мне бампер помяла. Ты знаешь, сколько стоит такая тачка?

Девушка выпрямилась во весь свой невысокий рост, подняла подбородок и жёстко посмотрела прямо в глаза Игнату.

— Мне наплевать, сколько стоит ваша машина, — сказала она звенящим от негодования голосом. — В любом случае она ничего не стоит по сравнению с жизнью, которую вы сейчас едва не оборвали.

— Стерва поганая, — сорвался на крик Игнат. — Да кто ты такая вообще!

Девушка развернулась и понесла скулящий свёрток к себе в машину. Около автомобиля она обернулась и сказала:

— Если вы думаете, что это сойдёт вам с рук, то вы ошибаетесь. Рано или поздно придётся платить по счетам. И никакие деньги, никакие церковные индульгенции вас не спасут.

С этими словами она села за руль, развернулась и уехала. Игнат же, кипя злобой, записал номер её машины, чтобы потом вычислить стерву, позволившую себе разговаривать с ним в подобном тоне. Но листок он где-то потерял, а потом и вовсе забыл.

— Сколько раз в твоей жизни тебе была дарована возможность измениться? Сколько раз тебе были явлены знаки, на которые ты должен был обратить внимание? — неумолимо продолжала Совесть. — Если бы ты хоть раз покормил бездомное животное, то сейчас бы этот поступок мог перевесить многие мерзости, которые ты творил. Если бы ты позаботился о ком-то из людей, помог кому-то, сейчас это свидетельствовало бы в твою пользу. Та девушка, которая спасла сбитого тобой щенка, сказала тебе в лоб, что тебя ждёт, но ты не послушал её. Ты думал, всё это ерунда, которую рассказывают бабушки своим внукам. И теперь ты пожинаешь плоды своих собственных поступков.

Совесть обвела призрачной рукой мрачный жуткий лес и сказала:

— То, что ты видишь, — твоя душа. Гнилая, пустая, мёртвая. Каждый мерзкий поступок, совершённый тобой, — это мёртвое сожжённое дерево. Мерзости, творимые людьми, выжигают душу дотла. Нет никакого мифического рая или ада. Есть только встреча с самим собой, со своими делами и с тенями тех, кого ты обманул, предал или убил. Но на земле тебе было отпущено всего шестьдесят три года, а здесь тебя ждёт вечность. Вечность с болью тех людей и животных. Вечность в мёртвом гниющем мире собственной души. Это — твоя расплата за совершенное. Это — твоё искупление.

Игнат закрыл лицо руками и зарыдал. Муки, которые сейчас он испытывал, нельзя было сравнить ни с чем. Сидя

на крошащемся бревне, он раскачивался из стороны в сторону и шептал:

– За что? За что?

А вокруг стояли молчаливые тени. В ушах Игната гремел голос Совести:

– Расплата за содеянное...Расплата...Вечная расплата...

* * *

Иван очнулся, открыл глаза и первое, что он увидел, было высокое и яркое синее небо, широко раскинувшееся над головой. Он вскочил на ноги и с удивлением огляделся. Вокруг открывался пейзаж, от которого захватывало дух.

– Ничего себе, – в замешательстве проговорил мужчина, взъерошивая волосы на голове. – Будто из моих снов. Место для жизни, о котором я всегда мечтал.

Иван находился посредине долины, укрытой высокими горами, одни из которых были покрыты густыми лесами, а другие сияли в лучах восходящего солнца яркими снежными вершинами. Внизу разливалось чистейшее горное озеро, формой похожее на правильный овал. Всё утопало в зелени и цветах. Хотя с нескрываемым удивлением заметил мужчина, южные склоны были зелёными, а вот восточные покрывали жёлтые и багряные осенние краски.

«Как такое может быть? – думал Иван. – И как я вообще тут оказался? Что это за место такое дивное? Или я всё ещё сплю?»

Мужчина увидел уходящие в разные стороны тропинки, скрывающиеся за деревьями. Он постоял ещё немного, впитывая в себя окружающее великолепие, и начал спускаться со склона к озеру. Далеко на востоке, за лесом и горами, разливалось непонятное яркое сияние, над которым висела арка радуги. Иван почувствовал, как его тянет туда, к свету.

– Что ж, – сказал он вслух, обращаясь к окружающему пространству. – Раз тянет, значит – мне туда.

Он пошёл по тропинке, вспугивая шагами многочисленных насекомых. Птицы пели на разные голоса, да так, что хотелось остановиться и слушать их, слушать. Иван глубоко вдохнул, пробуя на вкус терпкий запах листвы и хвои, и почувствовал тихое звенящее счастье и умиротворение, разливающееся по телу.

– Если есть рай на земле, то это, несомненно, он, – проговорил он, широко улыбаясь и раскидывая в стороны руки, словно пытаясь обнять это волшебное место.

Около озера росла густая трава. Когда мужчина подошёл ближе, в этой густоте раздалось шуршание, словно кто-то прокладывает в ней себе путь. Иван остановился и с любопытством уставился на берег. Внезапно из зарослей вынырнула большая рыжая собака и, виляя пушистым хвостом, резво потрусил к мужчине.

– Не может быть! – закричал Иван. – Пират! Это ты!

Пират ускорил свой бег, вывалив из пасти ярко-красный язык. Иван на миг замер, а потом подбежал навстречу своей горячо любимой собаке, опустился на колени и обнял большую рыжую голову. Он гладил мягкую шёрстку, а из глаз текли слёзы. Пират же вертелся на месте, пытаясь облизать лицо своему утерянному и вновь обретённому хозяину.

– Как такое может быть? – глядя собаку, говорил мужчина. – Ведь тебя не стало больше десяти лет назад? Ты был таким старым...Ты умер у меня на руках...И я сам отнёс тебя к озеру, где и похоронил. А теперь ты здесь, со мной снова.

Иван оглянулся и ещё раз осмотрел долину. Внезапно пришло понимание, где он и что с ним произошло.

– Что ж, – медленно проговорил он. – Значит, пришло и моё время...И ты меня здесь встретил, малыш! Как же я рад этому!

Иван засмеялся и снова обнял собаку. Пират, встав на задние лапы, положил голову хозяину на плечо.

– Слушай, Пират, значит, и остальные тоже должны быть здесь? – внезапно спросил мужчина. – Пойдём-ка мы с тобой к радуге, может быть, и других встретим.

Мужчина и большой рыжий пёс продолжили неспешный путь по краю вечной осени. Это было спокойное умиротворяющее место, наполненное красотой и благоуханием. Но внезапно Иван заметил какое-то большое тёмное пятно среди леса, словно кто-то выжег на поляне всю растительность.

– Странно, – задумчиво проговорил мужчина. – Что это может быть?

Эта выжженная пустошь пугала и притягивала одновременно. Поддавшись порыву, мужчина подошёл и, опустившись на колени, прикоснулся руками к обожжённой земле. Внезапно на него нахлынули воспоминания, которые доставляли так много боли там, на земле.

Он женился довольно рано. Со своей будущей женой Варей он познакомился ещё в школе. Десять долгих лет они прожили вместе. Были и горести, и радости, и ссоры, и примирения. И вроде бы всё было хорошо, но встретил Иван, на свою беду, женщину по имени Тамара. Влюбился и ушёл от жены, а Варя через полгода погибла. И словно упала пелена с глаз Ивана, когда он узнал об этой трагедии. Больше четырёх лет понадобилось ему, чтобы перестать горевать, винить себя и начать жить заново. Он снова женился, но все остальные годы Варя не шла у него из головы. Он вспоминал её снова и снова. И думал, а как бы сложилась их жизнь, не появившись тогда Тамара.

И сейчас, стоя на коленях перед этой выжженной поляной, Иван снова ощутил всю ту боль, которую тогда пережил. Но прибавилась к ней и ещё одна. «Варина», – понял мужчина.

Осознание накатило на него, словно океанская волна, грозя затопить с головой. Иван закрыл лицо руками и зарыдал, повторяя снова и снова:

— Прости меня, Варенька! Прости меня! Я был таким дураком! всю свою оставшуюся жизнь я жил с мыслями о тебе. И с каждым прожитым годом я всё острее ощущал потерю. Мне так тебя не хватало! Ты всегда была и остаёшься моей единственной. Прости меня, милая!

— Ты давно уже прощён, — раздался тихий нежный голос за спиной. — Только сам себя простить до сих пор не можешь.

Иван обернулся и увидел Варю, которая стояла недалеко от него. Её лицо лучилось нежностью и любовью. Она улыбалась и смотрела на него, а рядом сидел Пират. Мужчина стремительно вскочил, подбежал к жене, подхватил её на руки и закружил. Варя рассмеялась чистым звонким смехом, который он так любил. А потом обняла его и поцеловала. словно тяжёлый булыжник свалился с души у Ивана. Он вдохнул полной грудью и снова прижал к себе любимую.

— Это какое-то волшебство, — прошептал он, вдыхая запах её волос.

— Точно, — смеясь, сказала Варя. — Посмотри.

Иван открыл глаза и взглянул на то место, где недавно была выжженная пустыня. Сейчас всё вокруг зазеленело, по краям распустились лесные цветы, над которыми летали пёстрые бабочки.

— Как такое может быть? — изумлённо произнёс Иван.

— Сила любви и искреннего раскаяния всегда творят чудеса, — засмеялась молодая женщина.

Взявшись за руки, словно школьники, счастливый Иван и Варя пошли дальше по тропинке, которая вела к многоцветной радуге. Пират трусил рядом, иногда ныряя в густые за-

росли и вспугивая своим топотом многочисленных пернатых. Иван не мог наговориться со своей женой, рассказывая о событиях, которые с ним произошли. Варя слушала, задавала вопросы, смеялась или смахивала украдкой слёзы.

Вдруг он остановился и прислушался. Варя и Пират встали рядом, недоумённо поглядывая на него.

— Что случилось? — спросила молодая женщина.

— Птицы петь перестали, — проговорил Иван. — Странно это.

Внезапно ему показалось, что среди яркости леса проглядывает ещё один обожжённый участок.

— Там что-то есть, — сказал он. — Мне нужно посмотреть, что это.

Варя понимающе кивнула и сказала:

— Эти выжженные места — те части нашей души, когда мы совершали некрасивые поступки. Мерзость всегда оставляет свой след. Есть те, чьи души полностью сгнили. Для них нет избавления, и они целую вечность будут расплачиваться за содеянное. Но твоя душа — живая. Посмотри вокруг. Всё это — мир твоей души. Она по-настоящему прекрасна. Но даже в ней есть тёмные стороны. Ты можешь оставить всё как есть и уйти туда, к свету, который тебя зовёт. Но можешь найти червоточины и излечить их.

Иван на мгновение задумался, а потом сказал:

— Я думаю, тот свет никуда не денется. А вот черноту я хочу убрать. Ты пойдёшь со мной?

— Куда бы ты ни пошёл, — ответила Варя. — И Пират, конечно, же с нами. А ещё я знаю, что скоро к нам присоединятся Маркиза, Стрелка, Филя, Задира и Кася.

— Голова кругом, — проговорил Иван, присаживаясь на большой тёплый камень. — Прямо не верится.

— Это сначала, а потом привыкаешь, — с улыбкой произнесла молодая женщина.

— Как такое вообще может быть?

Они немного помолчали, думая каждый о своём, а потом Иван спросил:

— А что там? Где радуга и свет?

— Путь вперёд, — просто ответила Варя.

— Что ж, не будем задерживаться, — сказал Иван, поднимаясь с валуна. — Пойдём искать червоточины. А потом — только вперёд.

Обнявшись, Варя и Иван отправились дальше, а Пират бежал рядом с ними...

* * *

Наши души вмещают в себя целый огромный мир, который может быть живым или мёртвым. Всё, что мы делаем или не делаем, оставляет свой след. Мерзость убивает всё живое. Равнодушие превращает чистоту души в топкое зловонное болото. Доброта, любовь и искреннее раскаяние оживляют. Жизнь — это не просто череда событий, которые с нами происходят. Это не просто набор минут, часов или дней, бегущих с каждым прожитым годом всё быстрее. Жизнь измеряется поступками, которые мы совершаем за то время, что нам отпущено. И я верю, что в конце пути мы окажемся лицом к лицу с тем, что сотворили.

Успевайте творить добро!

Никас Славич

«ПРОЕКТ ВСЕЛЕННАЯ»

Центрифуга завертелась с бешеной скоростью, и Егор едва справился с огромными перегрузками и с тошнотой. Он почти ничего не видел – всё мелькало и сливалось перед глазами. Будущий космонавт достигал пределов человеческих возможностей, чтобы через секунду их преодолеть, а ещё спустя миг – побить собственный рекорд, и так до бесконечности. Сколько там на приборах – десять g или все двадцать? Егор не знал. Он старался отвлечься от безумного вращения, всё набирающего обороты.

«Что заставило меня откликнуться на то объявление?» – он постоянно задавался этим вопросом, отвечая по-разному: любопытство, интерес, вызов самому себе, надежда, интерес к изучению Вселенной, детские мечты о полётах к звёздам.

Два месяца назад Егор увидел на сайте трудоустройства весьма странную вакансию: «Роскосмос примет на работу крепкого, выносливого человека с даром телепатии». Он даже не поверил своим глазам, подумал: «Это что, шутка?», но понял, что подобные госкорпорации не склонны к розыгрышам. Ведь Егор по-настоящему умел читать мысли, но только при экстремальных обстоятельствах. О чём он и сообщил, подавая документы об устройстве на работу, – дар телепатии открылся, когда его чуть не сбил грузовик.

В тот день жизнь Егора могла оборваться, но в последний момент он успел отскочить в сторону от многотонной машины. Когда мысли ускорились, а все чувства обострились, он неожиданно услышал внутри себя голоса.

«Треклятые тормозные колодки, сколько раз обещал себе их поменять!»

«Каким чудом бедняга спасся, и почему он так странно смотрит в мою сторону?»

Впору было подумать, что он сошёл с ума, но Егор в тот миг ярко осознавал ценность жизни, и это никак не вязалось с шизофренией. Правда, через пять минут, когда он уже успокоился, чужие мысли перестали быть слышны. Но с тех пор молодой инженер, почти без опыта работы, всерьёз заинтересовался открывшимся ему даром. Он искал научное обоснование телепатии и то, почему чтение мыслей связано с экстремальными нагрузками, но пока не находил искомого. Зато дар вскоре проявил себя ещё раз, когда он увидел тонущего в озере ребёнка, быстро поплыл к нему и — вновь услышал мысли окружающих людей.

«Куда смотрела эта пьяная мамаша, почему позволила ребёнку настолько далеко уплыть?»

«Ой, что, мой сын тонет, или я слишком много выпила?»

«Мамочка, спаси!»

«Во мужик даёт, тут метров тридцать, а он за десять секунд их одолел».

Так Егор узнал, что у него появились новые сверхспособности: не только ускоряться самому в экстремальных ситуациях, но и разгонять собственные мысли. Поэтому, вместо того чтобы искать работу по профессии, устроился спасателем на пляж. И он ещё не раз ускорился, чтобы спасти других людей, ощущал их мысли и иногда — даже чувства. Так он постепенно развивал оба дара, ещё не подозревая, для чего они в будущем пригодятся.

«Сколько воды с тех пор утекло, — подумал Егор. — Причём в буквальном смысле». Озеро теперь использовалось для нужд

химкомбината, пляж закрыли, а спасателей уволили. Поначалу казалось, что ничего хорошего его впереди не ждёт. А теперь он стремится к звёздам, чтобы побывать в самых дальних уголках Вселенной, и мелочные проблемы на Земле кажутся ничтожными песчинками по сравнению с необъятным величием множества галактик. Его сердце билось сильнее каждый раз, когда Егор представлял себе полёты к самым дальним звёздам и неизведанные космические просторы. Поэтому-то он и поспешил отозваться на объявление «Роскосмоса».

Тестом при трудоустройстве был пробный прогон центрифуги с ускорением в 8g, что стало первым, но не последним трудным испытанием для Егора. Экстремальные условия позволили ему читать мысли других, и он дословно их пересказал сотрудникам «Роскосмоса», когда вылез из центрифуги. Но вскоре выяснилось, что от него требуется кое-что ещё: передавать мысли и образы другому человеку, телепату по имени Фёдор. Он, в отличие от Егора, не успел отскочить от несущегося джипа, чудом выжил, но теперь передвигался на инвалидной коляске. Однако открывшийся в тот момент дар телепатии остался с ним навсегда и не зависел ни от каких условий. Егор пока что мог только мечтать о подобном: его способности всегда проявлялись только в экстремальных ситуациях.

Вначале Егор не мог переключиться на «чужую волну»; помог Фёдор, активно передавая свои мысли и ожидая ответа. Телепатическое общение позволило им сблизиться несмотря на расстояние – вскоре для усложнения эксперимента Егора перевели на космодром Восточный, почти в десяти тысячах километров от главного офиса «Роскосмоса». Но два телепата продолжали общаться, их мысли ничуть не искажались.

– Отлично, значит, теория Хайнлайна, хоть вы и не близнецы, работает: для телепатии действительно не существует

расстояний и границ. Конечно, ещё неизвестно, не появятся ли у вас затруднения на расстоянии в миллионы километров, но я думаю, что этого не произойдёт, — однажды сказал один из учёных, наблюдавший за успехами Егора. — Жаль, мы не умеем делать нуль-пространственные двигатели, но недавнее открытие позволит нам изучать ближайшие звёздные системы. В этом и заключается цель проекта «Вселенная».

Учёные вкратце посвятили Егора в свои исследования. Ранее они изучали магнитосферу Юпитера. Их теория заключалась в том, что если создать антимагнитный двигатель космического корабля и со значительным ускорением запустить челнок в сторону газового гиганта, то в определённый момент магнитосфера с силой вытолкнет челнок за свои пределы. По примерным расчётам, более семи миллионов километров можно преодолеть всего за секунду, а силы инерции хватит, чтобы вылететь за пределы Солнечной системы и достичь одной из ближайших — первой целью стала Альфа Центавра. Но это всё на бумаге, а на деле перед учёными вставали серьёзные проблемы.

— Да, нам удалось создать мощный антимагнитный двигатель, но пришлось долго строить на верфи МКС полностью пластиковый космический корабль, ведь иначе его начнёт не отталкивать, а притягивать к Юпитеру, — пояснил ещё один учёный — Мирон, координатор проекта. — Но и это не всё: любой прибор на челноке должен содержать минимум металла, хотя в исследовании Вселенной без мощного компьютера и качественных зондов не обойтись. Их мы тоже смогли создать, правда, несколько экспериментов провалились. Полностью полагаться на приборы всё равно не стоит, поэтому нужен пилот со знанием основ астронавигации — не зря мы тебя им спешно обучаем, — а также особая одежда с антирадиаци-

онным покрытием на основе боридов и других соединений с неметаллами. Такое же покрытие и у самого корабля. Плюс ко всему есть дополнительные требования к пилоту: без протезов в теле и с пониженным содержанием железа в крови, как у тебя. И самое главное – это телепатия, чтобы быстро передавать данные и информацию с зондов о других звёздных системах не только мысли, но и образы. Если бы мы не знали о Фёдоре и его способностях, то проект сразу бы закрыли как бесперспективный. Отправить инвалида в космос мы никак не могли, поэтому пришлось искать других телепатов. Знал бы ты, сколько шарлатанов пришлось отсеять! Но повезло: мы нашли тебя, причём с интересной способностью. Электроэнцефалограммы показали, что ты умеешь ускорять мысли при экстремальных ситуациях, а в астронавигации именно это и нужно, особенно если учесть, что рассчитывать данные тебе придётся всего за несколько секунд. Твоя уникальность ещё и в том, что эта способность помогает тебе выдерживать огромные перегрузки, непосильные даже лучшим из космонавтов.

Егору действительно пришлось не только превосходить пределы человеческих возможностей при тренировках, но и изучать новую для себя науку, а также быстро решать задачи, ранее подвластные разве что самым мощным компьютерам.

Ускоряя мысли, Егор заставлял себя забыть о безумных перегрузках и неудобстве. Параллельно он общался с Фёдором:

– Все эти задачи и тренировки наводят меня на мысль, что проект «Вселенная» – это билет в один конец. Я улечу к звёздам и, даже если переживу нереальное ускорение, то, скорее всего, на Землю уже не вернусь.

– И ты не боишься?

– Страх, конечно, есть. Но я вот о чём подумал: такие уникальные дары есть только у меня, да и настоящих телепатов

на Земле пока лишь двое. Несмотря на то, что проект международный, ни Америка, ни другие страны по-прежнему не нашли подходящих пилотов. А значит, у нас не просто так появились подходящие способности. Не воспользоваться ими для изучения Вселенной – глупо.

– Думаешь, наши таланты даны свыше? – спросил Фёдор.

– Нет, я считаю так: мы с тобой пользуемся дарами, заложенными изначально, самой природой. Но их никто раньше не изучал, и мы не знаем, на что ещё способен наш мозг. А теперь, когда вся Земля перенаселена – шутка ли, 15 миллиардов человек! – они вовремя проявились, чтобы люди смогли найти новые планеты для жизни. Я долго думал над этим и отбросил страх. В любом случае исполняется моя детская мечта лететь к звёздам. Это будет самый счастливый миг в моей жизни. А потом – кто знает, вдруг мне повезёт и удастся вернуться на Землю?

– Для этого нужна просто невероятная удача, – заметил Фёдор.

Егор знал, что в системе Альфа Центавра астрономы в 2040 году обнаружили газовый гигант, подобный Юпитеру, но, чтобы воспользоваться им для возврата на Землю со спокойной совестью, нужно ещё и найти пригодную для проживания планету. Иначе ему предстоит новое ускорение в другие солнечные системы – до тех пор, пока он не найдёт искомое... или не прервёт свой путь там, где вовсе не будет подходящей планеты с мощной магнитосферой. И чем дальше он будет удаляться, тем меньше возможностей вернуться. Вдобавок еды в пластиковых тюбиках на небольшом корабле «Сверчок» могло хватить максимум на год.

По словам Мирона, челнок оснастили двумя антимагнитными и двумя инерционными двигателями – на случай, если

один выйдет из строя, то можно будет запустить запасной. Но места для пилота в миниатюрном корабле оставалось мало, и поэтому свободное пространство старались максимально сэкономить, поэтому и приходилось сокращать запасы еды и различного оборудования.

...Центрифуга остановилась, и Егор вынужденно прервал телепатическое общение с Фёдором. Тяжело дыша – всё-таки полностью отстраниться от непосильных нагрузок не удалось, – он вылез наружу. Его встретил ликующий Мирон.

– Потрясающе! Тебе удалось продержаться целых три минуты при 30g! Наверно, способность твоего мозга переключаться на телепатическое общение и решение сложных задач поможет пережить даже многократную скорость света. А это значит – настало время отправиться в полёт! – торжественно произнёс Мирон.

Егор немного постоял, свыкаясь с мыслью о том, что он, возможно, больше никогда не увидит Землю, а потом произнёс:

– Что ж... Я готов. Поехали!

Миниатюрный космический корабль «Сверчок» мог прилично разогнаться за счёт отталкивания от магнитосферы любой планеты, которая её имела, в том числе и Земли. Поэтому вскоре после запуска с МКС его, подобно пробке от шампанского, «выбило» с большой скоростью прочь в заданном направлении – к Юпитеру. Эту астрономическую задачу Егор решил довольно быстро, пережив кратковременную сильнейшую перегрузку около 50g. Но она не шла ни в какое сравнение с тем, что его ожидало впереди.

Внутри «Сверчка» специально для Егора установили удобный лежак с креплениями для рук, ног и туловища. Благодаря

этому, перегрузки распределялись равномерно по всему телу. Возле ладоней установили два пульта с кнопками управления – Егору пришлось выучить, для чего нужна каждая из них, и на экзамене вслепую нащупывать нужную. Имелись также два небольших отсека: один с едой и водой, другой для естественных нужд. «Сверчок» имел хорошую систему регенерации воды с качественными фильтрами. Отдельные кнопки на пульте позволяли, не вставая, передвигать лежак к любому отсеку по рельсам из высокопрочного пластика. Над Егором располагался большой иллюминатор, а по бокам от него – два компьютера с широкими экранами. Само управление кораблём осуществлялось при помощи штурвалов, установленных возле пультов. В программном обеспечении был предусмотрен и автопилот, но им можно было воспользоваться только в межзвёздном пространстве, где челноку ничто не угрожало.

Благодаря своей сверхскоростной реакции в экстремальных ситуациях, Егору удалось быстро и аккуратно провести «Сверчок» через пояс астероидов. Шёл второй день полёта, что превосходило ожидания специалистов: они думали, заданная скорость будет медленнее. Егор всё время старался поддерживать связь с Землёй через Фёдора, исключением было лишь время для короткого сна (ему удалось отдохнуть только в районе Марса, где магнитосфера была очень слаба и ничто не угрожало «Сверчку»). Телепатическая связь по-прежнему не прерывалась, они обменивались мыслями за доли секунды, несмотря на расстояние.

Пилотируя корабль, он не успевал насладиться видами в иллюминаторе: сначала долго маневрировал среди астероидов, а теперь старался держаться в стороне от спутников Юпитера, чтобы успеть развернуть корабль, а во время выталивания ни во что не врезаться. Егору предстояла сложнейшая

задача: рассчитать угол, под которым его не просто «выкинет» за пределы Солнечной системы, но ещё и позволит достичь Альфы Центавра. На тренировках это получалось не всегда, поэтому он старался сосредоточиться на решении.

«Сверчок» пока летел на инерционной тяге, постепенно теряя скорость после манёвров, но когда Егор активирует антимангнитный двигатель, у него останутся считанные секунды до выталкивания прочь от Юпитера. Фёдор телепатически передавал данные, которыми его снабжали учёные с МКС: где сейчас находятся другие планеты Солнечной системы и их спутники. Это усложняло задачу, но если её не решить, то «Сверчок» попросту столкнётся, например, с Сатурном или Нереидой.

Ускоряя мысли, Егор принялся разворачивать корабль, решив очередную и самую важную головоломку. Страхи и сомнения он решительно отбросил, понимая, что они только помешают. Вдохнув поглубже (на корабле создали кислородно-гелиевую атмосферу), он нажал на кнопку активации антимангнитной тяги двигателя. За иллюминатором всё слилось в ломаную световую линию, и Егор испытал огромную перегрузку, отчего потерял сознание.

Он пришёл в себя через несколько секунд — Фёдор послал ему настойчивый мысленный импульс. Расслабляться и оставлять корабль без пилота было нельзя: нужно на огромной скорости, во много раз превысившей световую, сначала пролететь через пояс Койпера, а затем и облако Оорта, не столкнувшись с кометами и астероидами. То, что считалось гипотезой, Егор, а через него и Фёдор, увидели воочию — огромное скопление космического мусора. И вновь пришлось маневрировать, реагируя за доли секунды: «Сверчок» лавировал между ядрами комет, обломками скал и ледяными

глыбами. Конечно, будь скопление более плотным, корабль мог легко врезаться в любое из препятствий, но оказалось, что в поясе астероидов было даже труднее. Эта часть теории не подтвердилась на практике: все объекты в поясе Койпера были сильно удалены друг от друга и почти не сталкивались между собой. С ускорением, приданным магнитосферой Юпитера, «Сверчок» быстро пролетел и через внутреннее облако Оорта, за несколько минут преодолев огромное расстояние в несколько тысяч астрономических единиц.

Егор даже не заметил, что во время манёвров небольшая, но увесистая ледяная глыба врезалась в заднюю часть «Сверчка», где располагался основной инерционный двигатель. Он был слишком воодушевлён успехом и тем, что удалось вырваться за пределы Солнечной системы, поэтому, глядя в иллюминатор, не заметил на одном из компьютеров сообщение о повреждении. Он думал о другом – хватит ли инерционной тяги, чтобы долететь сквозь космическую пустоту до Альфы Центавра? По расчётам – да; но на деле Егор сильно волновался.

– Боюсь, силы толчка маловато, всё-таки расстояние очень велико, – поделился он с Фёдором своими опасениями. Но тот с ним не согласился:

– Самое страшное позади, ты смог пережить невероятное ускорение и вылетел с огромной скоростью. А значит, её должно хватить, чтобы дотянуть до цели.

– Мне бы твою уверенность, – усмехнулся Егор. Только сейчас, пережив, считай, смертельно опасную перегрузку, он почувствовал настоящий страх, ведь за бортом не было ничего, кроме космической пустоты и далёких холодных звёзд. И от этого щемило сердце, учащалось дыхание... Но благодаря моральной поддержке Фёдора Егор стойко держался, надеясь

на лучшее. Прогоняя страх, он радовался тому, что исполнилась заветная мечта — побывать в космосе, увидеть звёзды и планеты!

Невыносимо томительно текли минуты, а «Сверчок» казался застывшим посреди межзвёздного пространства, хотя на самом деле по-прежнему летел с большой скоростью, правда, уже не семь миллионов километров в секунду, а шесть — инерционная сила постепенно снижалась, затухала, заставляя переживать сильнее. Егор по-прежнему не знал о повреждении двигателя: автоматическая система сочла удар и снижение скорости незначительными, и поэтому сообщение о поломке исчезло с экрана компьютера. Но внутреннее чутьё заставляло Егора сильно волноваться, и это почувствовал его телепатический партнёр.

— Спокойнее, Егор. Тебе бы расслабиться, поспать, — посоветовал Фёдор.

— Напряжение после столь сильного скачка не отпускает.

— Да, но даже такой сверхскоростной полёт будет продолжаться, по самым лучшим расчётам, ещё целых 80 дней! Хотя и это всяко лучше, чем четыре световых года.

— Я понимаю, что впереди долгое и напряжённое ожидание. Но спать лягу чуть позже. А пока скажи мне вот что... Ты не знаешь, что будет, если я обнаружу землеподобную планету? Как они собираются её колонизировать? Люди не смогут пережить таких перегрузок. У Мирона не спрашивал: всё тренировки да задачи, а просто поговорить по душам не с кем, кроме тебя, — заметил Егор.

— Во-первых, запускать будут большой корабль с двигателем на антивеществе, и лететь он будет до Альфы Центавра добрых десять-пятнадцать лет. Во-вторых, для пассажиров предусмотрят анабиозные камеры.

Слова Фёдора успокоили Егора, и он отбросил мысли, что его риск станет напрасным и бесполезным для людей. Впрочем, теперь ему предстояло самое сложное — найти подходящую планету, что равносильно выигрышу джекпота в лотерее.

Еды и питья, конечно, на «Сверчке» хватало — корабль снабдили системой регенерации воды и загрузили в него несколько бочонков. Возникал лишь один вопрос: а сможет ли он спать в столь экстремальных условиях?

Однако, как вскоре выяснилось, человеческий организм удивительно приспосабливается к любым ситуациям, особенно если учесть способности Егора. Когда он более-менее успокоился и пришёл в себя после пережитого стресса, то, поставив корабль на автопилот, практически сразу уснул.

Насладиться красивыми сновидениями — видами далёких планет — Егору толком не удалось. Меньше, чем через час его разбудила пронзительная аварийная сирена: компьютерная система автоматически включала её при серьёзных поломках. Пилот резко подскочил на лежаке недоумевая, что могло произойти посреди космической пустоты. Егор поморщился от боли: его запястья и лодыжки больно врезались в крепления. Глянув на экраны, он обомлел от страха. Там крупными буквами было написано: «Основной инерционный двигатель повреждён на 90%. Разрушение продолжается. Рекомендуется срочно отсоединить его от корабля, чтобы неизвестное вещество не попало на запасной двигатель и обшивку».

Как всегда, в экстремальной ситуации Егор соображал быстро, поэтому он поторопился нажать на кнопку и отцепить основной инерционный двигатель — ещё не хватало, чтобы

разрушился весь корабль! И только после этого стал разбираться, что произошло.

Посмотрев архив за последние несколько часов, он поморщился: ведь пропустил сообщение о повреждении! А главное, он ведь маневрировал в облаке Оорта, стараясь ни с чем не столкнуться. Но, видимо, под конец позволил себе расслабиться, и эта ошибка могла стать фатальной. Да, поначалу система сочла удар ледяной глыбы незначительным и неугрожающим двигателю. Но компьютер не учёл, что на поверхность попало неизвестное химическое вещество. Судя по всему, оно разъедало пластик, постепенно уничтожая основной инерционный двигатель.

«Сверчок» постепенно замедлялся, и скорость его сильно упала. Егор сразу связался с Фёдором.

— Представляешь, мне пришлось отсоединить основной инерционный двигатель!

— Что? Зачем?

— Оказывается, я не совсем чисто вышел из облака Оорта, и корабль зацепила ледяная глыба. Непонятное вещество попало на обшивку двигателя и меньше, чем за час, почти полностью уничтожила его.

— Ничего себе! А второй двигатель и сам «Сверчок» в норме?

— Судя по экспресс-диагностике, да, следов непонятного вещества нет, но я лучше запущу тщательное сканирование. Проблема в другом: я переключился на запасной двигатель, но он работает почти вхолостую, ведь инерция от толчка совсем погасла, и корабль плетётся с минимальной скоростью посреди космической бездны! Что теперь делать, не знаю: ведь рядом нет ни планет, ни звёзд с магнитосферой.

— Слушай, давай не будем отчаиваться, я надеюсь, ещё можно что-то придумать. Сейчас сообщу обо всём Мирону, может, учёные найдут выход. А тебе, чтобы восстановить силы, всё-таки лучше полноценно поспать. Всё равно ничего сейчас сделать не сможешь. А насчёт совершенной ошибки не переживай — с любым могло случиться, ведь даже автоматическая система не сразу распознала угрозу.

— Да, пожалуй, ты прав. Мне нужно отдохнуть.

Егор с трудом успокоился, отгоняя мрачные мысли. Несмотря на отчаянную ситуацию, ему удалось уснуть. Он проспал, по словам Фёдора, не меньше двенадцати часов.

И как это часто бывает, именно во сне к нему пришло озарение. Он увидел «Сверчок» со стороны — маленькую песчинку посреди необъятной Вселенной — и понял, что даже при работающем двигателе и большой удаче он успел бы исследовать за год не более четырёх звёздных систем. Есть ли шанс, что именно в них окажется нужная человечеству планета? Егор сам не заметил, как задал этот вопрос вслух. И в этот миг ему во сне явилась сама Вселенная — огромное скопление галактик, туманностей и бесчисленных звёзд. Она заговорила с ним приятным женским голосом:

— Ты наделён особыми дарами, чтобы распространять и утверждать жизнь повсюду. Думаешь, уже достиг предела возможностей? А его попросту нет, поскольку и я, Вселенная, безгранична. Твой мозг способен на многое. Только подумай: скорость ваших с Фёдором мыслей так велика, что для неё ничто огромные расстояния, они их преодолевают в доли секунды. А это значит, что ты найдёшь решение, как ещё больше ускориться и быстро достичь цели — а затем лететь к новым звёздам, всё дальше и дальше, открывая мои тайны и принося жизнь туда, где её нет, но мною созданы для неё все условия.

Помни, Егор: когда у тебя за плечами сама Вселенная, ничто не может стать помехой на пути!

А затем галактики и туманности вспыхнули ярче, но не ослепляя его. Вселенная давала возможность насладиться её неповторимой красотой. Повсюду, даже в самых дальних её уголках, светили звёзды – маленькие и большие солнца. Закручивались бесчисленные спирали галактик, манили к себе таинственные туманности. И даже чёрные дыры не казались чем-то страшным и опасным – они становились неотъемлемой частью Вселенной, которая, как теперь понял Егор, бесконечно расширялась и развивалась, и точно никогда не могла сжаться обратно в единую точку, потому что умела ценить жизнь. Поэтому она и преподнесла им с Фёдором уникальные дары.

Проснувшись после чудесного сна, Егор почувствовал невероятный прилив сил. Настолько бодрым он не был уже давно. Он рассказал Фёдору об увиденном и удивился, когда тот ответил:

– Мне ведь сейчас тоже приснился похожий сон. И я считаю, что сама по себе Вселенная разумна и не зря наделила нас своими дарами. То есть мы должны помогать распространению жизни в других звёздных системах. Вот только пока непонятно, как ускориться и быстро достичь цели...

– Она мне сказала, что я найду решение, – заметил Егор. – Значит, я должен отнестись к этому... как к очередной астрономической задаче! Кстати, а что там надумали учёные?

– К сожалению, ничего, кроме попытаться вернуться на Землю.

– Нет, это не вариант. Нужно решить задачу, поставленную Вселенной, и ускориться ещё больше, чем в тот момент, когда корабль оттолкнулся от магнитосферы Юпитера.

– Но переживёшь ли ты ещё большие перегрузки?

– У Вселенной нет границ для возможного. Я думаю, что это не просто сон – мне действительно довелось услышать её чарующий женский голос. А значит, нечего бояться!

«Итак, что мы имеем? Корабль может быстро лететь двумя способами: на инерционной тяге либо благодаря толчку магнитосферы. Но здесь нет ни звёзд, ни планет, отталкиваться не от чего. Тем не менее Вселенная считает, что я способен решить эту задачу, и что скорость мысли... точно, она намного быстрее даже скорости света! Конечно, одной лишь мыслью корабль не разогнать», – думал Егор, одновременно передавая свои раздумья Фёдору. И тот подсказал ему правильное направление:

– Человеческий мозг способен излучать электромагнитные волны, так? А что, если тебе попробовать создать вокруг себя и корабля достаточно интенсивную магнитосферу?

– Идея неплохая, но я же не Юпитер и даже не Земля, хватит ли этого электромагнитного поля? – засомневался Егор. – Впрочем, мы только что говорили о том, что во Вселенной нет пределов для возможностей, а значит, моя способность ускорять мысли поможет в этом непростом деле.

– Расслабься и почувствуй себя планетой, – шутливо поддерживал его Фёдор.

Егор хмыкнул и постарался настроиться на выполнение кажущейся непосильной задачи. Но ему не давал покоя один вопрос: «А не стоит ли рассказать об этом плане Мирону?»

– Я думаю, что нет, – ответил Фёдор, чутко уловив мысли напарника. – Он всё-таки учёный, при этом въедливый, и начнёт говорить, что это не только невозможно, но ещё и рискованно.

– Рискованно? – переспросил Егор.

– Да, ведь никто не знает, выдержит ли твой мозг такую нагрузку.

– Утешил, называется.

– Не бойся. Сам слышал во сне: когда у тебя за плечами сама Вселенная...

– Точно, прочь все сомнения! – решительно заявил Егор. – Нужно лишь довериться своим способностям...

И он, постаравшись максимально расслабиться, стал ускорять свои мысли, представляя, что создаёт вокруг себя и корабля огромный магнитный кокон. Ему на мгновение показалось, что от напряжения что-то вот-вот заискрит и лопнет в голове, но усилием воли Егор отсек волнение и страх, понимая, что ему нельзя отвлекаться. Он продолжал ускорять мысли, чувствуя телепатическое сопереживание Фёдора – тот пытался даже на огромном расстоянии помочь и поддержать. Наконец, воображаемый образ не просто был сформирован – Егор физически почувствовал, как намагнитилось пространство вокруг него, что подтверждали данные на экранах. И, отбрасывая прочь остатки нерешительности, он нажал на кнопку, включив антимагнитную тягу.

«Мне нельзя отключаться», – повторял про себя Егор, предчувствуя ещё большее ускорение и непосильные перегрузки, чем после отталкивания от Юпитера.

Ему удалось совершить, казалось бы, невозможное – создать не только собственное мощное поле сродни магнитосфере, но и поймать двигатель в своеобразную ловушку, подталкивая корабль и изнутри, и снаружи, придавая ускорение в геометрической прогрессии. И если сначала «Сверчок» стал лишь немного быстрее, то затем, постоянно подбиваемый окружившим Егора и корабль полем, набрал немыслимую скорость. Вопрос в другом: как долго пилот сможет продержаться при запредельных нагрузках?

Но Егор, отбрасывая все сомнения, продолжал мысленно ускорять корабль, стараясь не думать ни о чём, кроме того, что за его плечами – сама Вселенная. Её невидимая энергетика и мысленная поддержка Фёдора придавали сил.

«Сверчок» летел всё быстрее: десять, двадцать, сто миллионов километров в секунду... Стойкость Егора, его вера в то, что сверхспособности даны Вселенной не напрасно, помогали продержаться. И он продолжал подстёгивать себя, бросая новый вызов человеческим возможностям.

Примерно через полтора часа напряжённого сверхскоростного полёта Егор услышал долгожданное автоматическое оповещение бортового компьютера: «Приближается Альфа Центавра». Вздохнув с облегчением, Егор поблагодарил Фёдора за поддержку и мысленно представил, что электромагнитное поле вокруг корабля постепенно ослабевает, а через минуту отключил его полностью, оставив в работе только запасной инерционный двигатель.

Ликование и восторг захватили его: ведь удалось не просто перешагнуть порог возможностей, но и достичь первой цели. И отчего-то появилась уверенность: он найдёт нужную планету.

– Сообщи Мирону, что я уже достиг цели и почти подлетел к Альфе Центавра. И передай мне, пожалуйста, картинку, хочу посмотреть на его удивлённое лицо, – передал мысли Егор.

Фёдор так и сделал, наградив напарника-телепата ярким образом: учёный застыл с отвисшей челюстью и выпученными глазами, так и не донеся кружку с кофе до рта.

– А теперь расскажи ему, как именно мне это удалось, – добавил Егор.

Мирон едва не опрокинул кружку, слушая Фёдора. В ответ он только произнёс:

– Но это невозможно... Переворачивает все научные представления...

Егор лишь улыбнулся: ему важна была разрядка после за-предельного напряжения.

Благодаря набранной скорости и инерционной тяге, Альфа Центавра приближалась с каждой секундой, и поэтому он принялся готовить к запуску зонды. Те представляли собой небольшие радиоуправляемые приборы с минимальным содержанием металла и с огнеупорным покрытием. Подобные зонды начали изготавливать недавно, после очередного прорыва научно-технической революции в 2050 году. Они годились и для сбора данных о системе и её планетах, и для запуска в атмосферу, чтобы вычислить её состав, и для съёмки местности. Конечно, при подготовке проекта «Вселенная» все приборы уже опробовали, в том числе и тот, что считывал наличие магнитосферы.

За счёт быстрого разгона «Сверчок» проникал всё дальше вглубь системы Альфа Центавра, и Егору пришлось сильно постараться, чтобы на огромной скорости пролететь через пояс астероидов – здесь он располагался довольно далеко от солнца. И вновь мгновенная реакция не раз помогла при пилотировании. Конечно, эти препятствия казались лёгкими по сравнению с тем, через что он уже прошёл, но Егор старался не расслабляться: любая ошибка могла привести к провалу.

Следующие две планеты тоже предстали перед ним ледяными шарами, но на этот раз больше Земли. Далее, судя по данным зондов, располагался огромный газовый гигант с сильной магнитосферой – местный Юпитер. Затем – крохотная планета меньше Меркурия, совершенно пустынная и с большим содержанием метана в атмосфере. Но, чем ближе к солнцу, тем больше появлялось у Егора уверенности:

он найдёт то, что ищет, в качестве награды, уготованной самой Вселенной.

Скорость постепенно снижалась, но её хватило, чтобы «Сверчок» успел пролететь огромное расстояние до следующей планеты системы и выйти на орбиту. Егор запустил зонды и залюбовался открывшимся видом: голубой сфероид чуть больше Земли, слегка подёрнутый дымкой облаков, с двумя континентами размером с Африку. Планета величественно вращалась, вскоре приоткрыв взору ещё два материка чуть меньше Австралии. Всё остальное пространство занимали океаны с небольшими вкраплениями островов.

Через несколько минут пришли данные с зондов. Состав атмосферы немного отличался от земного: азот – 68%, кислород – 24%, водород – 7%, прочие газы – 1%. Сила тяжести составляла 1,1g. В общем, всё говорило о том, что Егор, а вместе с ним и всё человечество, получают заслуженную награду от Вселенной.

Фотоснимки местности тоже радовали взгляд: лазурное море, песчаные пляжи, невысокие скалы металлического оттенка, множество необычных деревьев с куполообразной кроной. Из живых существ зонды засняли лишь несколько зверьков, похожих на енотов, но с шестью лапами и зелёной шкурой, под цвет густой листвы. Возможно, здесь водились животные и покрупнее, плюс наверняка в океанах было множество рыб. Но главное – нигде ни следа городов или деревень. Чистая, девственная планета, готовая стать новым домом для первых поселенцев.

Егора охватил восторг: он первый увидел новые просторы! А значит, все препятствия преодолел не напрасно.

Фёдор сполна разделил его воодушевление и сообщил, что Мирон и другие учёные тоже ликуют и думают над тем,

как снарядить экспедицию колонистов, и кто станет её руководителем. Сами учёные пока что не решались покинуть Землю, понимая, что иначе им пришлось бы много лет провести в анабиозе.

— Вот здорово получилось! Цель проекта «Вселенная» успешно достигнута в первом же полёте. Мирон говорит, что теперь ты можешь со спокойной совестью возвращаться на Землю, — добавил Фёдор.

Егор мысленно покачал головой и спросил:

— Разве может на этом всё закончиться? Неужели я летел, разгонялся, проходил через все тернии ради одной-единственной планеты? — Он помолчал, а затем сам ответил на свои вопросы: — Нет, я уверен, Вселенная приготовила нам ещё немало удивительных открытий и наград. Да и не может называться проект в её честь, если он рассчитан всего лишь на один небольшой полёт. Передо мной — бесчисленные звёзды и галактики! Разве можно отказаться от того, чтобы изучать весь мир? Да, другой отступил бы, поддавшись страху или жажде славы — ведь на Земле меня будут встречать как героя. Но, найдя эту планету, я понял: это не конечная цель. Мой полёт продолжится — дальше и дальше, от одной звёздной системы к другой.

Егор, дождавшись возвращения зондов, решительно развернул «Сверчок» к местному Юпитеру. Если бы не пояс астероидов почти на вылете из системы, он бы, пожалуй, рискнул разогнаться самостоятельно, без магнитосферы газового гиганта. Но в любом случае Егор собирался, вырвавшись в межзвёздное пространство, немного отдохнуть — чтобы затем вновь совершить невозможное и, постоянно преодолевая себя, устремиться к исполнению мечты.

Тройная звёздная система HR 6819, что находилась более чем в тысяче световых лет от Земли, поражала своей необычностью и красотой. Егор любовался снимками с зондов: два небольших солнца и третье, невидимое, располагались по спирали друг от друга, казалось бы, недалеко, хотя на деле расстояние между ними было довольно приличным. Но больше всего привлекало взгляд тёмное пятно в центре системы. Судя по всему, предположения астрономов оправдались, и там действительно была ближайшая к Земле чёрная дыра.

Полёт «Сверчка» подходил к концу: примерно через месяц закончатся запасы еды, но Егора это почти не волновало. Он научился обходиться минимумом пищи, хотя воды пил всегда очень много, чтобы поддерживать работу мозга. За одиннадцать месяцев он сотни раз ускорялся, научившись постоянно преодолевать самого себя. Егор изучил двести пять звёздных систем, открыл семьдесят пригодных для жизни планет (правда, до некоторых из них человечество вряд ли сможет быстро добраться — огромные корабли с двигателями на антивеществе существенно уступали в скорости «Сверчку» и ещё только начали полёт к самой первой планете — Надежде, обнаруженной в системе Альфа Центавра).

Он добровольно решил продолжать проект «Вселенная» насколько возможно: ему нравилось изучать огромные звёздные просторы, открывать новые планеты. Да, конечно, поначалу Егор тосковал по Земле, но с другой стороны, ему не хотелось возвращаться. Здесь, в космосе, он был наедине со всем миром, а на перенаселённой планете чувствовал бы себя несчастным и зажатым. Стоило ему вспомнить вечно пропитанный химией воздух родного города, постоянный шум машин, лязг и грохот химкомбината, как напрочь пропадала носталь-

гия по Земле. Егора больше манило величие звёзд. А потому он решил так: когда запасы подойдут к концу, он, несмотря на риск сгореть в атмосфере, высадится на ближайшей пригодной для жизни планете и останется там.

Фёдор не раз говорил о том, что по-хорошему завидует ему: он сам был привязан к родной планете, да и почти не покидал основного здания «Роскосмоса» — небоскрёба, построенного в виде ракеты.

Несмотря на умопомрачительное расстояние, два телепата по-прежнему могли обмениваться мыслями с огромной скоростью. Учёные изучали этот феномен, но пока не понимали, как это им удаётся. Егору всегда приятно было пообщаться с Фёдором, ставшим самым близким другом, товарищем, готовым всегда поддержать. Но ещё большее удовольствие ему доставляло редкое, но драгоценное общение с самой Вселенной. Раз в месяц или два она являлась ему во сне, вдохновляя на новые подвиги и показывая то планеты, то звёзды. Однажды Егор поинтересовался:

— Почему я никогда не встречал других разумных существ? Неужели мы одиноки во Вселенной?

— Различных созданий с разумом и чувствами на самом деле намного больше, чем ты можешь себе представить. Просто вы, люди, ищете только себе подобных, и забываете, что формы жизни бывают многообразны. Даже планеты и солнца разумны! А что касается других рас, кто уже вышел в космос, их действительно немного, но когда-нибудь ты встретишься и с ними. Но для этого тебе нужно принять мой очередной дар.

Вселенная предложила ему заняться исследованием чёрных дыр. Поэтому Егор и полетел в систему HR 6819.

Вдоволь полюбовавшись на виды звёзд, он создал вокруг себя и корабля магнитное поле, чтобы побыстрее достичь цели. Пара часов напряжённого полёта и преодоления сверхсветовых скоростей — и вот он уже на границе звёздной системы. Переключив двигатель с антимагнитной тяги на инерционную, Егор позволил себе немного расслабиться. Он вновь запустил зонды. Вскоре на компьютер пришли данные о ближайших планетах.

В звёздной системе оказалось сразу четыре газовых гиганта, подобных Юпитеру, и две ледяные планеты. А в центре вместо солнца темнела чёрная дыра. Заинтригованный Егор направил «Сверчок» поближе — всё равно здесь не нашлось пригодных для жизни планет. Вскоре он увидел в черноте космоса ещё более тёмное пятно. Егор ощутил, помимо ставших уже привычными запредельных перегрузок, сильное гравитационное поле, что притягивало «Сверчок» с неистовой силой. Он понял, что больше не может управлять кораблём — его стремительно засасывало внутрь чёрной дыры. Ещё мгновение — и всё вокруг потемнело. Компьютеры выдавали настолько невероятные данные, что свели с ума бы любого учёного: постоянно изменялись показатели гравитации, внешнего давления и даже температуры !

А ещё спустя секунду Егор почувствовал, что он находится одновременно везде и нигде. Исчезло гравитационное воздействие, снизилось внешнее давление. «Сверчок» завис внутри тёмного кокона, где пространство было сжато до предела. Взглянув в иллюминатор, Егор обомлел: он изнутри видел огромное количество галактик, казалось — протяни руку, и они окажутся совсем близко.

И даже здесь он продолжал мысленно общаться с Фёдором, передавая ему всё увиденное, заставляя товарища вос-

хищаться красотой Вселенной. Вот спираль Млечного Пути, а вот подёрнутая дымкой туманность Андромеды. И дальше, дальше — мириады галактик, все в постоянном движении и самосовершенствовании...

В этот миг сама Вселенная впервые заговорила с Егором наяву, её голос шёл отовсюду:

— Чёрные дыры лишь кажутся вам опасными и неизученными. Вы считаете их погасшими, отжившими своё солнцами, но в мире ничто не исчезает бесследно. И в то время как я, Вселенная, постоянно расширяюсь, чёрные дыры становятся моими маленькими копиями, сжатыми в коконы. Именно здесь я приготовила для тебя свой очередной дар. Отсюда ты сможешь переместиться куда угодно, хоть в другую галактику. Мало того, познав изнутри энергию чёрных дыр, ты овладеешь ещё одной способностью — телепортацией.

Егор от всего сердца поблагодарил Вселенную за очередной чудесный дар. Но куда ему отправиться? Повсюду он видел спирали галактик и рисунки незнакомых созвездий, каждый уголок мироздания манил его к себе. Он сообразил: нужно вернуться на Землю, пополнить запасы продовольствия, а затем, научившись телепортироваться — так, чтобы перемещаться вместе со «Сверчком», разумеется — выбрать новый путь для дальнейшего полёта.

Вдохновенная улыбка застыла на лице Егора. Он не торопился с телепортацией, любуясь открывшимся видом. Вся необъятная Вселенная ждала его.

С. Хочистов

«КОЛЕСО О ДЮЖИНЕ СПИЦ»

Печаль поселилась в доме Дровосека в последних днях уходящего года. Кай – единственный сын Дровосека, только летом успевший достичь десятилетнего возраста – лежал возле маленькой печки и медленно угасал. День ото дня ему становилось всё хуже и хуже, он едва шевелился под тяжёлым одеялом, которым его укрывал Дровосек, отказывался от еды и всё больше молчал. Хворь набросилась на мальчика совершенно внезапно и сразу подчинила себе его худосочное тельце, Кай чахнул на глазах, и всё труднее становилось Дровосеку разглядывать в мутнеющих глазах сына искру узнавания. Его сын уходил, медленно таял под гнётом неизвестной болезни, а Дровосек был бессилён ему помочь.

Приглашённый из города лекарь долгое время разглядывал лежащего без движения и исхудавшего Кая, но в итоге лишь сумел пробормотать, что никогда прежде не сталкивался с подобным. После своего ухода он оставил Дровосеку склянку с целительной микстурой, которую Кай с большой неохотой проглатывал, но при этом в его состоянии не наблюдалось никаких изменений.

Отчаявшийся Дровосек совсем забросил свой топор и уже не ходил каждый день в лес на промысел. Он не отходил от лежащего возле маленькой печки сына, отлучаясь разве что в сарай, где ещё с осени имелся заготовленный запас дров. Дровосек сжигал древесину в больших количествах, внутренности его домика были хорошо натоплены и там совершенно не оставалось места для холода, но всё равно Кай

дрожал под тяжёлым одеялом, лишь сильнее впадая в страшное подобие бездвижной спячки.

Как бы ни крепился Дровосек, как бы ни старался приготовиться к грядущему, всё же в последний день декабря, когда природа за окном готовилась оставить за спиной старый год и перейти в новый, Кай испустил слабый вздох и умер. Безутешный Дровосек подхватил тело мальчика и крепко прижал его к своей груди, дав волю слезам. У него более никого не было, только сын, только в Кае заключался смысл существования Дровосека, только в заботах о нём происходили его счастливые дни, которые теперь навсегда должны были остаться за спиной.

Тёмные сумерки – предвестники завтрашнего нового дня – подкрадывались к его затерянному в лесу домику и слышали ужасные, идущие из глубины раненой души рыдания. Дровосек возводил глаза к низкому потолку, но мысли свои посылал много выше, туда, где, как надеялись люди, обитали духи и сущности, коим небезразличны людские судьбы.

Дровосеку не были известны имена тех богов, что населяли суровое небо, спрятанное за тучами, а потому его молитвы были немые. Безмолвно он просил у них спасения для своего сына, держа его практически невесомое тельце возле груди.

– Верните мне Кая! – Выкрикнул он в обступающую его дом темноту. – Он жил всего десять лет и не заслужил такой ранней смерти! О ком мне теперь заботиться? Кого я стану учить премудростям своего ремесла? Если вы там, если вы всемогущи, как мы в то верим, то помогите мне! О духи лесов и высокой мудрости, духи ветров и бессчётных лет, духи огня и желаний, заклинаю вас, молю, стоя на коленях, прошу лишь о жизни своего сына! Не оставьте меня в беде!

Не успели его слова смолкнуть, как в окна его домика ударила снежная крупа, бревенчатые стены задрожали, а по ту сторону массивной двери послышалась поступь. Дверь распахнулась, скрипнув металлическими петлями, и на фоне чернеющей ночи вырисовались очертания фигуры. Дровосек с удивлением и испугом взирал на переступающего через его порог незнакомца.

Тот был согбен и при ходьбе опирался на длинный посох, который сжимал сразу двумя руками. Облачение его было – длинный балахон, отороченный обвислым мехом и повязанный разноцветным поясом. С головы сбегали волосы, длиннее и белее которых Дровосеку, видать, не приходилось. Нижнюю часть лица закрывала борода, конец которой прятался под поясом.

Грозен был вид явившегося в дом Дровосека старика, намурены были его брови, тяжёл взгляд глубоко посаженных глаз, расположенных в окружении вековых морщин. Завывающие в распахнутую дверь ночные ветра рвали свисающие полы его балахона. Если бы старец распрямил свою спину, то его голова коснулась бы потолочных балок, но и без этого он словно нависал над широкоплечим Дровосеком, до сих пор стоящим на коленях и прижимающим к груди тело сына.

Огонь в печке, потревоженный вторжением холодных струй, заметался и стал отбрасывать по стенам причудливые тени, из-за которых Дровосеку не удалось заметить, как старик прикрыл за собой дверь.

Пришлец высился перед Дровосеком, его крепкие руки стискивали посох, фигурный набалдашник которого имел очертания колеса.

– Мне ведомо твоё горе, Дровосек. – Голос старика звучал непривычно сильно, а вытянувшийся длинный палец ука-

зал на бездыханного Кая. — Я слышал твой крик и те мольбы, что ты возносил безмолвно. Последняя ночь уходящего года издревле считалась исполненной волшебства и чудес, и пока этот день не истёк мне ещё ведомы силы, способные отвести беду, пришедшую в твой дом.

Дровосек взирал на явившегося из ночи старика, внимал его речам и чувствовал, как в душе у него распускаются ростки надежды.

— Если ты пришёл на мой зов, то помоги мне вернуть сына! — Дровосек отнял от груди тельце Кая и вытянул его в направлении старика. — Его сгубила болезнь, и лекари оказались перед нею совершенно бессильны. Я звал и надеялся на чудо, и если тебе ведомы силы, способные спасти его, то примени их. Я об этом умоляю...

Долгое время высокий старик просто смотрел на сидящего Дровосека, словно бы взвешивал его просьбу и соизмерял с ценой, которую запросит за её выполнение. Дровосек не сводил своих глаз, преисполненных надеждой, с морщинистого лица незнакомца.

— Я сумею помочь тебе, — наконец проговорил он. — Но и с тебя попрошу выполнить мои условия. Это будет честно.

— Всё что угодно! — Воскликнул Дровосек. — Я сделаю всё, что будет необходимо, чтобы ты вернул жизнь моему сыну!

В глазах старца мелькнула искра, а один из узловатых пальцев прикоснулся к резному набалдашнику посоха, в котором Дровосек углядел некое подобие колеса со сходящимися спицами.

— Будь осторожен в своих словах, Дровосек. — Предостерег его старик. — И наберись терпения, ибо сила моя не безгранична, и только в ночь, подобную этой, в последнюю ночь декабря я смогу вдохнуть жизнь в твоего ребёнка. А до того момента,

пока эта ночь не наступит снова, тебе придётся выполнять мои условия, и, вернувшись к тебе, я оценю твой труд, и от выполнения моих условий и будет зависеть жизнь твоего Кая.

— Пока снова не наступит эта ночь? Почему так долго? Почему ты не можешь вдохнуть в него жизнь сегодняшней ночью? — Сокрушённо спросил Дровосек.

— Потому что нынешней ночью я обозначу условия, которые тебе придётся соблюдать. Можешь считать их платой за жизнь своего мальчика. — Старик был непреклонен и жесток, но всё же его слова подпитывали надежду сражённого горем Дровосека. — Всё решит твой выбор: я могу назвать свои условия и вернуться в обозначенную ночь, а могу уйти из твоего дома прямо сейчас и не помогать твоему горю...

— Назови мне условия. — Попросил Дровосек, ничто не могло поколебать его уверенности, ничто не могло заставить его свернуть с намеченного пути.

— Хорошо. — Молвил старик. — Условие первое: как только этот день завершится и начнётся день новый, тебе нужно будет отправиться в лес и идти до круглой лесной поляны, посреди которой будет возвышаться стройная ель. Там ты найдёшь лежащего в снегу младенца, тебе нужно будет забрать его, принести в свой дом и принять ответственность за него до моего возвращения. Если ты и впрямь хороший отец, то для тебя в этом не будет никаких трудностей. Итак, условие первое: забота о младенце, а второе условие это тринадцать моих имён, которые тебе предстоит узнать.

— А как же Кай? — Задался вопросом Дровосек. — Что будет с ним, пока я буду ждать твоего возвращения?

— О сыне своём не беспокойся. Оставь его в доме, пусть вид его подкрепляет твои надежды. Мои силы сохраняют его от мерзких объятий смерти на этот срок, а остальное в твои

руках, Дровосек. — Загадочный старик обернулся через плечо, вслушиваясь в завывающие песни зимнего ветра. — Моё время на исходе.

С этими словами он двинулся в сторону двери. Дровосек ещё пытался осмыслить условия, и его голову переполняло множество вопросов. Лишь порывистое движение старика сумело вывести его из оцепенения.

— Но как же я узнаю твоё имя? К тому же если их у тебя тринадцать!

Но дверь уже успела хлопнуть. Безымянный старик растворился в темноте, оставив Дровосека наедине с его сыном. Потрясенный огонь вновь успокоился. В углу возле двери Дровосек заметил длинный посох, забытый или оставленный стариком.

А было ли всё это на самом деле? Не пригрезилось ли ему появление этого древнего и морщинистого старика, чья борода заправлялась за пояс?

Однако все сомнения Дровосек отбросил в тот момент, когда сквозь метель до него стал доноситься колокольный перезвон расположенного невдалеке храма. Колокольный звон в эту ночь мог означать только одно — старый год завершился, настало время нового года. А раз так, то приходило время приступить к выполнению условий, поставленных исчезнувшим старцем.

Дровосек положил своего сына на прежнее место, укрыл его одеялом и подбросил в печку несколько дровинок. В таком виде Кай совсем не напоминал мёртвого, казалось, он только заснул, Дровосеку хотелось верить, что с этого момента его мальчик находится под охраной сил загадочного пришельца.

Как бы невыносима ни была мысль о том, что ему придётся оставить родного сына в одиночестве, он всё же облачился

в самые тёплые одежды, которые только сумел разыскать, зажёл фонарь и с ним вышел в темноту наступившего нового года, не забыв прихватить толстое одеяло.

Дровосеку были ведомы все лесные дорожки, и он знал. В какой стороне искать ту поляну, про которую ему сказал старик. Во дворе снега намело выше колена, и уже первые шаги давались ему с трудом, но Дровосек был не из тех, кто пугался трудностей, поэтому смело углублялся под голые ветви шумящего леса.

Странные слова старика не давали ему покоя, ожидание последнего дня следующего декабря уже полностью захватило его мысли, и Дровосеку оставалось только гадать, над какими материями властен человек, переступивший нынче ночью порог его хижины. И является ли он вообще человеком? И всё же Дровосек получил именно то, о чём просил; он звал и молился и на его зов пришёл старик. Сколько бы загадок и тайн ни скрывала его личность, Дровосек решил довериться ему и исполнять оговорённые условия.

Он шёл через ночь, и холод тонкими пальцами пробирался под многочисленные слои его одежды. Бледная луна, изредка рассекающая сумрачный покров, следила за его движением. Молчаливые звёзды блестили на небе, и сияние их было так же тускло, как свет зажатого в руке Дровосека фонаря.

Длинная вереница его шагов тянулась от дома, проходила через лес, огибала овраги и, в конце концов, оборвалась в том месте, где дровосек достиг поляны. Она имела практически идеально круглую форму, деревья высотным частоколом окружали её – пятачок свободного пространства среди глухих, дремучих дебрей. Но самое удивительное заключалось в том, что посреди открытого участка, на небольшом взгорке под прикрытием стройной ели лежал младенец, слегка присыпанный падающим снежком.

Чей он был? И кто его здесь оставил? Ничьи следы не пересекали поляну, он лежал в полнейшей темноте, и ни звука не доносилось из его маленького ротика. При появлении Дровосека он сразу обернулся и вытянул в его сторону ручки, словно каким-то непостижимым образом знал о том, что человек с фонарём пришёл его забрать.

Дровосека появление младенца в лесу не удивило, он всегда знал, что существуют вещи за гранью человеческого разума и минувшим вечером получил достаточное количество тому подтверждений. Он нашёл младенца точно там, где говорил старик, и от этого его надежда пустила ещё более глубокие корни.

Дровосек осторожно завернул ребёнка в прихваченное одеяло, закутал его как можно плотнее, чтобы уберечь от холода, и прижал получившийся свёрток к груди, как совсем недавно держал собственного сына. Он стал возвращаться по своим же следам, бредя через непогоду и освещая свой путь тускнеющим фонарём. Когда природа стала являть первые признаки наступающего рассвета, Дровосек добрался до своего дома и с большим облегчением переступил порог.

Первым делом он вновь подкинул дров в печь, пододвинул к ней своё кресло и в нём удобно разместил принесённого из леса малыша. Теперь возле огня лежало уже два ребёнка. Дровосек аккуратно потрогал лоб Кая и обнаружил его тёплым, значит, силы старика уже вступили в противоборство со смертью, раз тело мальчика до сих пор хранило живую теплоту. Прежде чем раздеться и сбросить с себя меха и шкуры, Дровосек собирался дойти до сарая и принести ещё несколько охапок дров, но ещё первее он приблизился к оставленному стариком посоху с фигурным набалдашником и поставил его ровнее, чтобы тот ненароком не упал.

Обеспечив себя и двоих мальчиков достаточным количеством горючего, Дровосек развесил промокшую одежду сушиться, а сам присел на крепко сколоченный стул и погрузился в размышления. Ему следовало определиться с именами старика, и срок, обозначенный для решения этой загадки, уже пошёл.

Странности в поведении младенца, принесённого из леса, практически сразу дали о себе знать. Дровосеку не доводилось видеть его плачущим или капризничающим. Младенец поражал совершенно несвойственной детям спокойностью и какой-то затаённой мудростью во взгляде, глубина которой была непроницаема для Дровосека. Если младенец не спал, то глаза его очень часто сосредотачивались на Дровосеке или на лежащем по соседству Кае.

Раз в несколько дней Дровосеку приходилось запелёнывать найдёныша, привязывать его к своей груди, укрывать шубой и отправляться в селение за козьим молоком, которым он по возвращении кормил младенца. Ему приходилось преодолевать большие расстояния по снегу и холоду, но тело его была закалено, и мышцы с большой охотой совершали физическую работу. К тому же старался он не только ради себя, но и ради лежащего в хижине Кая, лоб которого по-прежнему оставался тёплым.

Странности младенца проявлялись не только в его умудрённом взгляде и непривычном покое, но и в том, как он рос. Ребёнок быстро набирал в весе, его головку покрывали всё большее количество волос, а в сонном состоянии он стал проводить куда меньше времени, чем в первые дни, когда Дровосек только принёс его в свой дом.

За окнами хижины проходил январь, покрывая гладкие поверхности морозными узорами, и Дровосеку даже не при-

ходило в голову связать чудесную вязь появляющихся узоров с движениями маленьких пальчиков и ладошек. Очень часто длинными тёмными вечерами он бывал зачарован фигурами и формами, что изображали в воздухе ручки лесного младенца, но не замечал того, что эти фигуры находят своё отражение в рисунке инея, что покрывал входную дверь.

Быстрый рост мальчика превосходил все мыслимые ожидания Дровосека и достиг пика в последний день января, когда, повинуясь необъяснимой метаморфозе, младенец вдруг обратился в мальчика, едва уступавшего в возрасте лежащему без движения Каю. Удивлению Дровосека не было предела, ещё вчера он качал на руках младенца, место которого сегодня занял резко повзрослевший мальчик, однако чудесное перевоплощение не помешало ему и в дальнейшем истинно заботиться о найдёныше.

Так закончился январь и уступил место февралю и всем последующим месяцам, исполненных удивительных чудес.

Злостный февраль, самый суровый из зимних месяцев окружил себя метелями и задувающими во все щели ветрами. Теперь Дровосек ходил в поселение в одиночестве, оставляя найдёныша присматривать за домом и Каем. Первое время его смущало то, что найдёныш не желает откликаться ни на какие имена, но в скором времени он к этому привык. В лице молчаливого мальчика Дровосек обрёл помощника, острую нужду в котором ощущал ещё с тех пор, как первые признаки болезни схватили Кая.

Во время работы или выполнения какого-нибудь поручения найдёныш имел привычку насвистывать незнакомые Дровосеку мотивы, совпадающие с налетающими порывами ветра. Непогода всегда приходила следом за его тихим свистом, но закономерность эта никогда не бросалась в глаза привыкшему к чудному Дровосеку.

Февральское превращение ещё в большей степени преобразило мальчика, который после него стал походить на юношу. Теперь найдёнышу было никак не меньше пятнадцати — шестнадцати лет, по возрасту он превосходил Кая.

А потом пришёл март — первый вестник грядущей весны. Дровосек вернулся к своему промыслу, и его топор всё чаще звенел в рощах, расположенных недалеко от его дома, где у печки продолжал лежать его сын, нисколько не изменившийся за прошедшие месяцы.

Всё отпущенное время Дровосек продолжал проводить в размышлениях об именах старика, но где ему было взять для этого подсказки? С первым условием он, по его мнению, справлялся, но со вторым никак не мог совладать, ибо не представлял, где ему искать таинственные имена.

Однажды бредя погружённым в собственные мысли, он остановился возле ручья и заметил найдёныша, гуляющего по берегу. Тот шагал почти по самой кромке водоёма, и каждый шаг его ломал застоявшийся на ручье лёд. Юноша опустил ногу, и лёд трескался в такт его шагам. Дровосек видел это, но разглядел в том лишь случайность.

Мартовское преображение изменило юношу и обратило того крепким, поджарым молодцем, выглядевшим старше двух десятков лет.

С апреля они начали ходить на промысел вместе, благо у Дровосека имелось несколько топоров, один из которых пришёлся впору по руке найдёныша, взросление которого измерялось днями. Рубили они по большей части поваленные деревья или засохшие старые стволы, и вот во время непродолжительного отдыха, которого требовал их утомительный труд, Дровосек заметил, что найдёныш бродит среди рощицы живых деревьев и словно бы общается с ними.

Да, именно так это и выглядело. Дровосек наблюдал за тем, как молодой человек прикасается к шершавым стволам, гладит их пальцами и как будто шепчет им слова. Все-го через несколько дней, проходя тем же местом, Дровосек обнаружил на деревьях из рощицы набухающие почки. Это были первые зацветающие деревья, что он увидел тем апрелем. Вслед за почками пришли листья, и в конце месяца найдёныш повзрослел ещё на несколько лет.

Май принёс с собой летнее тепло и свежее дыхание обновлённой природы. Порядком возмужавший найдёныш откровенно удивил Дровосека полнотой собственного голоса, потому как с наступлением мая обнаружил в себе впечатлительные способности к пению. Его песнь была лишена слов, но состояла из одной только мелодии, ответом на которую были соловьиные песни, доносящиеся из леса. Дровосек не увидел ни одного соловья до той поры, пока найдёныш не стал исполнять свои мелодии.

Кай более не нуждался в тепле, и одеяло стало излишним. Набирающее силу солнце быстро прогревало небольшую хижину Дровосека, оставляя Кая в совершенной неприкосновенности, смерть не смела к нему притрагиваться, силы старика хранили мальчика. Лежащее в хижине тельце отчётливо напоминало Дровосеку о загадке, ответа на которую у него всё ещё не было.

За прошедшие месяцы он успел свыкнуться с темпами развития младенца, которого принёс из леса, для него стало вполне обычным делом, что последний день месяца всегда ознаменовывался взрослением его подопечного. Это стало неотъемлемой частью его жизни. Он был готов к тому, что в конце марта найдёныш обернётся настоящим мужчиной.

Лето вступило в свои права, когда найдёныш выглядел немногим младше самого Дровосека, а черты его лица ста-

ли приобретать оттенки призрачного узнавания. На протяжении июня Дровосек не замечал в поведении бывшего младенца явных странностей, конечно, если не считать той ночи, когда найдёныш вовсе не ложился спать. Позже Дровосек припомнил, то был день солнцестояния, после которого ночь потихоньку начала наращивать своё время. Шесть месяцев пролетело с декабря, середина срока миновала, а ответ так и не появился в его голове.

По завершении июня найдёныш выглядел старше Дровосека, теперь ему было никак не меньше полусотни лет. Июль прошёл в хлопотах и мыслях о предстоящей зиме, найдёныш стал ходить в селение и первым при помощи косы приступал к заготовлению сена. Глядя на него, прочие жители тоже выходили на сенокос, гадая над тем, почему сами первыми не приступили к такой важной работе.

К августу возраст найдёныша насчитывал шестьдесят лет. И очень часто на протяжении последнего месяца уходящего лета Дровосек замечал его за необычным занятием. Загрубевшими от проделанной работы руками найдёныш мастерил из лыка фигурки птичек, и над их домом всё чаще можно было разглядеть вытянувшихся клином и направляющихся на юг гусей, аистов и цапель. Улетающие птицы пересекали горизонт, отправляясь в более тёплые края.

Теперь уже трудно было называть происходящие метаморфозы взрослением, они всё в большей степени напоминали процесс старения, и в соответствии с ним найдёныш встречал конец лета с первыми появляющимися морщинами.

В сентябре Дровосек и сильно превышающий его по возрасту найдёныш радовались последним солнечным денёчкам, лето увядало, погода бледнела, и всё чаще залётные ветра приносили с собою холода. Теперь Дровосеку вновь приходилось

выходить на промысел в одиночестве, ему казалось неправильным заставлять работать найдёныша, тот становился тяжёлым на подъём, и мускулы его были не столь крепки, как всего несколько месяцев назад. Провожающий лето и встречающий осень найдёныш проводил много времени во дворе, лишь иногда покидая насиженное место и совершая прогулки. В этот период зоркий глаз мог разглядеть в его руках кисточку, которой он проводил по листьям деревьев, придавая им жёлтые оттенки.

Сентябрьское изменение накинulo найдёнышу с десятков лет, в нём уже практически ничего не осталось от того младенца, которого Дровосек отыскал под елью в лесу, разве что молчание сопутствовало ему. Из всех его черт неизменными остались только глаза, такие же вдумчивые и поражающие глубинным познанием.

В октябре выпал первый снег, и случилось это ровно в тот день, когда найдёныш вышел во двор дома Дровосека и на протяжении долгого времени пристально вглядывался в сереющее небо, словно посылая ввысь неведомый сигнал. Дровосек к тому моменту уже затруднялся хотя бы примерно определить, на сколько лет выглядит тот, кого он знал младенцем. Зато его родной сын ни капли не изменился за прошедшее время. Дровосек даже не мог определиться, какое из явлений поражает его сильнее: стремительное взросление одного или абсолютная неизменность другого.

В ноябре на лице найдёныша отчётливо стала проявляться усталость, но тем не менее он выбирался из дома Дровосека и бродил по окрестным лесам, отрывая от деревьев едва цепляющиеся за ветки листья. Там, где он проходил, деревья становились голыми.

Ноябрь истёк, и пошли декабрьские деньки, приближающие срок, назначенный Дровосеку для выполнения условий. Впер-

вые с января Дровосек подошёл к забытому стариком посоху и внимательно изучил его. Больше всего внимания привлекал набалдашник, мастерски изготовленный неизвестным резчиком. Большое кольцо заключало в себе малое, а между собой они были соединены лучеобразными отростками. Более всего это напоминало колесо, и Дровосек тщательно пересчитал количество отростков-спиц.

Заключительный день декабря принёс с собой сильную вьюгу и раннюю темь. Дровосек заранее запасся большим количеством дров и растопил печку. Он уселся в кресло напротив двери и принялся ждать возвращения старика, напрягая слух, пытаясь различить знакомую поступь.

Заметно одряхлевший найдёныш, чьи седые волосы ниспадали ниже плеч, внезапно поднялся со своего места, как и во время прочих перевоплощений, его тело окутала лёгкая дымка, он замерцал, а затем предстал перед Дровосеком в своём истинном виде. От неожиданности Дровосек подскочил на месте и опрокинул кресло, прямо перед собою он видел того самого старика, что вошёл в его дом в прошлом декабре.

Белая борода заправлена за цветастый пояс, длинный балахон, отделанный обвислым мехом, скрывает его очертания, спина гнётся от бремени лет и забот. Ему не хватало только посоха, но старик прекрасно знал, в каком углу дома Дровосек его хранит.

— Не признал меня, Дровосек? — С улыбкой спросил старый колдун. Он протянул длинную руку, и узловатые пальцы переплелись вокруг гладкого посоха. — Не думал ты, что я на протяжении всего этого времени буду находиться рядом с тобой?

Старик сделал шаг и приблизился к лежащему возле печки Каю. Своей древней ладонью он провёл по лицу мальчика, отбросив с его лба прядки волос.

— Моя сила хранила твоего сына на протяжении многих дней, и я вернулся, чтобы освободить его от смертельной заразы. Ты прекрасно справился с первым условием, твоя забота была искренней. Ты очень жертвенный человек и замечательный отец, но что со вторым условием? Срок для решения загадки истёк, и я готов услышать ответ. Так каковы же мои имена, Дровосек?

Настал момент, которого Дровосек боялся больше всего. С прошлого декабря он жил вечным ожиданием, и сейчас оно должно было завершиться. Горло его пересохло, живот скрутило, но он заставил себя раскрыть рот:

— Сначала я считал, что у этой загадки нет решения, что мне никогда не удастся проникнуть в её суть. Мне казалось, что её невозможно решить, потому как ты не оставил никаких подсказок, но только под конец я понял, что загадка в действительности состояла из сплошных подсказок, которые мне нужно было разглядеть. — Он перевёл дыхание, собираясь с мыслями. Его уделом была рубка деревьев, и Дровосеку никогда не было нужды использовать своё красноречие, но сейчас от этого зависела жизнь его сына. Это придало ему уверенности и смелости. — На самом деле твоих имён куда больше, каждый народ обращается к тебе по-разному. Ты — Колесо о Двенадцати Спицах, как изображено на твоём посохе, а возраст твой измеряется именем месяца. Ты зовёшься Январём, когда имеешь облик младенца и рисуешь узоры из мороза; тебя именуют Февраль, когда дыханию твоему подвластны холодные ветра; ты — Март, в тот месяц, когда на ручьях начинает трескаться лёд. Тебя кличут Апрелем в то время, как на деревьях набухают почки. Когда начинают петь соловьи, ты отзываешься на имя Май. Самый длинный день в году ты не смыкал глаз и был тогда Июнем. Далее сле-

дует Июль — пора сенокоса, и вслед за тобой люди из селения выходили в поля. Следующее имя Август, и ты предсказывал полёты птиц на юг. Осенью тебя прозвали Сентябрь, и ты гулял среди желтеющего леса, потом настал черёд Октября и Ноября. А тот, кого я сейчас вижу перед собой, будет Декабрём. Ты — Год, приходящий последовательно, вечно вращающееся колесо на двенадцати спицах.

— Правда твоя. — Ответил Старый Декабрь, время которого уже подходило к концу. — Ты заботился обо мне ровно год и сумел назвать все имена. Условия выполнены, и пока сила моя со мной, ибо копил её я на протяжении двенадцати месяцев, пока я не обернулся новорождённым Январём, я верну тебе сына.

Так сказал колдун и ударил посохом об пол, в глазах Дровосека потемнело, а в следующий миг загадочная фигура исчезла, а из-за спины Дровосека послышался тоненький, но такой знакомый голосок:

— Отец? — Звал его Кай. — Отец, мне снился страшный сон. Мне казалось, что я умер...

Что мог ответить ему на это Дровосек? У него не было слов, лишь жесты, которыми он выражал свою отцовскую любовь, и слёзы, вновь капающие на щёки его сына. Слёзы, лишённые горечи и наполненные радостным облегчением.

Памятуя о произошедшем и том месте, где им был обнаружен младенец, каждый декабрь Дровосек стал наведываться на круглую поляну и отрезать от ели небольшую ветку. В качестве напоминания он вешал её над креслом, в котором спал младенец Январь. А после эта традиция перешла к его сыну, в сознании которого навечно запечатлелась связь между еловыми ветками и праздником рождения нового года.

Татьяна Вежина

«ФИАЛКИ В ДЕКАБРЕ»

В Москве начала меняться погода.

Нет, это не были внезапные и кратковременные капризы: сегодня мороз и солнце, а завтра оттепель и дождь. Но в то же время это не было и естественное, многопараметрическое изменение климата.

Погода менялась как-то странно. словно кто-то принуждал её к этому. словно обосновавшаяся в городе зима время от времени уступала своё место то поздней осени, а то и вообще весне.

Привычный в это время года холод, неожиданно сметало волной странного тепла. Снег, начинающий было падать с неба, превращался в дождь. Вода заливала шоссе, клумбы и тротуары, по которым, надев резиновые сапоги, закутавшись в капюшоны и опустив головы, брели пешеходы. Иногда налетал тёплый, упругий ветер, которому впору раздуть паруса шхун и бригантин, а не смущать метеорологов столицы. Его неожиданные порывы разрывали серые тучи, и в небе проглядывало солнце. Розы в Аптекарском огороде выпустили новые побеги, а из влажной земли полезли тонкие бледно-зелёные стрелки нарциссов. Их сдувало ветром и присыпало снегом, но они с каждым днём становились все длиннее.

В скверах и парках появились странные птицы с голубоватым опереньем. Они деловито скакали по земле, выбирая проснувшихся насекомых, словно было не предновогоднее время, а начало весны.

Что-то странное витало в воздухе.

Процент аномалий значительно превысил процент нормального прохождения процессов, и когда Жаров увидел голубиную свадьбу у себя во дворе, он окончательно убедился, что это неспроста, и что пора ему разобраться в происходящем.

Судя по причудливости изменений, можно было сказать, что это дело рук восходящего-новичка, но нельзя было исключать и стихийное воздействие, когда непосвящённый влияет на окружающий мир, сам того не осознавая. В таком случае вычислить источник всегда трудно, но необходимо, потому что мало ли каких чудес этот «юный волшебник» «нажелеет» завтра, если сегодня он, не задумываясь, меняет погоду в мегаполисе... Желания желаниями, но они должны быть обдуманными и непротиворечивыми. Стихийная сила, в отличие от управляемой, опасна почти так же, как неуправляемая ядерная реакция.

Именно поэтому нужно было действовать и быстро.

Для начала Жаров расспросил «матерых». Они, разумеется, были ни при чём и ничего нового не сообщили. Так что вся информация о деятеле по-прежнему сводилась к наблюдениям за его деятельностью. Что было совершенно недостаточно.

«Итак, что мы знаем про нашего юного друга? — думал Жаров, медленно дрейфуя по лужам Кадашевской слободы. — Хотя почему юного-то? А потому что слишком много стихийности... в прямом смысле. Человек опытный действовал бы более тонко, взвешенно и узконаправленно».

Жаров зашёл в тупик. Он ходил по улицам, приглядывался и прислушивался, пытаясь уловить хоть что-то, хоть какой-то отклик или эхо.

Витрины магазинов одевались новогодними декорациями, на деревья, словно сами собой, заползали гирлянды, вечера расцветивались все новыми огнями на уличных ёлках. Сло-

вом, время шло, а погода и не думала входить в привычную колею.

Жаров понял, что без Бедовой ему не обойтись. Придётся идти на поклон в её логово, уж она-то наверняка наперечёт знает всех восходящих.

Бедовая была очень старой, и никто не знал, сколько ей лет, откуда она взялась и почему у неё такое прозвище. Она жила на Чистых прудах в «винтажной» коммуналке с высокими потолками целую вечность, давала всем дельные советы, знала цену всему и, говорят, предсказывала будущее.

До знакомства с ней Жарову казалось, что человек, обладающий такими характеристиками, должен быть мрачным мизантропом, но Бедовая, вопреки всем своим многим знаниям, всем выпавшим на её долю испытаниям, сохранила доброту и открытость, почти детскую чистоту взгляда и молодой, бодрый голос.

– Ну, приходи охотничек, только калоши надевай, а то во дворе ни проехать, ни пройти.

– Ты за меня не переживай, я уж как-нибудь... глобальней мыслить надо, Москва скоро утонет, а ты – калоши...

– Вот-вот, всё то вы знаете, и где малое, и где великое, всё у вас уже измерено...

Через час Жаров был на Чистяках. Найдя нужный дом, он вошёл в подъезд. Дверь за ним с гулким эхом захлопнулась, и он остался почти в темноте. Поднявшись по старой, слегка просевшей лестнице со стёртыми и словно отполированными миллионами прошедших здесь ног, ступенями, Жаров вошёл в квартиру.

Привычным движением он включил свет, и тусклая лампочка в старом плафоне осветила высокий потолок, покрытый сетью причудливых трещин, и серые стены с пожелтевшими от времени обоями.

Бедовая выглянула из кухни.

— Проходи, я уже несу чай.

Жаров сел на скрипучий диван, который год грозивший развалиться под его тяжестью, и осмотрелся. Всё было, как всегда. С потолка на него смотрели расписные цветы и птицы, старинная люстра вздрагивала при каждом движении, и свет её дробился в хрустальных подвесках на множество разноцветных брызг.

Жаров невольно вспомнил, как он впервые попал сюда, как именно здесь он узнал о том, что он на самом деле умеет, и как ему дальше с этим жить.

Бедовая поставила серебряный поднос со старинными чашками на небольшой столик и села в глубокое кресло напротив.

— Ну, что случилось?

— Сегодня провалился асфальт на двух улицах. Вымыло дождевыми потоками нижние слои гальки и песка.

Бедовая продолжала молча смотреть на Жарова своими странными глазами большого ребёнка или эльфа.

— Нам нужно выяснить, кто это. У тебя есть какие-нибудь мысли?

— О, — Бедовая махнула старческой, но всё же очень изящной рукой, — их множество.

— Ты снова несерьёзна. Как так можно?

— Да как ты смеешь! — лицо Бедовой стало строгим, но в самой глубине глаз нет-нет, да и мелькало что-то похожее на лукавую усмешку. И от этого Жаров не понимал, обиделась она всерьёз или притворяется. — Не забывай, кто научил тебя всему, что ты знаешь! К тому же, тем, кто сам едва начал в чём-то разбираться, стоило бы уважать тех, кто умеет и знает больше.

— Иногда мне не верится, что ты умеешь и знаешь столько всего, — с досадой ответил Жаров.

– Это потому что ты, Витя, кое-что так и не усвоил как следует.

Жаров пожал плечами.

– Ты уже говорила что-то подобное, но мы сейчас немного о другом.

– Да, я тебя слушаю.

– Я хочу, чтобы ты подключилась к поискам.

– Я не могу указать тебе на этого человека.

– Не можешь или не хочешь?

– Не могу.

– А если подумать?

Лицо Бедовой вдруг стало отрешённым и суровым, именно таким, каким, по мнению Жарова, оно всегда должно быть у человека, постигшего все законы мира и социума.

– Найди фиалки, – сказала Бедовая.

– Что?!

– Лесные фиалки.

Жаров хмыкнул.

– С ума сойти, Бедовая, что за сказки под Новый год?!

– Это не сказки! – резко оборвала его старая женщина. – Ты просил помощи? То, что я тебе сказала, стоило мне недешево! А теперь уходи. И помни, что теперь ты отвечаешь за всё. Найди фиалки, иначе погибнут сотни людей, под землю уйдёт половина Москвы! Понастроят тят-ляп, а потом младенцы им все портят.

Жаров покинул Бедовую ещё более встревоженный, чем раньше. Он не ожидал, что опасность столь велика.

«А может, это сговор»?

Такие вещи были строго-настрого запрещены. На нарушение кодекса, сговор и деструкцию могли решиться только отпетые негодяи, способные на всё.

На всякий случай Жаров заскочил к себе, в свою уютную, хотя и вполне комфортную холостяцкую конуру и достал из ящика пистолет. Подумав, он взял со стола какую-то странную вещь. Это был зеркальный, сильно усечённый конус с отверстием посередине. Конус напоминал по размеру маленькое блюдце. Два кожаных ремешка с обратной стороны «блюдца» наводили на мысль, что вещица должна закрепляться на ладонь. Положив «блюдце» в карман, Виктор снова вышел на улицу.

Москва – город немаленький. И Жаров за день, напрягая все силы, обошёл, объехал и осмотрел, только магазины своего района.

В прохладных помещениях цветочных салонов, на полках в ведёрках с водой стояли розы, герберы, орхидеи, альстромерии, эустомы, загадочные сиреневые анемоны, нежные ранункулюсы и ещё много другой экзотики. Гиацинты и лилии сводили с ума своим запахом. Лесных фиалок нигде не было.

Жаров внимательно смотрел в глаза каждой девушке-флористу, присматривался к каждому встреченному человеку с букетом, но не обнаружил ничего необычного.

Измученный бесплодными поисками Виктор вернулся домой только поздно вечером. Он сбросил мокрую одежду в угол и налил себе коньяку, потом прилёг на диван.

Глупо было вот так бегать весь день наобум. Прежде всего, стоило всё как следует обдумать.

«Зачем всё-таки ему понадобилось менять погоду... чем ему не угодил привычный московский холод?» – подумал Жаров и провалился в сон.

Проснулся он, как всегда, рано, ещё до света. Торопиться не было нужды, и он продолжил свои прерванные накануне размышления.

«Наверное, он любит тепло. Чтобы как на юге... Как на юге? Как на юге»!

Жарова словно подбросило.

«Ну конечно! Как он не догадался раньше? Это всё объясняет. Скорее всего, этот парень недавно приехал откуда-то с юга, ещё не привык к холодной зиме и тоскует по теплу. Его желание так сильно и непосредственно, что изменяет погоду. Но при чём тут фиалка? И с какой стороны, чёрт возьми, взяться за поиски этого одиночки с юга? Таких южных гостей в Москве сколько угодно. Всех и миграционная служба небось не пересчитала».

Жаров включил новости. Диктор как раз говорил об очередном ЧП. В промоину угодила коляска с младенцем.

Виктор решил осмотреть место происшествия.

На улице лило как из ведра. Промоина уже была огорожена, и внутри работали люди. Жаров внимательно огляделся. Не заметив ничего странного, он уже хотел было уйти, но вдруг что-то заставило его повернуться. На другой стороне улицы стояла женщина под ярким оранжевым зонтом. Весь её вид выдавал особу экзальтированную и неуравновешенную: взбитые в пышную причёску рыжие волосы, круглые очки в черепаховой оправе, длинная до пят юбка, пёстрое пальто в латиноамериканском стиле. Незнакомка как-то настороженно и нервно озиралась по сторонам, а потом резко развернулась и почти побежала прочь. Добежав до припаркованного неподалёку серебристо-голубого автомобиля, женщина подняла мокрую юбку и быстро юркнула на сидение пассажира.

Интуиция заставила Виктора насторожиться. Он не мог избавиться от мысли, что за этим что-то может стоять, и это что-то нужно взять под контроль. Но как? Женщину он запомнил хорошо, а вот номер машины увидеть было сложно.

Чтобы уверенно идти по следу этого было мало. Виктор мучительно искал зацепку и не мог ничего придумать.

Неожиданно новостной сайт подкинул известие о новом размыве. И Виктор бросился на место происшествия. На этот раз всё было гораздо серьезней: пострадала эстакада. Встало движение по одной из крупных улиц, возникла неразбериха.

К своему удивлению, Жаров и там обнаружил рыжую незнакомку с бегущим взглядом. На этот раз ему даже удалось её сфотографировать.

Незаметно преследуя женщину, он дошёл вместе с ней до автомобиля. Теперь у него был номер.

Пробив номер по базе, Виктор обнаружил, что серебристо-голубая «хонда» принадлежит известному профессору психологии и социологии Александру Николаевичу Степанову, уважаемому человеку совершенно далёкому от погоды и климата. Во внутренней базе паранормалов он, разумеется, не числился. Зато становилось понятно присутствие такой колоритной спутницы. Психологи не уважают заурядную норму.

Жаров отсканировал фото дамы, отправил запрос и неожиданно для себя кое-что обнаружил. Компьютер нашёл её анкету десятилетней давности в базе паранормалов и выдал данные на экран. Десять лет назад незнакомка была яркой, элегантной женщиной, одетой с безупречным вкусом. На ней была водолазка ржавого цвета и бежево-коричневый твидовый жакет. Если бы Виктор не получил подсказку от компьютера, он бы вряд ли узнал в незнакомке с улицы женщину из базы данных. Но не эти столь заметные перемены поразили Виктора. Его ошеломило другое. На лацкане жакета у женщины была брошь в виде фиалок.

Неужели нашёл?!

Он быстро читал анкету.

Сильные способности, уверенное владение... Ага!...безвозвратная утрата... Утрата?

«В результате систематических злоупотреблений в личных интересах Елена полностью утратила способности взаимодействия с трансцендентной сферой. Все попытки восстановления потерпели неудачу».

Вот так поворот. Это значило, что Виктор тоже потерпел неудачу. Эта самая Елена никак не могла быть причиной погодных аномалий.

Но как же тогда фиалковая брошь? И что этот странный тандем делал на месте ЧП? Собирали данные для какого-то социального исследования? Вряд ли.

Виктор решил продолжить наблюдение за необычной парочкой, и, следуя их логике, ещё дважды выезжал на места новых провалов грунта. Однако ни машины, ни женщины там не обнаружил.

Понимая, что катастрофа неумолимо приближается, Жаров не мог уснуть всю ночь, и только под утро забылся тревожным сном. А когда проснулся, за окном светило солнце, и радостно чирикали птицы.

Чтобы снова взять след, Виктор отыскал в базе адрес Елены. Повинуясь голосу интуиции, он, даже не позавтракав, спешно отправился на разведку. Как оказалось, интуиция в очередной раз подсказала ему правильное решение.

В тот момент, когда он вывернул из-за угла дома Елены, она как раз садилась в серебристо-голубую «хонду».

Виктор бросился к стоявшей неподалёку машине яндекс-такси и, разбудив водителя, закричал:

– Немедленно! За ними!

Водитель, что-то пробурчав, завёл мотор и сел на хвост профессору.

«Хонда» не спеша выехала в центр и припарковалась на Смоленской площади. Елена с профессором вошли в здание Смоленского пассажа.

Догнав парочку у лифта, Виктор проследил их до ресторана «Белый кролик». У входа он для приличия поотстал, а потом с безразличным видом прошёл за ними и занял столик, удобный для наблюдения.

За столиком с Еленой и профессором сидел ещё один человек. Незнакомец был одет в стильный костюм явно не из дешёвых, на руке у него поблёскивали дорогие часы. А неподалёку сидели два дюжих верзилы, делая вид, что они тут совершенно не при делах.

Профессор что-то сказал человеку в костюме, тот кивнул, вытащил из внутреннего кармана конверт и передал его Степанову, после чего встал и решительным шагом проследовал к выходу.

Дело становилось всё более запутанным и опасным. Медленно шагая по коридору за незнакомцем и его телохранителями, Виктор нащупал в кармане пистолет. Он проследил, как незнакомец вошёл в лифт, и метнулся к лестнице. Ему во что бы то ни стало нужно было узнать кто это.

Пролетев на одном дыхании шестнадцать этажей, Виктор выскочил в холл. Через несколько секунд двери лифта открылись, и Жаров увидел объект своего интереса.

Смешавшись с толпой и не упуская из виду телохранителей, он последовал за тройкой на автостоянку. Это был самый опасный отрезок. Здесь трудно было остаться незамеченным, но Виктору во что бы то ни стало нужно было узнать номер машины незнакомца. Ловко прячась, он подобрался почти к самому автомобилю и заполучил заветные цифры. Позже, он пропьёт владельца по номеру.

Но это позже, а сейчас нельзя было терять из виду и дивную парочку. Убедившись, что его никто не заметил, Жаров вернулся в ресторан.

Профессор и Елена о чём-то яростно спорили. Елена махала руками, голос её срывался на визг, волосы растрепались. В пылу спора она даже опрокинула чашку с чаем.

— Твои идеи ничего не стоят, всё делаю я. Ты думаешь мне легко?!

— Раньше ты могла больше.

— Да-да, когда-то я могла! А теперь ничего не могу! Но чего стоит её уговорить? Она бестолковая и глупая. У меня всё было просто и красиво.

— Вот и вспомни, как это было, и научи её. Иначе не получишь ни копейки.

Виктор удивлённо слушал.

— Дай мне мои деньги сейчас же!!!

— Нет, езжай и продолжи своё дело!

Женщина сорвалась с места и понеслась к выходу, воинственно взмахивая руками.

Виктор проследил Елену до Воробьевых гор. А дальше началось удивительное. Елена направилась в Университет. Она что-то сказала охране и уверенно вошла в холл.

В холле МГУ кипела жизнь. Студенты группками и поодиночке двигались кто куда, между колоннами неторопливо перемещались преподаватели.

Елена оглядывалась, вытягивала шею и кого-то искала глазами. Вдруг она улыбнулась и помахала рукой. Виктор проследил её взгляд и увидел, как очаровательная девушка в тёмно-фиолетовом пальто в пол и лиловом шифоновом шарфе взмахнула рукой.

Это прекрасное видение Виктор наблюдал лишь один миг. В следующее мгновение кто-то прижал к его носу резко пахнущую ткань, и Виктора окутала внезапная темнота.

Очнувшись, Жаров увидел, что сидит в большом, хорошо обставленном кабинете привязанный к массивному стулу. С одной стороны от него так же привязанная к стулу и с кляпом во рту сидела Елена. С другой стороны, за большим письменным столом, уронив голову на руки, спал массивный мужчина с лысым и гладким как яйцо черепом, рядом с ним лежал пистолет Виктора.

Жаров поискал глазами девушку, но её нигде не было. Значит, они или не сочли нужным или не смогли её взять.

Теперь в этой истории ему было ясно почти всё. Девушка – вот ключ к разгадке. Она влияла на погоду, а Елена воздействовала на неё по наущению профессора. Эти трое, судя по всему, выполняли какой-то заказ. Однако Жаров не понимал, сознательно ли юная нимфа принимала участие в авантюре или нет. Это ему ещё предстояло узнать.

– Доигрались! – тихо прошипел Виктор, угрожая поглядеть на Елену.

Та испуганно и непонимающе смотрела на него.

– Не бойтесь, если смогу, я вам помогу. Только скажите. Они взяли её?

Елена покачала головой.

– Они хотят, чтобы вы на них работали?

Она кивнула.

– И они не знают, что вы больше ничего не можете?

В глазах Елены отразилась жгучая боль. Она покачала головой.

– Это хорошо. Ни в коем случае не говорите им этого, иначе вам конец!

Елена испуганно закивала.

В этот момент проснулся их охранник.

– А... очухался. Отлично. Он взял в руку пистолет и подошёл к Виктору.

– Рассказывай, кто ты и чего тебе нужно.

– Я буду говорить только с твоим шефом.

Лысый ударил его по лицу.

– Не наглей, хуже будет.

– Сказал же, – слизывая кровь с губы, ответил Жаров, – я ничего скрывать не буду, но и говорить намерен только с твоим шефом. Ты всё равно ничего не поймёшь. Лучше позвони и передай ему мои слова.

Лысый снова ударил. В голове у Жарова зазвенело.

– А ты меня не учи, падла.

– Ну так и ты от меня ничего не жди, – сказал Виктор и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Лысый пришёл в ярость, и удары градом посыпались на Жарова.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошёл ещё один мужчина.

– Хватит, пусть в себя придёт, завтра продолжишь...

– Как скажешь, Кит.

Лысый плеснул Виктору в лицо водой из бутылки. Но Жаров предпочёл инсценировать обморок.

Кит остановился перед Еленой.

– Профессор требует слишком большого вознаграждения. А тебе он не дал и не даст ни копейки. Но мы знаем, что профессор тут ни при чём. Всё дело в тебе... Ты готова работать с нами без него?

Елена лихорадочно замотала головой.

– Ну что ж... подождём. Сама понимаешь, отсюда тебе только две дороги...

Кит ушёл, а Елена беззвучно заплакала.

На следующее утро в кабинете появился тот самый мужчина, которого Виктор видел в «Белом кролике».

– Наше дело становится резонансным... – сказал он, глядя на Жарова. – А мне это совершенно не нужно. Кто вы?

– Я из службы безопасности содружества в области паранормальных явлений. Вы задумывались, с чем вы столкнулись?

Мужчина настороженно взглянул в лицо Жарова.

– А зачем мне это было нужно? Профессор сказал, что с помощью способностей одной особы, может сделать так, чтобы у нас были крупные заказы на ремонт дорог.

Виктор застонал.

– Но ведь для того, чтобы отремонтировать, сначала нужно разрушить? Вам всё равно, что вся Москва может провалиться в тартарары из-за вашей жадности наживы? Что, используя такие методы, вы теряете право называться человеком?!

– Ну, не надо утрировать. Мы совсем не звери.

– А зачем тогда такое обращение? – Жаров кивнул на связанные руки.

– Так вышло... Вы сами сломали всю игру.

– Если бы вы вели себя порядочно, мне не понадобилось бы вмешиваться! А теперь всё это выплыло наружу.

– Пока ничего не выплыло...

– И что? Вы собираетесь похоронить это дело вместе со мной? Зная, чем грозят ваши махинации?

– Неприятный выбор... Или я или Москва обязательно потонут? Мне нужно подумать... До завтра.

День тянулся медленно, но ночь наконец-то наступила. И Виктор начал действовать. Он усталился на охранника неви-

дящим, расфокусированным взглядом. Вскоре глаза Лысого закрылись, и голова рухнула на стол.

Виктор напряг все свои силы, и связывающие его верёвки соскользнули к его ногам. Елена заёрзала на стуле, делая глазами какие-то знаки. Но Виктор не сразу смог встать. Ему понадобилось минут десять, чтобы восстановить силы. Затем он освободил Елену и взял со стола пистолет.

— Ты ей лгала? — пристально глядя на женщину, спросил он.

Елена кивнула.

— Я так и знал. Как её зовут?

— Ксения Казаченкова.

Вместе они вышли за дверь и прокрались в холл. Дом казался безжизненным, но, когда они вышли во двор, в дверях балкона мелькнула серая тень, и один за другим раздались два выстрела. Елена тихо ойкнула и стала оседать на землю. Жаров упал навзничь и подполз к своей спутнице. Её сердце больше не билось. Виктор развернулся и двинулся к гаражу, стоявшему напротив входа в дом. У гаража он поднялся на ноги и замер. Через минут десять дверь скрипнула, и из дома вышел Кит. Жаров вытянул вперёд руку с пристёгнутым к ладони «блюдцем» и сосредоточился. Прошло пять секунд, и вдруг Кит оторвался от земли, с криком пронёсся по воздуху и с грохотом влетел обратно в дверь, так, будто что-то очень мощное ударило его в грудь.

Виктор вошёл в дом и подошёл к оглушённому противнику. Он прицелился в голову, но потом опустил руку и выстрелил Киту в ногу. Связав его и отобрав у него все средства связи, Жаров покинул особняк.

До города он добрался только к концу ночи.

Он завёл будильник и, не раздеваясь, упал на кровать.

Проснувшись до рассвета, Виктор вымылся и, налив себе кофе, сел за компьютер. Он пробил номер машины бизнесмена и без удивления узнал о его высоком коммерческом и политическом статусе.

Пока профессор и этот тип не свели друг с другом счёты, Ксения была в опасности.

Жаров наскоро заклеил синяки и отправился в МГУ.

Встав у входа, он внимательно вглядывался в проходящих. Ожидая, что Ксения вот-вот появится, Виктор восстанавливал в памяти её яркий образ: доверчивое выражение лица, огромные, синие, чистые, как у ребёнка, глаза, прямой нос, по-детски пухлые губы. Думая об этой девушке, Жаров испытывал какие-то новые, почти болезненные ощущения.

Он всегда знал, что обречён на одиночество. Более того, он выбрал одиночество сознательно. Но теперь он сомневался в правильности принятого решения.

Наконец невдалеке мелькнуло длинное фиолетовое пальто, и Виктор не стал терять времени.

— Здравствуйте, Ксения!

— Здравствуйте. А вы кто?

— Вы меня не знаете. Но мне нужно вам кое-что сказать.

— В чём дело?

— Елена убита, и вам тоже угрожает смертельная опасность.

— Убита?!

— Тс-с-с. Идёмте со мной.

Убедившись, что нет слежки, Жаров отвёз Ксению в свою квартиру.

— Теперь-то я могу узнать в чём дело? — едва они переступили порог, спросила девушка.

— Дело в том, что ты очень скучаешь по югу и по... фиалкам. Девушка опустила голову и еле слышно прошептала:

- Да...
- А тебе этого делать нельзя...
- Почему?
- Потому что ты меняешь погоду.
- Что? – синие глаза с недоверием смотрели на Жарова.
- У тебя есть паранормальные способности, и ты их используешь сама того не ведая.
- Этими способностями обладают только избранные?
- Нет, они спрятаны в глубине каждого из нас. Но пользоваться ими нужно долго учиться, нужно изменить себя.
- А как же я?
- Иногда люди, чистые сердцем, вдруг получают желаемое, безотчётно взывая к трансцендентному. Вспомни, Елена говорила с тобой о юге?
- Да... Она разделяла мою печаль и тоску.
- Она манипулировала тобой.
- Вы посмотрелись «Дозоров» и потеряли берега!
- Я ничего не могу тебе доказать... Время всё расставит на свои места... А пока мне нужно уйти. Дай слово, что будешь здесь, пока я не приду?
- Я ваша пленница?
- Нет. Ты свободна, но теперь я найду твой след, где бы ты ни была.
- Ксения пожала плечами.
- Мне только нужно передать одно письмо и, если всё пойдёт по плану, ты снова будешь в безопасности.
- Быстро написав на листе несколько слов, Виктор вызвал такси. Сначала он решил навестить профессора. Он ехал наудачу, но почему-то твёрдо знал, что встреча состоится.
- Ещё не зная точно, что он скажет, Виктор позвонил в дверь профессорской квартиры.

Степанов сам открыл дверь. На его лице не было и тени тревоги, значит, он ещё ничего не знал.

– Елена убита, – глядя исподлобья, сказал Жаров.

– Кто вы такой? Что вам нужно?!

Во взгляде профессора появился такой откровенный, малодушный испуг, что Жаров решил не связываться с ним. Елена мертва, Ксению он возьмёт под свою защиту. А они пусть разберутся сами. У него был только один вопрос.

– Скажите профессор, неужели прошлая ошибка Елены и её последствия вас ничему не научили? Ведь вы же... – Виктор смерил Степанова презрительным взглядом, – профессор...

Степанов хотел что-то ответить, но Жаров развернулся и, словно тень, метнулся вниз по лестнице.

Снова взяв такси, он поехал по следующему нужному адресу. Это был небольшой особняк, со всех сторон огороженный изящной кованной решёткой. Жаров передал письмо охраннику, встал неподалёку и стал смотреть на окна третьего этажа. Через пять минут в одном из окон появился листок А4 с крупной надписью: «Забудем».

Виктор облегчённо вздохнул и отправился домой.

Квартира встретила его пустотой и безмолвием. Но его это не испугало. Он знал, где искать Ксению.

Парящий мост, словно нож, врезался в серые свинцовые тучи. Над городом сверкали молнии, гром с треском раздирает небо. Маленькая хрупкая фигурка одиноко стояла над рекой, а перед ней как на ладони лежала Москва. Длинное фиолетовое пальто трепал ветер, шифоновый шарф развевался как два лёгких крыла.

Виктор шёл практически неслышно, но она обернулась, словно почувствовав его присутствие.

– Откуда ты приехала?

– Из Ростова-на-Дону. Там я училась на генетика, а сюда приехала по программе обмена. Я правда очень скучаю по дому...

Теперь у Виктора было время рассказать Ксении всё по порядку. Она слушала его не прерывая, а потом тихо сказала:

– А я никак не могла понять, почему я такая странная, почему меня так влечёт всё непознанное, непонятное, сложное...

Виктор обнял её за плечи.

– Ну вот, теперь ты всё знаешь...

– Да, но что мне теперь со всем этим делать?

– Учиться!

На следующий день в городе пошёл настоящий зимний снег.

Татьяна Вежина

«ПРИНЦИП НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

*Вы учили детей с любовью относиться к простым людям
и думать о тех, кто находится в беде.*

Из письма Екатерины Джугашвили. 1927 г.

Бледный, худой человек в мягкой пижаме сидел перед большим монитором, занимавшим почти половину чёрного лабораторного стола. Отросшие, слегка вьющиеся волосы мужчины спадали на лоб, густая, почти чёрная щетина закрывала выступающие скулы, впалые щёки, подбородок и верхнюю губу. Тот, кто захотел бы навскидку определить возраст этого человека, скорее всего, потерпел бы неудачу. Мужчине за столом можно было дать как двадцать пять, так и тридцать пять лет, но даже цифра сорок пять казалась вполне допустимой.

Помещение, в котором находился мужчина, представляло собой современную научно-исследовательскую лабораторию, под завязку напичканную разным оборудованием.

Однако сейчас лаборатория была наспех приспособлена для проживания необычного пациента. В одном углу за ширмой стояли кровать и платяной шкаф, в другом углу была оборудована процедурная. Уже упомянутый стол и зеркало с умывальником дополняли интерьер помещения.

Окон в помещении не предусматривалось. Для освещения использовалась большая потолочная панель, почти круглые сутки разливавшая вокруг бледный, искусственный свет, отчего без часов день здесь невозможно было отличить от ночи. Металлическая дверь закрывалась снаружи, наводя на мысли о секретности.

Видимо, для того чтобы комната не казалась совершенно казённой, на стол кто-то поставил декоративный подсвечник, сделанный из необработанного куска дерева и верёвки. Но «узника» это мало радовало. Скорее наоборот. За две недели, проведённые тут, мужчина привык думать о своей палате не иначе как о камере: кормление строго по графику, ежедневные медицинские процедуры, опрос и осмотр, редкие посещения.

Посетители чаще всего не представлялись. А мужчине было безразлично, кто они: медики, следователи или политики. Среди гостей особенно выделялся худощавый, очень высокий старик. Он задавал много вопросов, спрашивал о памяти, ощущениях в теле, желаниях и чувствах. Старик явно был здесь гостем, но все уважительно называли его Кирилл Константинович, были с ним необычно предупредительны и любезны, а за глаза именовали не иначе как «наш Think Tank».

В остальное время обитатель странного жилища был предоставлен самому себе.

Для того чтобы пациенту было чем заняться, на приставных полках аккуратно стояли разные книги, а его компьютер имел круглосуточный доступ к интернету.

Мужчина, нахмурившись, смотрел на экран монитора, на котором транслировалось какое-то масштабное шествие: то ли демонстрация, то ли парад. Товарищи с красными лентами на груди шли рядом с какими-то людьми в чёрных облегающих комбинезонах из странного блестящего материала, кое-где мелькали мужчины и женщины в плавках, купальниках и чулках, раскрашенные с ног до головы и усыпанные перламутровыми блёстками. Они несли разноцветные шарiki и цветы. Красные знамёна перемежались пёстрыми, многоцветными с какими-то странными знаками. Кое-кто нёс

плакаты, на которых гроб отправлялся в мясорубку, или дерево сражалось с дымящей трубой, или маленькие дети сливались губами в страстном поцелуе, или женщина срывала паранджу, под которой оказывалось мерцающее танцевальное трико и сапоги на небывалой подошве с невероятной длины каблуками.

Зрелище заворожило одинокого зрителя, и он немигающими глазами, полными удивления, всматривался в происходящее. Наибольшее впечатление произвела на него женщина в странной маске с пенисом вместо носа. Мужчина даже отдаленно не мог предположить, что это за символ, и за что агитирует участница процессии.

Неожиданно замок щёлкнул, и мужчина, остановив видео, оглянулся. В комнату вошли две женщины.

Первой, как всегда, появилась врач, Анна Константиновна Жерлицына. Это была высокая, худощавая женщина лет сорока пяти с очень прямой спиной и безупречной причёской. В её ушах поблёскивали крупные серьги, на пальце красовалось бриллиантовое кольцо, а из нагрудного кармана халата выглядывала золотая ручка. Жерлицына осуществляла мониторинг состояния пациента и коррекцию лечения.

Шедшая вслед за Анной Константиновной медсестра, вкатила тележку с лекарствами и тарелками.

Медсестра делала пациенту уколы, следила за приёмом лекарств и приносила пищу. Каждый раз это была одна и та же невысокая молодая девушка, фигуру которой скрывал белоснежный накрахмаленный халат, а волосы – такая же безупречная, накрахмаленная косынка. Девушка не была красавицей, однако что-то в её внешности привлекало взгляд и вызывало симпатию. Открытое, по-детски округлое лицо, прямой нос, тёмные, серьёзные глаза, порой вспыхивавшие неожиданным

чувством, и вообще весь её образ выдавал человека мягкого и доброжелательного. Однако её маленькие, выразительные губы, которых почти не касалась улыбка, говорили о непокорности, уверенности в себе и железной твёрдости характера.

Женщины поздоровались. Жерлицына присела за стол на свободный стул, а медсестра прошла в процедурную, чтобы подготовить всё для инъекции.

Мужчина поднял на доктора тяжёлый, мрачноватый взгляд.

— Кто же я теперь? — спросил он.

— А как вы сами думаете?

Мужчина вяло и почти безразлично пожал плечами. И Жерлицына, глядя на этого подавленного, дезориентированного, живущего на лекарствах человека, вдруг ощутила жалость. Но потом она вспомнила о своей цели, и жалость исчезла так же мгновенно, как и возникла.

— Ну разве это так сложно? Нынешняя наука способна почти на всё... Мы возродили вас. Вы Иосиф Виссарионович Джугашвили. И я уверена, вы сами это прекрасно осознаёте.

— Я да... но это... — мужчина беспомощно обвёл рукой комнату.

Теперь Жерлицына всерьёз усомнилась в успехе, а главное, в пользе их эксперимента. Феномен этого человека очень интересовал её, да и не только её. Но не такого результата они ожидали, совсем не такого.

— Ну, не переживайте так, вы скоро освоитесь в современном мире не хуже нас самих.

— А сейчас я ваш заключённый? Как и много лет назад я сижу под замком. Почему? Зачем?

— Нет-нет, вы, конечно, не заключённый. Поймите правильно, таковы общие правила. Это очень закрытый имморт-НИИ.

— Когда я смогу выйти отсюда?

– Вы же сами только что сказали, что современный мир вас отталкивает. Жизнь в нём и правда отличается от вашей прежней жизни, и поэтому вам придётся многое освоить...

– Я уже всё освоил. Это совсем несложно. Вот!

Иосиф схватил планшет и быстро задвигал пальцами, показывая, как ловко он им управляет.

– О! Прекрасно. Мы уже подготовили для вас жильё. К сожалению, проживать в своей прежней квартире вы не сможете, но мы выбрали хорошее место, вам понравится. Однако прежде всего вам нужно набраться сил. Потерпите ещё немного.

– Как я понимаю, выбора у меня всё равно нет.

Женщина пожала плечами и взглянула на монитор.

– Я вижу, вы активно изучаете расклад политических сил? И как вам современные левые?

– Это их вы называете левыми? – срывающимся голосом воскликнул Иосиф. – Вот эти колонны полуодетых и размазанных людей, с плакатами «Чем больше вас в одной постели, тем больше удовольствие и крепче семейные узы» или «Съешь своих предков»?

Иосиф скривился и, не сдержав отвращения, в сердцах, по-крестьянски сплюнул.

Анна Константиновна холодно усмехнулась.

– Они защищают право людей на полиморфную семью.

– Так ведь это... – Иосиф не мог подобрать убедительное слово. – Это противоестественно.

Анна Константиновна снова усмехнулась.

– Но разве это не левые говорили о всеобщей свободе и равноправии или, как многие его называют, равенстве? Вот до чего можно дойти без оглядки, поклоняясь свободе и требуя равноправия во всём.

Иосиф непонимающе посмотрел на Анну Константиновну.

— Конечно, со дня моей смерти прошло немало лет, — сказал он, — но я точно знаю, что левые никогда не стремились ни к чему иному, кроме как, к разумному совершенствованию социально-экономических отношений, освобождению угнетённых и обездоленных путём продуманных и обоснованных фундаментальных перемен. Главным критерием всегда была справедливость и любовь к... беднякам.

— Да-да! — иронически поддакнула Анна Константиновна. — Вот только как решить проблему подобных скотских эскапад? Любовь к... беднякам... да и вообще к людям должна учитывать хм... некоторые особенности человеческой природы...

Жерлицына произнесла это осторожно и выжидательно взглянула на Иосифа.

— Вероятно, да... — неуверенно проговорил Иосиф. — Должны быть оценены и учтены все особенности даже теоретические, ведь без этого невозможно составить целостный образ нового человека.

— Вам удалось многого добиться на этом пути! Должно быть, ваш волевой характер помог разобраться с проблемами в этом отношении? — вкрадчиво проговорила собеседница.

— Мне не приходилось с таким сталкиваться, — Иосиф взглянул на экран и снова скривился в гримасе отвращения. — Нет!

Анна Константиновна досадливо повела плечом и с любезной улыбкой сказала:

— Наверное, я зря сказала о том, что это парад левых сил, это мешает вам определиться с вашей позицией. Давайте вернёмся к этой теме позже. Между прочим, вам нужна новая одежда. Выберите для себя что-то в интернет-магазинах. В расходах не стесняйтесь, мы обо всём позаботимся.

— Анна Константиновна, я готова, — сказала подошедшая медсестра.

— Да, Катя, начинайте, пожалуйста.

Катя поставила лоток со шприцем на стол и посмотрела на Иосифа.

Тот взглянул ей в глаза дерзко, оценивающе, едва ли не нахально. Он сам, быть может, и не хотел этого, но привычка сработала помимо его воли. Взгляд Кати мгновенно стал острым, словно кинжал, и Иосиф почти реально ощутил у своей груди холод стального клинка. Эта взвешенная человеческая реакция и непоколебимое чувство собственного достоинства сокрушили самоуверенность Иосифа, и он примирительно улыбнулся. Лицо Кати тоже осветила улыбка.

Мутно-розовая жидкость перетекла из большого шприца в тело Иосифа. И у него, как обычно, разыгрался волчий аппетит.

Катя, искоса поглядывая на неистового пациента, поставила перед ним тарелки с обедом.

Торопливо поглощая принесённую еду, Иосиф не отрывался от распечатанных на принтере листов, лежащих здесь же под рукой. Это была речь Фиделя Кастро.

«Если вы хотите выиграть, вы должны отказаться от денег и даже если вам предложат сказочные суммы, не продавать свой труд за деньги. Ваша победа придёт тогда, когда вам удастся объединить всех, когда благодаря этому объединению вы создадите новое общество, чья высшая цель — общее благо, а не денежная прибыль и жажда частной собственности».

Иосиф вздохнул. Он выглядел молодо, но его память хранила все воспоминания до самого смертного часа. Он помнил всё, с чем ему приходилось бороться. И сейчас ясно понимал, что капитал снова стал превыше человека, подчинил его, изу-

вечил. Снова на всех уровнях идёт алчная грызня за деньги, власть, везде царит злонравие и развращённость. На первое место поставлена «защита прав», но подлинную защиту получает не «человек», а «люди с положением». Массы же, как всегда, только используют, поманив за собой обещаниями всего того, чем располагает «преуспевающий человек». Но почему? Что в человеке так падко на эти ничтожные вещи, враждебные самому человеку?

Иосиф резко отодвинул от себя тарелку с недоеденным супом. Жидкость пролилась на стол, но он не заметил этого. Он сидел неподвижно, глядя в одну точку.

В чужом, незнаемом, сверкающем и шумном мире будущего он был просто беспомощный младенец, который оказался лицом к лицу со старым, хитрым врагом, вдобавок к этому приводящим в отчаяние своей непостижимостью.

Углубившись в себя, Иосиф не замечал, что Катя смотрит на него с явным сочувствием. Она заботливо вытерла стол и собрала грязную посуду.

Жерлицына, которая никогда не оставляла их наедине, убрала журнал записей, и женщины ушли, как всегда, вместе.

Речь Кастро оживила в Иосифе давние переживания, он словно пробудился от сна безразличия. Множество вопросов встали теперь перед ним в полный рост. Что он должен делать? Как теперь жить? С чего начать переосмысление всей своей прошлой жизни...

Иосиф бросил взгляд на монитор. И как быть с этим? И чего же теперь хотят те, кто его поднял из могилы? Ведь зачем-то его кормят, лечат, предоставляют ему информацию, ведут разумные разговоры...

К чёрту! Его жизнь давно прожита... Такая какая она была: бурная, трудная, суровая, жестокая... Стоит ли теперь воскре-

шать всё это? Вокруг ,на первый взгляд, нет унижений, голода и страданий... Значит, можно просто жить, если судьба ему даровала ему эту возможность... Рассказать им о себе всё и ни о чём не думать... Это не его время. Не его жизнь!

Сомнения отнимали у него силы, и он подумал, что время принятия решений пока не пришло. Нужно ещё обо всём поразмыслить и окончательно поправиться. А пока Иосиф решил разобраться, что там Анна говорила про одежду. Уверенным движением он открыл браузер. Поисковик мгновенно выплеснул на неопытного покупателя шквал предложений, вызывая настоящую оторопь и отключая рассудок. Ноковыряться в бесконечных страницах хлама было слишком мучительно для Иосифа, и вместо этого он весь остаток дня просидел, вчитываясь в сводки новостей, описание политических движений и сравнивая социально-экономическую ситуацию с той, которая была при его жизни.

В эту ночь Сталину приснилась казнь.

На большой городской площади шумит и колыхается многонациональное людское море. В центре площади установлен помост и виселица с болтающимися на ней петлями. Готовятся казнить двоих осетин, крестьян, бросивших свои села и подавшихся в разбойники-абреки.

Подросток Сосо Джугашвили вместе со своими одноклассниками стоит в толпе, вытягивая шею и пытаясь рассмотреть, что происходит там, впереди.

Вот оборванные, босые приговорённые в кандалах медленно восходят на помост и останавливаются. На их измождённых лицах читается понимание собственной обречённости и отчаянная уверенность в своей правоте. Испытания, выпавшие на их долю, не сломали их гордый дух.

Это чувствуют все. Народ волнуется, люди кричат слова поддержки приговорённым, грозят кулаками палачу и швыряют ему в лицо ругательства. Какой-то человек, отделившись от группы сановников, с ненавистью взирающих на осуждённых, долго и едва слышно что-то зачитывает. Иосиф и его товарищи – Симон Тер-Петросян и Пётр Капанадзе – стоят далеко и слышат не все, но они хорошо видят то, что происходит.

Наконец приговор зачитан, и один из осуждённых выступает вперёд. Палач глумливо смотрит на него, и мужчина едва сдерживается, чтобы не ударить своего мучителя. Ему связывают руки, и он, оттолкнув палача, вскакивает на табурет. В его поведении сквозит презрение и вызов тем, кто обрёл его на смерть. И принять эту смерть с достоинством для него последняя и единственная возможность отомстить за унижение. Палач надевает петлю ему на шею, и приговорённый, нарушив порядок казни, сам спрыгивает с табурета. Его тело дёргается, бьётся в последних судорогах и безжизненно повисает на переломанной шее, а лицо неожиданно быстро краснеет и уродливо раздувается.

В толпе на площади нарастает ропот, кто-то затягивает тоскливую народную песню. Мужчины снимают головные уборы.

Приходит очередь второго осуждённого. Прощаясь с жизнью, он даже пытается пошутить, обращаясь к безмолвствующему народу. Но вот табурет опрокидывается и второй приговорённый принимает смерть.

– Прощай! – крикнул кто-то из толпы...

...И Иосиф проснулся. Он вспомнил, как до предела были напряжены нервы наблюдавших за казнью мальчишек. Вспомнил, как едва сдерживал слёзы и ярость. Быть может, они, будучи несмышлёнышами, многого ещё не понимали, но побо-

ры, унижения и обиды, которые постоянно терпел простой народ, были им хорошо понятны. Эти двое, были не первыми, кто не вынес своего рабского положения. Нужда и произвол знати и чиновников уже многих толкнули на погибель. Борьба этих людей носила стихийный характер и потому напоминала разбой, но для мальчишек они были не разбойниками, а благородными мстителями. Мальчишки, ещё ничего не понимая, воспламенялись местью.

Сосо тогда сказал Петру Капанадзе: «Все равно найдутся такие смельчаки, которые отомстят. Непременно отомстят!»

Иосиф встал, заправил кровать и привёл себя в порядок. Впервые за всё время он сбрил щетину.

Вскоре появились Катя и Анна Константиновна.

Жерлицына ознакомилась с результатами тестов и принялась задавать ему вопросы о самочувствии.

Иосиф вглядывался в её черты с новым ощущением. Он глядел на неё глазами «опытного» узника, и, как много лет назад, взвешивал, можно ли ей верить или нет.

Наконец он решился.

— Мы хотели искоренить идею превосходства одних над другими. Равенство — это отказ от убеждения, что моё «Я» выше других, и что на этом основании это самое «Я» имеет право обирать и разорять, унижать, подавлять, выжимать все соки и даже уничтожать других.

— Вас унижали? — в ровном голосе Жерлицыной появился исследовательский интерес.

Иосиф нахмурился.

— Да... положение людей из моего круга было унижительно. Они не имели своего дома, постоянно жили впроголодь, одевались в перешитые обноски, были лишены образования. Их работа почти не оплачивалась. Но не это было самым ужас-

ным. Хуже всего, что их считали недостойными иной доли, практически неполноценными, до общения с которыми знать не снисходила. Полудикими варварами, неспособными мыслить, вот кем нас считали!

— И что же вы решили делать?

— Я хотел учиться, потому что не мог быть хуже, чем они...

Анна Константиновна заинтересованно подняла брови.

— Хм... и что же дальше?

— Мы должны были поднять весь народ! Большинство пошло за нами! В народе возросло чувство собственного достоинства! Люди ощутили свою сопричастность к великим делам человечества!

— Вы говорите так, будто люди изменились в единый миг, мгновенно преобразившись...

— Не все и не сразу... но люди хотели и могли бороться со своими недостатками, — ещё больше помрачнел Иосиф.

— И... что же дальше?

— Не все оказались до конца преданны нашим идеалам.

— Вас разочаровали идеалы, народ, большевики?

Иосиф задумался.

— Мне ещё многое предстоит осмыслить, — сказал он. — Если кого-то держат в клетке насильно, то справедливо будет его освободить. С этим соглашались даже те, кто считал, что народ может сбиться с пути, выйдя из клетки. Мы дали человеку не только справедливость, но и разумные обоснования выбранного нами направления... Но что-то помешало некоторым понять нас...

Анна Константиновна удовлетворённо кивнула и велела Кате приступать.

Катя почему-то показалась Иосифу подавленной, но он не придал этому значения.

После процедур Иосиф плотно поел, и женщины ушли.

Оставшись один, Сталин погрузился в размышления. Его разум, глубоко убеждённый в правильности идеи равенства, однородности, единства рода человеческого, не раз подтверждённой в его жизни, не мог постичь тайну выбора человеком своего пути. Но признать тупиковость этой ситуации он не соглашался! Он должен был разобраться и найти выход. Но где искать путеводную нить?

Чтобы как-то противостоять одолевающей его после лекарств и пищи сонливости, он придвинул к себе старую потрепанную книгу воспоминаний Дзержинского и принялся читать. Но сосредоточиться было сложно, его сознание выхватывало из текста какие-то отрывки, отдельные предложения и строки.

...каждое насилие, о котором я узнавал, было как бы насильем надо мною лично.

...Уже тогда моё сердце и мозг чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я ненавидал зло.

...Я видел и вижу, что почти все рабочие страдают, и эти страдания находят во мне отклик, они принудили меня отбросить всё, что было для меня помехой, и бороться вместе с рабочими за их освобождение...

Я возненавидел богатство, так как любил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские и изгнал из сердец людей любовь. Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра... которая даёт счастье даже на костре.

...одиночество в тюремной камере наложило на меня свой отпечаток. Но силы духа у меня хватит ещё на тысячу лет, а то и больше... Я и теперь в тюрьме вижу, как горит неугасимое пламя: это пламя – моё сердце и сердца всех моих товарищей, терпящих здесь муки.

...как и раньше, я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают своё тело или душу или и то и другое вместе; чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью всё человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни...

...уничтожить продажность совести и ту темноту, в которую погружено человечество...

И всё движется вперёд: путём печали, страданий, путём борьбы совести, борьбы старого с новым, путём смертей, гибели отдельных жизней... и из этого всего вырастает чудесный цветок, цветок радости, счастья, света, тепла и прекрасной жизни.

Я вижу его богатые, чудные краски, ощущаю его роскошное благоухание, охватывающее всё моё существо, я чувствую уже исходящее от него тепло и вижу его сияющий блеск и бриллиантовую игру лучей. И когда я всматриваюсь в этот цветок, то чувствую – чувствую всей душой, а не только понимаю разумом, – что это богатство красок, это всё оживляющее благоухание, это тепло, и свет, и сияние, всё это – дети слёз, страданий, печали и мук.

Иосиф уснул, а когда проснулся, то ощутил себя другим человеком.

«Феликс! Железный Феликс! Ты напомнил мне истину о вечной борьбе... в том числе и с самим собой... Вот только где взять союзников?»

Анна Константиновна и Катя пришли, как обычно. И пока Катя готовилась, Жерлицына вдруг задала Иосифу прямой вопрос:

— Вы бы хотели встать во главе народа? И железной рукою повести его в будущее?

Она испытующе смотрела на Иосифа. Этот вопрос был неслучаен. Кто-то неизвестно откуда узнал о воскрешении Сталина, и теперь мир гудел, как потревоженный улей. Противники Сталина требовали прекратить эксперимент. Сторонники требовали дать ему свободу.

Иосиф ответил после долгих раздумий:

— Смотря какое будущее...

Взгляд Жерлицыной стал подозрительным и колючим.

— Сегодня демократия успешно противостоит превосходству... Но решило ли это проблему? Народ пал туда, где, по мнению большевиков, он находился незаслуженно, и откуда они его извлекли... Но, если мы правильно поняли, ваша политика говорит о том, что вы сделали определённые выводы.

Теперь Сталину стало ясно всё. Но поверить в это было слишком тяжело.

— Вы сказали, что человек пал. Но многих, наоборот, сломала жажда вознести своё «Я» выше других...

— Да, власть — это очень тонкая материя, и не все её достойны...

Трудно сказать, осознал ли Сталин слова Жерлицыной разумом или вдруг услышал в её интонации эхо того высокомерия и самодовольства, с которым он на каждом шагу сталкивался

в молодости, но он мгновенно проникся к ней ненавистью, ставшей для него в прошлой жизни привычным чувством.

– Скажите Анна, когда вы найдёте разгадку бессмертия, население Земли резко увеличится в численности?

– Нет.

– Но ведь все захотят бессмертия, а новые поколения будут все более плотно заселять Землю.

– Бессмертие слишком дорогое удовольствие.

– Как? Разве не всё человечество получит бессмертие?

– Ну конечно, нет.

Катя и Сталин переглянулись.

– А кто же его получит?

– Ответственные лица и те, кто сможет заплатить.

– Наверно, цена будет немалая.

– Конечно, ведь это не аспирин.

– Вы считаете, что справедливо разделять человечество по такому роковому принципу?

– Ну что вы, Иосиф... Это же чистая экономика...

Она поджала губы и подумала: «Эти овцы предназначены, чтобы их стричь»...

С этого момента для Сталина всё было решено. Его глаза горели яростью, он почти готов был бросить Жерлицыной в лицо всё, что думает, даже хорошо осознавая последствия.

Но внезапно он перехватил взгляд Кати, обращённый на Жерлицыну и горевший такой же ненавистью. Это немного отрезвило его. Раз здесь идёт какая-то игра, то нельзя вот так сразу открывать карты.

– А я уже бессмертный? – вкрадчиво спросил он.

– Пока нет. Но если вы согласитесь...

Он ответил уклончиво:

– Как я могу думать сейчас о чём-то, кроме своего слабого здоровья?

Анна Константиновна начала терять терпение, а это значило, что судьба Сталина повисла на волоске.

Катя, убедившись, что Жерлицына не видит, ободряюще улыбнулась Сталину уголками губ. Она явно хотела что-то сказать, но не видела возможности сделать это открыто.

Теперь Иосиф и на Катю взглянул абсолютно по-новому. Её сегодняшнее поведение удивило и заинтриговало его, и он впервые задумался о взаимоотношениях Кати с Жерлицыной.

Наконец привычный ритуал был завершён, и женщины оставили его.

«Стоит ли его отпускать живым, – закрывая дверь, размышляла Жерлицына, – ну, разумеется, нет, этот левый Dominatur в сотни раз накаленнее наших левых либералов. А вот можно ли использовать его энергию – это большой вопрос!»

Тем временем Иосиф не мог найти себе места. Весь день он разрабатывал и отбрасывал стратегии поведения одну за другой. Его дух обрёл опору и требовал вступить в борьбу, но тело восстанавливалось медленно, заставляя Иосифа злиться. Не понимая день ли сейчас или ночь, он бросился на кровать. Он метался в горячке, и пружины выли и скрипели под ним.

В таком состоянии он уснул.

Побег... О, как часто в его жизни эта мысль билась в его голове.

Вот заледенелый, по пояс засыпанный снегом посёлок Новая Уда. Молодому Сосо едва исполнилось двадцать пять лет. Он жаждет деятельности, жаждет переделки мира, его кипит

чая энергия требует выхода, гложет его изнутри. Даже в трудностях пути сюда в ссылку не чувствовал он себя таким бессмысленным и никчёмным. Его дело, дело его жизни стояло.

Бежать! Бежать!

Время. Сосо кладёт в заплечный мешок краюху хлеба, оглядывает свою одежду. Лёгкое пальто, осенние ботинки, шарф. Ни валенок, ни рукавиц, ни ушанки. Но Сосо уверен в своих силах. Он тихо одевается и открывает дверь. Лютый мороз мгновенно осаждаёт тёплый воздух в избе, превращая его в клубы белого тумана, ветер швыряет внутрь пригоршни снежинок.

Шаг от крыльца, и Сосо проваливается почти по пояс. Но нужно идти. Он торопится, разгребает снег, отшвыривает его ногами. Ночью в лесу от невыносимого холода трещат и стонут деревья. Сосо прислушивается... неужели волки? Но нет, даже волки не выходят на охоту в такой мороз.

В борьбе со стихией проходит ночь. Светает, Сосо оглядывается и впервые задумывается о том, что мог потерять направление. Он тревожно смотрит по сторонам. Правильно ли он идёт? Вокруг бесконечные ряды деревьев... нет никаких ориентиров... Неужели ему суждено замёрзнуть в этих заледенелых лесах. Но Сосо не поддаётся отчаянию. Он отогревает замёрзшие руки в пальто и жадно проглатывает хлеб.

Холод неумолимо проникает всё глубже в тело. Сосо почти не чувствует нос и уши, дыхание становится частым и прерывистым. Выбрав направление и отбросив сомнения, он продолжает двигаться.

Темнеет, а человеческого жилья всё не видно. Неужели он всё же заблудился? Борьба со снежным настом отнимает последние силы, Сосо всё чаще падает и с трудом может встать... Но вот на вторые сутки в серой мгле Сосо замечает

какой-то свет. Человеческое жильё! Ещё немного и он добрался до надёжных товарищей. Но дальше двигаться невозможно... Адская боль, отмороженные уши и нос... Возвращение... Снова Новая Уда, снова дни нетерпеливого, почти лихорадочного ожидания.

Это состояние лихорадочного ожидания не прошло и после пробуждения.

Нужно было что-то придумать, но что... Иосиф понимал, что стоит сделать один неверный шаг, и ему больше никогда не увидеть белого света. Он с тревогой ждал посещения Жерлицыной, которое, быть может, принесёт с собой смерть.

Но всё произошло иначе. Поддержка пришла оттуда, откуда он не ожидал.

В этот день Жерлицына и Катя были как-то по-особому напряжены. И Сталин удивился перемене в их обращении. Жерлицына словно потеряла к нему интерес, а лицо Кати было непривычно бесстрастным и выражало какую-то внутреннюю решимость. Она ушла в процедурную, оставив Иосифа беседовать с Жерлицыной. Сталин сосредоточился на опросе, а когда вновь поднял глаза, увидел Катю с каким-то предметом, обёрнутым простыней.

Она тихо подошла к Жерлицыной и замахнулась. Тело Анны Константиновны сползло со стула.

– Ты её убила?!

– Нет, только оглушила. Свяжи её!

Сталин скрутил руки и ноги Жерлицыной кусками простыни.

– Кто ты?

– Всё потом, тебе достаточно знать, что я не с ними.

Она кивнула на Жерлицыну.

В этот момент Анна подняла голову и вздохнула. Её взгляд остановился на Сталине.

– Поднимешь шум, нам придётся принять меры, – решительно прошептал он, сворачивая кляп.

– Вам мало доказательств того, что человек ничтожен и глуп? Знайте, они пали даже ниже того уровня, с которого вы их вытащили, – высокомерно произнесла Жерлицына.

– Мы никого не вытаскивали, мы помогли народу добиться того, о чём он мечтал, но не мог осуществить.

– Вы проиграете! Снова проиграете!

– А разве мы проиграли? Не-е-ет. Мы стали звеном в цепи перемен, и это звено уже не выкинешь из истории, мы выиграли! И выиграем снова, несмотря на то, что сегодня человека кто-то очень искусно сталкивает в пропасть!

– У каждого остаётся выбор.

– Есть много способов незаметно подвести человека к неправильному выбору...

– Например, никуда его не вести...

– Что вы имеете в виду?

– Не давайте им книги, и они не захотят их взять, не ведите их в школу, и они не захотят знаний.

– Это мнение поверхностно. А его существование лишь подчёркивает сложность человеческой организации, не более. Но если не обеспечить человеку должной сложности, не приобщать человека к человеческой культуре, вы получите очень злое животное.

– Почему именно злое?

– Вы отнимите у человека всё человеческое: выстрадавший человеческий уклад, культуру, знания, человеческий принцип существования в конце концов. Но что тогда ему останется? Принцип естественного отбора, этот людоедский принцип пре-

восходства собственного «Я», ведущий в пропасть ненасытности. Но у человека есть разум, есть речь... Такое существо найдёт гораздо более сложные и страшные способы лучше устроиться в бесчеловечной жизни. Его «Я», оснащённое разумом, будет жаждать превосходства и господствующего положения гораздо сильнее, чем обычное животное в иерархии стаи. Любовь к человеку превратится в любовь к самому себе. Такая любовь подчиняет личность, разрушает всё объединяющее, всё возвышенное и смыслоутверждающее в мире. Личность, попавшая в эти путы, начинает требовать всего только для себя и бесноваться, если что-то не принадлежит ей. Более того, такое господствующее «Я» всегда порождает не только желание вознести себя как можно выше, но и ослепляющее самодовольство, уничтожающее потребность развития, жажду перемен и ответственность. Сможете ли вы управиться с такой стаей?

– У нас хватит сил усмирить их.

– Каким образом? Быть может, вас вдохновляет пример фашистских лагерей? Это будут тёмные века, когда одни по-звериному упиваются властью, а других насильно держат в зверином невежестве. Но рано или поздно найдутся те, кто расплатится с вами за всё. И тогда берегитесь!

– У вас ничего не получится.

Иосиф усмехнулся.

– То есть вы уверены, что человек неисправим?

– Абсолютно!

– Ну тогда и безупречной элиты быть не может, – спокойно ответил Иосиф.

Жерлицына захохотала.

– Смотри что считать безупречностью!

Всё это время Катя смотрела на неё с презрением и не собиралась вступать в диалог, но тут она не выдержала. Прибли-

жившись вплотную к Жерлицыной, оказавшись с ней лицом к лицу, она произнесла ледяным голосом:

– Вы думаете, что люди стадо, которым можно управлять как угодно?!

Смех Жерлицыной оборвался, и теперь они смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью. Жерлицына пыталась встать, но не могла.

– Не тебе меня учить! – прошипела она.

– Так вот знайте! Народ не стадо! Пока есть хоть один такой человек как я, вы никогда не будете правы. Я свидетельство против вашей правоты.

Жерлицына прошептала что-то нечленораздельное и обессилено упала на стул.

Катя торопливо вкатила в комнату какую-то странную тележку с наезжающим белым колпаком.

– Ложись, – сказала она Иосифу.

– Что это?

Катя усмехнулась.

– Выйти отсюда ты сможешь только через морг.

Иосиф недоверчиво оглядел каталку, но всё же лёг и вытянул руки вдоль тела. Колпак закрылся, и Катя выкатила тележку в коридор.

Спустившись на лифте в холодные лабиринты морга, она уверенно покатила тележку в сторону выхода, но около небольшой двери с надписью «Душ» остановилась и, оглядевшись, выпустила Иосифа.

В душе его ждал молодой человек, представившийся Марком.

– Вот, – сказал он, доставая из шкафа одежду. – Переодевайся.

Иосиф надел брюки цвета хаки с четырьмя накладными карманами, чёрную трикотажную футболку, надел высокие ботинки на шнуровке. Он пригладил свои волнистые волосы и взглянул в зеркало. Теперь черты его лица почти не обнаруживали его кавказского происхождения, скорее его можно было принять за испанца или итальянца.

Мужчины вышли за дверь. Катя ждала их на том же месте.

– Идём, теперь нас никто не остановит!

Но прежде чем идти, Иосиф прижал её к себе и крепко поцеловал в губы.

– Моя Кеке!

На каких-то странных одноколёсных средствах передвижения, стараясь не попадаться в глазки вездесущих камер, они пробрались на окраину мегаполиса и внезапно оказались в гулких и мрачных лабиринтах облезлых, железобетонных многоэтажек. Здесь камеры были раскурочены и побиты, двери парадных кое-где выбиты, на тротуарах валялся мусор, серые стены пестрели безобразными рисунками.

Катя провела Иосифа в тайную квартиру её друзей.

Это странное жилище располагалось на тридцатом, самом последнем этаже дома и представляло собой одну комнату с грязно-оранжевыми стенами. Иосифа удивило и покорило, что, едва открыв дверь, невольно вторгаешься прямо в эпицентр частной жизни хозяев. Даже ванна здесь отгораживалась от остальной площади всего лишь тонкой шторкой.

В центре комнаты стоял большой прямоугольный стол, вокруг него располагались несколько покосившихся стульев и кресло. Сквозь грязные окна почти не проникал свет, и поэтому прямо над столом горела большая тусклая лампа. Немно-

го поодаль аморфным серым пятном расплылся в полумраке старый диван.

За столом собралась довольно необычная компания.

Катя по очереди представила всех Иосифу. Кроме Марка, здесь был ещё один достаточно молодой человек, одетый с подчёркнутой щеголеватостью в современный комбинезон. Его звали Вадим. Тучный мужчина с пронизательным взглядом и высокий плотный мужчина средних лет в комбинезоне рабочего занимали длинную сторону стола. Это были Пётр Петрович и Егор. Иосиф и Катя сидели напротив них.

В отличие от остальных Иосиф был вооружён. В плотно охватывающей корпус кобуре «оперативке» торчал пистолет. Но главная разница между ним и остальными всё же была не в этом. Иосиф, даже сидя в удобном кресле, поражал своей осанкой, жёсткостью черт, остротой взгляда. Он был внутренне собран и устремлён к цели, как стрела, выпущенная из тугого лука. В то время как в чертах его собеседников проглядывали расслабленность, довольно вялый интерес и даже некоторое самолюбование.

Из четверых новых знакомых Иосифу больше всего понравился Егор, и поэтому свой первый вопрос он адресовал именно ему.

— За что вы боретесь?

Однако первым ответил Вадим.

— Мы боремся против существующей власти! Они там совершенно зажрались, воруют, ничего не делают, и, главное, эта постоянная ложь!

— У них есть все, а у нас только кредиты и долги, — добавил Марк.

— Значит, вы боретесь за власть?

— Мы боремся за лучшую жизнь!

– За то, чтобы жить не хуже них, – Пётр Петрович поднял палец вверх.

– И за социальные лифты! – добавил Вадим.

– Куда? – спросил Иосиф.

– Что куда?

– Лифты...

– Ну... наверх.

Иосиф нахмурился.

– А вы уверены, что мы все уместимся в один лифт? – не-весело усмехнулся он.

Собеседники молча переглянулись.

– И это всё? – после недолгого молчания спросил Сталин.

– А чего ещё? Нужно, чтоб по справедливости... – сказал Егор.

Иосиф пожал плечами.

– То, что вы задумали, требует многолетней подготовки.

– Зачем это? Если нам удастся занять парламент, то победа уже в наших руках.

Сталин прикрыл глаза рукой.

– И что вы будете делать в здании парламента?

– Ну... то же что и они...

– Егор, а ты?

– Я-то... ну я законы писать не мастак... вот ребята там сами разберутся. Главное – этих скинуть.

– А сколько у вас людей?

– В смысле?

– Ну сколько товарищей в вашей организации, сколько людей пойдёт за вами?

– А разве это можно сказать точно? Мы в интернете бросим клич, а уж кто придёт неизвестно.

– Ну... у нас в цеху человека четыре найдётся, да и вообще человек двадцать будет, – задумчиво протянул Егор.

Иосиф посмотрел на Катю. Она сидела, опустив голову.

– Я готов помочь оружием, – сказал толстяк, – однако сам участвовать не смогу.

– Думаю, это преждевременно, – сказал Сталин. – Если это и всё, что у вас есть на сегодняшний день, то вы просто подставите людей под пули и ничего не добьётесь.

– А что же тогда делать?

Иосиф вздохнул.

– Я видел здесь рядом стадион. Будем играть в футбол.

– Что?!

– Приходите-ка туда через три дня к шести, но не одни, а пригласите всех верных товарищей, познакомимся под видом футбольного матча.

Все, кроме Егора, казались расстроенными. Особенно возмутился Вадим. Он требовал начать подготовку к восстанию немедленно. Но Катя сказала, что Иосифу нужно отдохнуть и вежливо выпроводила бунтарей за дверь.

– Тебе пора делать укол, – напомнила она Иосифу.

Иосиф посмотрел на неё каким-то странным взглядом.

– Давай-давай, ложись на диван, – улыбнулась она.

Он неохотно повиновался. И тут же почувствовал, чего стоил ему сегодняшний день. Голова просто гудела.

Катя достала лекарства и шприц. Иосиф, не отрываясь, смотрел на её руки, шею, волосы.

Слабость боролась в нём с обжигающим желанием поцеловать её, и это желание победило.

Он притянул Катю к себе.

– Неужели это правда? Неужели нет больше тех стен, железной двери, и ты здесь со мной и никуда не уйдёшь...

– Правда, – тихо засмеялась она.

Позже он лежал на спине с закрытыми глазами. А Катя сидела рядом с ним, с кружкой горячего кофе и вглядывалась в его черты.

– Они тебе не понравились? – наконец спросила она.

– Нет... – мотнул головой Иосиф. – Знаешь, почему я взял кличку «Коба»?

– Нет.

Иосиф открыл глаза, но продолжал лежать неподвижно.

– Мой отец в детстве часто рассказывал мне о защитнике бедных Арсене Одзелашвили. Арсен грабил поместья князей, но ничего не оставлял себе, а всё награбленное раздавал обездоленным. У этого героя я научился жалеть крестьян и ненавидеть знатных мироедов и угнетателей. Позже мне в руки попала книга «Отцеубийца». Это роман о любви и гибели деревенского парня и девушки, разлучённых своим же односельчанином, на вершок поднявшимся над другими. Он, забыв свою честь и потеряв уважение к другим ради своей похоти, ни за что бросает парня в темницу, а девушку похищает. Этот душегуб, опьянел лишь от одного запаха власти и не задумываясь уничтожил других. Присягнувший принципу господства неизбежно приходит к этому. Но есть и другие, которым безразлично горе униженных и слабых. В самый трудный момент юноше и девушке попытался помочь именно такой человек. Его звали Коба. Конечно, их сопротивление заканчивается трагично. Парень погибает, оскорблённая девушка сходит с ума. Но Коба не желает смириться и жестоко мстит тем, кто для него олицетворяет собой принцип господства.

Иосиф помолчал.

– Тогда на Кавказе ещё чтили обычаи древней общины, при которой собственное «Я» не застило человеку всех осталь-

ных людей, — лицо Иосифа стало жёстким, почти жестоким. — А этим... товарищам... другие глубоко безразличны уже сейчас...

— Я, кажется, понимаю тебя. Но если есть принцип господства, то как ты назовёшь второй, человеческий принцип?

Иосиф долго не отвечал. Несправедливость и унижения заставили его — сына своего века — вступить в схватку с богачами, знатью и чиновничеством. Поражения, утраты, ошибки, жажда отмщения ожесточили его сердце. Во времена его молодости он был — само возмездие. Ему казалось, что, наказав и изгнав зло, восстановив справедливость, он что-то изменит. Но сейчас он знал, что на месте прежних чванливых паразитов и извергов всегда возникают новые авторитеты, быстро научившиеся обирать и оболванивать других. А тогда какой же принцип не позволит человеку желать удовлетворения своих прихотей за счёт других?

— Принцип... Раньше я бы сказал справедливость или равенство, а теперь... Коммунизм... Солидарность... Сопереживание... Любовь... — хрипло прошептал он.

Катя смотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы.

— Да-да! — воскликнула она. — Я мечтаю, чтобы каждый, понимаешь, каждый начал воспринимать всё человечество, не просто как братьев, но как самого себя. Если каждый проникнется этим чувством единства, состраданием, почувствует ответственность за всех, то он станет сравним по масштабу со всей вселенной! Он продолжится в каждом будущем потомке и достижении. Но и в привычном плане, если каждый будет думать о совершенствовании условий существования всех людей, то и его не обойдёт забота других. В таком мире станет больше и материального, и духовного добра, такой мир будет совершенствоваться и двигаться, в нём будет развиваться и культура, и наука, и искусство! Но это станет возможно, толь-

ко если каждый человек откажется от принципа господства, от борьбы с другими, от стяжательства. И ещё... Мне кажется, что это не всё...

– А что же ещё?

– Разум, знания, опыт и закалка нужны, чтобы уберечь любовь от попустительства.

– Да! Да. Любовь не должна идти на поводу у легкомыслия, своенравия и изнеженности. Иначе... иначе опять полное подчинение собственным капризам... и разложение!

Иосифа охватило какое-то странное возбуждение. Он встал и ходил кругами вокруг дивана.

– А Егор? – спросила Катя.

– Да, из него, может быть, выйдет толк. Но на это понадобится время! Очень много времени.

– Что же нам делать?

– Собирать кружки.

– Что?! Но это практически нереально! Свои нас не поймут, а враги выследят, не успеем мы и глазом моргнуть.

Иосиф вышел на запылённый, обшарпанный балкон. На улице стояли глубокие сумерки, и центр города начал расцветчиваться неоновыми огнями, отражающимися в стёклах гигантских многоэтажек. Но чем дальше от центра, тем огней становилось меньше, а прямо перед Иосифом лежали широкие пустоши с кустарниками, болотами, свалками. Они служили границей города. За пустошами сквозь деревья были видны редкие тускло-жёлтые огоньки.

– Что там? – спросил Иосиф.

– Там трущобы.

– Значит, нам нужно туда, – решительно заявил он.

– Там... – Катя запнулась, – там живут странные люди. Они... алкоголики, наркоманы и преступники.

– Хм, это место ссылки? Там расположены специальные учреждения для их содержания? Вокруг решётки и они одеваются в робы?

– Ну конечно, нет! Нет, просто так случилось, что они там живут, у них есть семьи, дети... Одежда у них, такая, как и везде... Хотя не совсем...

– Тогда нам нужно именно туда, – с нажимом повторил Иосиф.

– Но зачем? Они даже не знают, кто такой Сталин.

– Тем лучше, – лукаво усмехнулся он. – Они агрессивны?

– В каком смысле?

– Ну, они организуют банды?

– Нет... там, как и везде присутствует полиция.

– Тогда нам вообще нечего бояться. Или есть что-то ещё?

– Нет, бояться нечего. Но как же всё-таки быть товарищами?

– Двое из которых жаждут единоличной власти, а третий коммерческой выгоды? Хотя... на их амбициях можно отлично сыграть...

– Хорошо, я готова. Что нам понадобится для поездки?

– Книги!

– Книги? Но может лучше взять не бумагу, а электронные носители? И, между прочим, там тоже есть интернет.

– Прекрасно! Но книги тоже нужно взять.

Через три дня на стадионе собралось едва ли человек восемьдесят настороженных, совершенно незнакомых друг с другом людей. Иосиф по глазам определил, что как минимум двое после встречи напишут куда следует подробные отчёты.

Сталин, назвавшись вымышленным именем, говорил с людьми, пристально вглядываясь в лица, задавая вопросы, давая, в свою очередь, ответы. Он говорил открыто, однако старался избегать радикальных высказываний. Вся эта цере-

мония напоминала выступление какого-то шоумена, никак не оставляя впечатления серьёзного разговора. Потом состоялась жеребьёвка и начался матч.

После игры возбуждённые, шумные люди стали расходиться по домам. Иосиф и Катя тоже пошли к себе.

Вдруг они слышали за своей спиной тихие шаги.

Иосиф нащупал оружие.

— Не бойтесь, я просто хотел спросить.

Их догнал парень лет двадцати двух, которого Сталин выделил ещё в разговоре на футбольном поле.

— Я хотел спросить, что же вы теперь будете делать?

— Переедем в трущобы.

— А можно мне с вами? Меня зовут Иван. Я учитель, и у меня есть машина.

— Вы молодец, Иван. Думаю, мы поладим.

На подготовку к переезду у них ушла неделя. Всё это время Иосиф жил на квартире Ивана. Катя с помощью единомышленников взялась позаботиться о бытовых нуждах, Иосиф заказывал и упаковывал книги. Иван нашёл возможность оформить их поездку как образовательный проект.

И вот в прекрасный осенний день машина Ивана подъехала к КПП на выезде из города. Иван прошёл контроль, машину дотошно осмотрели. У полицейских не появилось никаких подозрений. Обычный энтузиаст ехал просвещать «низы».

Труднее пришлось Иосифу и Кате. Новоиспечённым нелегалам пришлось восемь часов пробираться через свалки и болота.

Такие трудности отпугивали изнеженных и рафинированных городских жителей, но не могли остановить двух решительных людей, всерьёз задавшихся своей целью. И в назначенный час Катя и Иосиф присоединились к Ивану.

В школе небольшого посёлка, отстроенного вокруг огромного завода, их ждала молоденькая учительница, при виде которой трое гостей невольно переглянулись: колготки «в сеточку» и растянутое платье майка в сочетании с выглядывающим кружевным бюстгалтером, вызывало вполне определённые ассоциации.

— Здравствуйте, я Елена. Мы вас очень ждали! Спасибо, что примете участие в нашем марафоне Истории, — лицо Елены излучало доброжелательность и неотличимую от натуральной заинтересованность.

На самом деле ничего из происходящего её не интересовало, в том числе и история. Ей просто нужно было выполнить план по мероприятиям и получить свои деньги, а эти трое подвернулись очень кстати, тем более что они даже не попросили оплаты, сэкономив тем самым её бюджет. За это можно и расстаться.

— Мы готовы начать хоть сейчас! — ответил Иосиф и взмахнул головой, откинув со лба непослушную вьющуюся прядь.

Первая же встреча с людьми показала, что работа им предстоит нешуточная.

Мало кто хотел слушать лекции по истории. Чтобы их посетили, Елена разыгрывала два билета в парк развлечений, но и это почти не работало.

Те же, кто присутствовал, шли сюда из любопытства, желания высказаться, из желания просто разнообразить свободное время.

Это не были те рабочие и служащие, которых хорошо знал Иосиф. Эти люди не голодали, их одежда пусть и низкокачественная, пёстрая, безвкусная вполне годилась для жизни. У них были иллюзорные школы и больницы, реальные кинотеатры и бары. А в убогих квартирах у них царил дух дешёвого

глянца. Эта жизнь удовлетворённых потребностей напоминала застойный омут, на поверхности которого не было ни морщинки. Но и в его глубине зрело недовольство, порождённое всё тем же завистливым и алчущим, ненасытным «Я».

Понимая это, Иосиф долго думал, с чего же начать разговор.

— Поймите! Своим трудом вы составляете миллиардные капиталы для других. А сами получаете копейки.

— А что делать? У них сила! Да и наши семьи не бедствуют. У нас все есть, еда, одежда, крыша над головой, даже выпивка и развлечения.

— И это всё, ради чего вы живёте? Каждый день просто вкалывать, а каждый вечер поесть и валяться на диване? Разве вы не понимаете, что так жить просто унижительно?! Разве вы не видите разницы? Они образованы, эрудированны, все достижения культуры к их услугам.

— Знаем мы их ирудицию? Их образование — это оттопыренные пальцы, накачанные груди и модная одежда. Культура, которая им нужна — это развлечения, только классом повыше, чем у других, — возразил верзила с отросшими волосами и натруженными заскорузлыми руками.

Не успел Иосиф ответить, как голос подал другой мужчина, представившийся Матвеем.

— У них в элитных школах преподавали Гомера, Данте, Канта, Толстого... А у нас и историю почти не преподавали. Учить, видите ли, нужно то, что в жизни пользу будет приносить. Вот и преподавали сразу узкую специальность, кроме которой мы ничего и не знаем, которая нас и кормит. Выходит, им «пожалуйста, будьте культурным человеком», а мы — рабочий скот, который не видит дальше собственного носа.

— Ну, Матвей, ты бы уж только за себя говорил, раз таким себя считаешь. А я вот не считаю. Я не хуже их, а потому пусть

они делятся своими дворцами, майбахами, яхтами. Я, может, тоже хочу, чтоб моя жена каждый день по салонам моталась, — возразил верзила.

— Да и зачем нам это всё надо? — добавил бледный молодой человек, в новеньком костюме, какие носили клерки или мелкие предприниматели. — Гомэ-эр, Пушкин... Нам нужно бороться за улучшение жизни.

Сталин готов был ненавидеть это популярное словосочетание «улучшение жизни». Оно было, разумеется, верным, но Иосиф чувствовал, что в него вкралась какая-то фатальная ошибка.

— А если вам не надо, и нудные книжки вас бесят, то и понимайте, что вы на своём месте, и не надейтесь, что вам удастся что-то изменить, — не сдавался Матвей. — У них всё! А вам и крыть нечем! Они всю землю присвоили, дороги, коммуникации, а мы их заложники и дойные коровы. Я сантехник, знаю, что говорю, за то, что вы свой унитаз спускаете, они хотят с вас прибыль иметь, а не зарплату.

— Так чем мне поможет Гомэр? — пожал плечами клерк, снисходительно взглянув на Матвея.

— Вот-вот, — согласился верзила.

— А может, мозг у тебя разовьётся, а то от ваших частушек и Пелевина он у тебя совсем усох! Разве не обидно тебе, что какая-нибудь фифа смотрит на тебя, как на скота?

— Культура, знания позволят вам увидеть мир другими глазами, понять, почему всё происходит именно так и как могло бы быть по-другому, — сказала Катя.

— А зачем? — спросил верзила.

— Как зачем, ты же сам сказал, что тебя не устраивает то, как есть...

— Ну... а по-простому нельзя?

– По-простому можно только сломать, а построить вряд ли. Даже будку Шарику и то не так просто сделать... – махнул рукой Матвей.

– Вам обязательно нужно учиться, – вмешался Иосиф.

– И как нам это сделать?

– Пространство культуры общее. Почему бы вам не заняться самообразованием.

– Для этого нужно знать, с чего начать, а у нас и книжек-то нету. У меня-то библиотека ещё от матушки осталась, а вот у остальных... – пожал плечами Матвей.

– Но ведь есть интернет... – сказала Катя.

– Да, читаем мы этот интернет... толку от него мало... Вот тех книжек, что Иосиф привёз там нет и никогда не будет.

– Но сначала ведь нужно изучить то, что доступно...

– А что доступно? Вот я говорю Толстой! А где его взять? Нету его в интернете! Был, я помню, да сплыл!

– Ну теперь вы можете не переживать. У нас все есть! – сказал Иосиф.

– Да ничего у вас нету! – возразил верзила. – Вы вот скажите, как нам добиться повышения зарплаты...

– Начинать, конечно, нужно именно с этого, но...

Иосиф знал, что научить людей выдвигать политические требования, ещё не значит получить удовлетворение этих требований. Никакая власть не уступит своих привилегий демократическим путём, даже если большинство народа выскажется за это. Более того, она рано или поздно жестоко выступит даже против тех, кто ведёт борьбу в рамках закона.

Многие из тех, кто слушал Сталина, разочаровались, поняв, что быстрых перемен тут ждать нечего, но были и те, кто прислушался к его словам. Матвей стал для Иосифа и Кати не просто соратником, но и надёжным другом. Всё своё сво-

бодное время он проводил у них в гостинице, и это даже чуть не стоило Кате жизни.

Однажды в гостиницу пришла густо накрашенная, издёрганная и крикливая женщина и потребовала перестать гипнотизировать её мужа. Это была жена Матвея. Катя постаралась убедить гостью, что они не делают ничего плохого. И тогда, прежде чем кто-то успел среагировать, разъярённая женщина схватила со стола тяжёлый бюст Ленина и швырнула его в Катю. Из рассечённой головы девушки хлынула кровь. Телесная рана зажила, но Катя всегда с горечью вспоминала произошедшее.

В эту зиму Иосиф много занимался с рабочими, читал сам, размышлял и писал.

Он искал принцип. И он нашёл его.

В толстой тетради, исписанной мелким почерком, он написал большими буквами:

«Подлинный гуманизм как основное свойство нового человека, — это основанная на переживании страдания и сострадания (то есть через чувственное начало) и рациональном понимании проблематичности современной человеку реальности, постоянная потребность действия, разумных перемен, которая мотивирует человека, используя разум, выявлять прогрессивное направление для человечества и самого себя и действовать в этом направлении».

— Проще говоря, человек разумный, через переживания учится совершенствовать мир! — объяснял он тем, кто решился к ним примкнуть.

Примкнувших было не так уж много, но через год у них насчитывалось более двухсот надёжных членов почти во всех окружающих город посёлках. Эти люди казались очень простыми, и в то же время непохожими на других. Они в действи-

тельности воплощали то, что многие поколения мыслителей считали недоступным идеалом. Они были чужды стяжательства и господства, неподкупны и невластолюбивы. Ими двигали любовь к человеку и желание совершенствовать мир.

С такой программой Сталин мог возвращаться в город. Но он ещё не решил, стоит ли выходить из подполья.

Да, огромные массы народа поддержали бы его, только узнав кто он на самом деле. Но что он мог дать им в краткосрочной перспективе, и что должен был делать потом? Без долгой подготовки невозможно было надеяться на нужный результат. Поэтому Сталин решил не раскрывать своё инкогнито и начать подпольную работу, продолжая скрываться от властей.

Машина Ивана въехала обратно в город почти таким же ясным днём, как и год назад.

Сталин, Катя и Матвей сидели с ним. Лицо Кати стало как будто уже и взрослее, ямочки на щеках пропали, бровь рассекал свежий шрам. Луч сканера скользнул по их лицам, и на мониторе КПП высветились незнакомые фамилии: Китова и Рымов.

Взломать базу данных паспортной службы и внести туда свою фотографию оказалось не таким уж хитрым делом, и Сталин быстро нашёл специалиста, который за достаточное вознаграждение помог ему разобраться во всех нюансах. Так что теперь Иосиф мог менять своё имя и фамилию хоть каждый день и час. Сложнее было взломать базу розыска по фото, но и это им удалось.

Остановились они в своей прежней квартире с грязно-оранжевыми стенами, хотя и понимали, что долго оставаться тут им нельзя.

В городе Сталин прежде всего встретился с Егором и познакомил его с Матвеем. Эти двое очень быстро нашли общий

язык. Егор, сам много и тяжело работавший за сущие копейки, хорошо понимал, о чём говорит Матвей. И вскоре Иосиф убедился, что может быть спокоен. Егор и Матвей соберут хорошую ячейку и без его участия.

Сам же он занялся подготовкой своего собственного замысла.

Он пригласил к себе Петра Петровича, Вадима и Марка, и они, как и в первый раз заняли места за прямоугольным столом.

– Вы знаете, кто такой Кирилл Константинович Аметистов?

– Министр социального развития и советник? – спросил Пётр Петрович. – Да... птица очень высокого полёта. Президент его очень уважает... Гхм... А в чём дело?

– Да... Это он... Не сможем ли мы попытаться привлечь его на свою сторону?

Гости удивлённо переглянулись.

– Маловероятно, – покачал головой Пётр Петрович.

– Да и зачем? – спросил Марк.

– Мне кажется, человек такого масштаба должен понимать, что наша идея обеспечит для человечества качественный прорыв в развитии, переход на другой уровень, в отличие от всего этого нерабочего хлама вроде устойчивого развития. Я должен попытаться его убедить. Мы должны говорить с людьми.

– Да зачем это нужно?! – вспыхнул Вадим.

Иосиф был готов к этому. Как он и ожидал, идея совершенно не интересовала их. Они жаждали только власти и тех возможностей, которые она даёт.

– Хотя бы, чтобы снизить накал противоречий. Я хочу встретиться с ним и поговорить.

– С моей точки зрения, это будет предательство и слабость. Ведь тогда он узнает о наших планах, – сказал Марк.

– Мы должны готовить восстание, – настаивал Пётр Петрович.

– А если попытаться взять его в заложники?

– Бред, – фыркнул Вадим.

Он прекрасно понимал, что без персоны Иосифа людей им не поднять. Но по сути не видел в Сталине совершенно ничего необходимого и откровенно раздражался, если Иосиф вставал ему поперёк дороги.

– Дайте мне хотя бы неделю, – попросил Сталин.

– Да зачем это надо?! Оружие у нас есть. Если начать внезапно, можно рассчитывать на успех! – сказал Вадим.

Пётр Петрович и Марк сидели, опустив головы.

– Ну, хорошо, – помрачнев, согласился Сталин.

Он достал карту города и показал, где планирует создать опорные пункты повстанцев.

– Двадцать пятое октября вас устроит?

– Через месяц! Это просто отлично!

После того как они ушли, Иосиф долго сидел в задумчивости, а затем сказал Кате:

– Кеке, мы уезжаем.

– В чём дело?

– Я не знаю, но сегодня мы тут не останемся.

Они быстро собрали вещи и спустились по пожарной лестнице на первый этаж.

Обойдя дом, они увидели, как группа захвата врывается в подъезд.

– Не может быть! – воскликнула Катя. – Похоже, их спецы обнаружили изменения в программе поиска по лицам! Значит, война объявлена!

Они сели в машину и скрыли лица под привычным маскарадом. Катя стала платиновой блондинкой в солнечных очках,

а Иосиф обзавёлся окладистой бородой и накинул на голову глубокий капюшон.

– Надеюсь, что машину они пока не вычислили.

Беглецы остановились в малоприметной гостинице, стоявшей на отшибе. И, пока Катя готовила ужин, Иосиф позвонил Егору. Тот приехал вместе с Матвеем, Иваном и ещё двумя надёжными ребятами.

– Хвоста не было?

– Нет.

– Хорошо. Тогда к делу. Нам предстоит вычислить постоянные маршруты Аметистова и подготовить захват. На всё у нас неделя.

– Предлагаю начать слежку от рабочего места, – сказал Иван.

– Да, так будет лучше всего.

Они обсудили детали и наметили основной план.

С этого момента два события готовились практически параллельно. Иосиф был в центре обоих. Он объяснял, учил вести себя в толпе, просачиваться в плотной массе людей, работать в паре и группе. Вадим настойчиво требовал от Сталина записать обращение к народу и разместить его в интернете, но Сталин всё время оттягивал это.

Наконец маршрут перемещений Аметистова был полностью известен, и повстанцы решили осуществить захват через два дня.

Тем вечером Иосиф встревоженно взглянул на Катю.

– Кеке... я жалею, что втянул тебя в эту авантюру...

– В чём дело?

– Очень вероятно, что в конце этого пути нас ждёт смерть...

– Нет. Не надо думать о плохом. Лучше порадуйся... Я беременна.

Иосиф замер, на мгновение лишившись дара речи.

– Боже мой...

– Ты не рад?

– Я чувствую себя, как Авраам... Но тебе нужно немедленно искать убежище!

– Нет-нет, я останусь с тобой.

– Но пойми, остались считанные дни.

– Я никуда не поеду!

– Кеке!

– Если что-то случится с тобой, то и нам нет смысла жить!

– Ты не права! Ты не имеешь права распоряжаться жизнью ребёнка!

В самый разгар этого выяснения в дверь постучали.

Это были Иван и Матвей. Они принесли неутешительные новости.

– Вадим откуда-то узнал о нашем плане. И теперь они решили опередить нас! Они выступают завтра!

– Не может быть!

– Что будем делать?

– Мы перехватим кортеж прежде, чем начнутся беспорядки. Нам необходимо опередить их.

Ночью Иосиф разбудил Матвея, и они вышли на балкон.

– Матвей, Кеке... ждёт ребёнка. Это многое меняет. Завтра нужно её увезти в надёжное место.

– Но она не согласится!

– Мы разделимся, якобы для дела, и ты увезёшь её отсюда. Только не говори ей ничего сразу... скажешь, когда будете уже далеко.

– Хорошо.

– Я желаю вам удачи. И запомни. Только вы должны удерживать власть. Ты и Егор, и те, кого вы успели подготовить.

– Думаешь, это конец?

Иосиф опустил взгляд.

– Попрощаться не помешает.

Наступило серое, дождливое утро. Катя чувствовала себя плохо, была бледна и слаба, но твёрдо стояла на своём участии.

– Хорошо, тогда ты поедешь с Матвеем, а я с Иваном. Мы выедем пораньше, через пятнадцать минут стартуете вы.

Катя кивнула. Иосиф поцеловал её в щеку и вышел за дверь, через прозрачные стёкла которой была видна стоянка около отеля.

Катя видела, как он сел за руль и начал разворачиваться.

Она отвернулась и поймала на себе пристальный взгляд Матвея.

– Что?

Он ничего не ответил, и Катя всё поняла.

Она бросилась обратно к двери.

– Нет! Нет!

Матвей догнал её и обхватил за плечи.

– Так нужно! Катя, ты не имеешь права рисковать!

– Нет-нет-нет! Я хочу к нему!

Лицо Иосифа медленно проплыло перед ней, и его машина вырулила на шоссе.

Катя без сил рухнула на руки Матвею.

Машина Ивана мчалась по шоссе в сторону гигантского путепровода – огромной бетонной трубы, в которую было спрятано правительственное шоссе. Все перемещения официальных лиц происходили только по нему, и если бы не маленький открытый отрезок пути, то повстанцам нечего было бы рассчитывать на успех. Этот открытый отрезок проходил по огромному офисному центру, и было решено выкрасть Аметистова именно здесь, где очень просто затеряться в ла-

биринтах многоэтажки. Тем более что там у них тоже нашлись свои люди.

Они готовились взорвать дорожное полотно непосредственно перед проездом кортежа, а Иосиф в суматохе должен был подобраться к Аметистову и увести его под прикрытием надёжных товарищей.

Всё так и случилось бы, но Иосиф не учёл и не мог учесть одной детали: Аметистов уже давно кое-кому мешал, и этот кое-кто давно искал возможность, не привлекая внимания, устранить его.

Именно поэтому, когда Иосиф в звенящей тишине под прицелом сотен человек охраны вывел Аметистова из здания и подтащил к машине, раздался выстрел, и грудь «гиганта мысли» обагрилась кровью.

В то же мгновение тишина взорвалась грохотом выстрелов. Сталин оттолкнул тело, вскочил в машину, и Иван дал газ.

У них была фора, но полиция всё же быстро села им на хвост, вынуждая петлять, словно зайцы. Однако всё ещё оставался шанс, что они смогут уйти.

Иосиф отстреливался через люк и открытую дверь.

Неожиданно у него зазвонил мобильный, и он, пригнувшись, ответил на звонок.

– Иосиф, это Егор! Украины восстали! Люди двигаются по улицам, скандируя твоё имя, они готовы взять город.

– Егор, восстание должны возглавить именно вы! Иначе всё провалится, и вас ждёт поражение и хаос! Слышишь?

– Да, слышу, – голос Егора едва прорывался сквозь шум.

– Прощай друг!

Егор отключился, но телефон Иосифа тут же затрезвонил снова. Номер был незнакомый, так что отвечать было неза-

чем. Но телефон не унимался, и Сталин всё-таки ответил. Это была Жерлицына.

— Иосиф! — почти прокричала она. — Зачем вы вывели людей?! Вы же говорили, что вам не нужна власть!

— Людей вывел не я, хотя вина есть и на мне. А на счёт власти... Если дело дойдёт до этой мерзости, я просто вернусь туда, откуда вы меня вытащили!

Он бросил трубку.

— Иногда я думаю, что лучше бы я стал священником... — ни к кому не обращаясь, сказал он.

Иван взглянул на него с недоумением. И Сталин, усмехнувшись, продолжил:

— Но потом снова и снова убеждаюсь, что правильно сделал, что стал революционером. Здесь я на своём месте! Иван, нам во что бы то ни стало надо оторваться!

Он высунулся в люк и швырнул под колёса преследователей дымовой «апельсин».

Иван резко свернул на соседнюю улицу. Машина вильнула, и из болтающейся двери на дорогу выпал том Дзержинского. Книга раскрылась на случайной странице.

«...Любовь проникает в душу, делает её сильной, доброй, отзывчивой, а страх, боль и стыд лишь уродуют её. Любовь — творец всего доброго, возвышенного, сильного, тёплого и светлого».

Гигантские волны народа выплёскивались на площади города в надежде обрести новую жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Татьяна Столярова «Огнеупорщик»	6
Татьяна Столярова «Спасатель».....	21
Татьяна Столярова «Призраки коммунизма».....	36
Юлия Рубинштейн «Истинный грех».....	51
Андрей Пучков «Наследство»	66
Андрей Пучков «Совершенная защита»	83
Владимир Хабаров «Птица счастья»	95
Владимир Хабаров «Ложный посыл»	106
Дорофеев Михаил (Dorofeev) «Дядюшка Бенни и призрак в кресле-качалке».....	119
Ермолова А.Ю. «Балалайка-целительница».....	134
Ирина Брестер «Долгое эхо разлуки»	149
Лидия Лиманова «Глория».....	163
Александр Никишин «Налево».....	195
Наталья Кадомцева «В краю вечной осени»	212
Никас Славич «Проект Вселенная».....	226
С. Хочистов «Колесо о дюжине спиц»	251
Татьяна Вежина «Фиалки в декабре»	268
Татьяна Вежина «Принцип нового человека».....	287

Литературно-художественное издание

**СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 4 (В ДВУХ ЧАСТЯХ)
«ДЛЯ МУДРЫХ», ЧАСТЬ 2**

Составитель Наталья Сажина
Ответственный за выпуск Мария Соседко
Верстальщик Мария Киселёва
Художник Наталья Морева
Выпущено в авторской редакции

Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж неограниченный. Гарнитура «PT Sans».
Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.
Тел. 8–913–429–2503

E-mail: mail@izdat-kniga.ru. Сайт: www.izdat-kniga.ru

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».